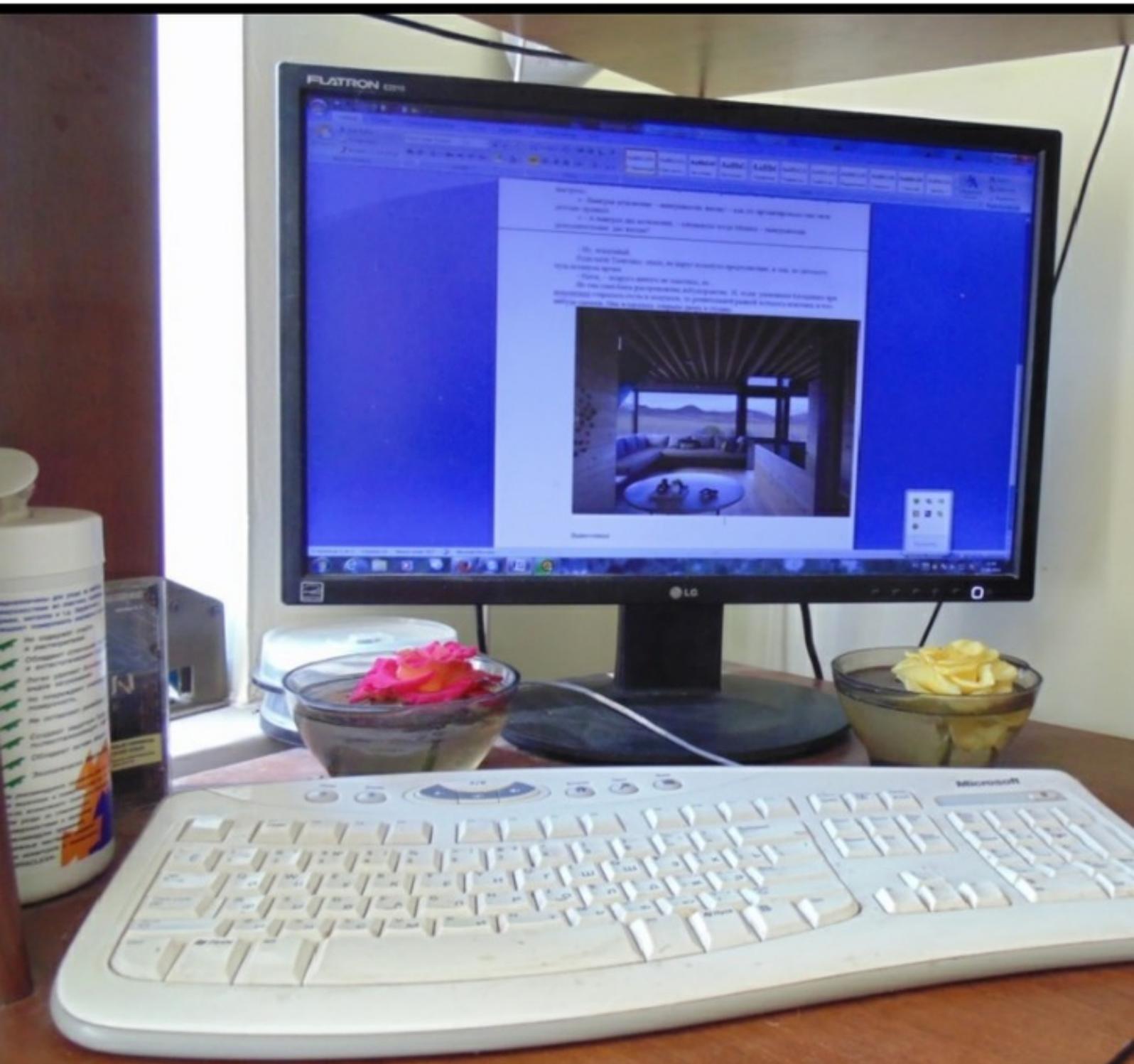

L++
Ибо богиня

L++

Ибо богиня

«Издательские решения»

L++

Ибо богиня / L++ — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831178-9

Даяна — виртуальный рай для геймеров планеты Гесса. Но всё смешивается: виртуальный секс с реальной любовью, приключения на Гессе с битвами в Даяне, жертвы в Даяне со смертями на Гессе. И люди обнаруживают, что в их мир пришли боги. И две девушки с ужасом осознают, что становятся — богинями...

ISBN 978-5-44-831178-9

© L++

© Издательские решения

Содержание

1. Поступление в КОМКОН	6
2. Тихая долина	18
3. Две небольшие кучи-малы	25
4. Научная деятельность Блейка	40
5. Сплетение роз	49
6. КВП	62
7. Месилово	80
9. Ясный родник	91
10. Забота о выживании вида	108
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Ибо богиня

L++

© L++, 2016

ISBN 978-5-4483-1178-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Поступление в КОМКОН

Обе башенки комплекса связи космодрома сияли в лучах утренней Гелы всеми своими отражателями. Перед ним распластался строгий эллипс посадочной площадки, покрытый коричневатой массой спёкшегося местного базальта – как площадь древнего-предревного форума у языческого храма какого-нибудь главного городского бога. За ним возвышалась чёрная громада комплекса КОМКОН, а вокруг теснились скалы, среди которых кое-где возвышались сумевшие угнездиться на голых камнях диковинные деревья, окруженные диковинными растениями, обвешанные диковинными мхами.

А дальше было только небо. Синее-синее, как на Земле в самые ясные дни, где-нибудь у тропического моря... Нет, здесь синева была ещё гуще. А внизу, от подножья горы и до самого горизонта расстилалось, другое море – безбрежное море саванны.

Татьяна опять повернулась к башенкам и облокотилась на парапет ограждения. Ветер баловался с полями её шляпы, но широкие ленты удерживали её, и молодая женщина поправляла свой головной убор больше рефлекторно, чем по необходимости.

Зелёные огоньки сменились предупреждающими жёлтыми – ещё минут пять, и прибудет шатл.

«Да, как храм», – опять подумала она.

Дизайнер ландшафтов не взорвал, не срыл ни одной лишней скалы, не убрал ни одного из этих корявых деревьев, и веками выверенная функциональность малого космопорта, чёрный монолит Комплекса стали зримым вызовом первобытной дикости этой планеты, её по-детски неуклюжей неухоженности.

«Значит, храм, – улыбнулась своим мыслям молодая женщина. – Да и... почему бы и нет?»

Она была хороша.

По счастью её родители – известный режиссер и не менее известная ведущая реал-шоу – так и не дали разрешения на детскую пластику. Найти хирурга, готового рискнуть своей лицензией ради сумасшедшей девицы, девчонке не удалось.

(« – Да они увидят, как станет хорошо, и всё подпишут!

« – Вот пусть подпишут – и будет хорошо. Девочка, лицензия даётся один раз в жизни. Понимаешь, только раз!

« – А, так значит, таких, как я, у тебя много?!)

Но в данном вопросе её фирменные истерики, которых до дрожи боялись окрестные пацаны, выдавливали из молодых пластмейкеров ахи и охи, объятия и поцелуи – даже рыдания! даже дорогие подарки! – всё, что угодно, но не согласие на подпольную операцию.

Вот и оставалось ей самой рыдать над своей обыкновенностью и в пятнадцать, и в восемнадцать, и даже в девятнадцать лет!

Подруги приобретали такие формы, что пацаны их стаи млели. Подруги смотрели на пацанов взглядом «распахнутая глубина» от Эрики Мон. Подруги улыбались пацанам «лисьей улыбкой» от Чёрной Юлии, подруги заостряли уши, а она, она, она!..

В качестве подарка на совершеннолетие (восемнадцатилетнее – неполное, конечно же) она попросила самую малость:

– Мама, я тебя как взрослая женщина взрослому человеку прошу – только форму ногтей! Ты же знаешь, сейчас модно...

« – Нет, – отец и мать ответили не дослушав, ответили одновременно, в один голос, как будто им дал знак своей палочкой невидимый дирижёр.

И тогда она перестала сдерживаться, отпустила вожжи и...

И нарвалась на встречную истерику матери.

И поняла, что до взрослой женщины ей ещё расти и расти.

Младший брат, как только увидел опускающееся левое веко матери – сбежал и пережил этот кошмар, привычно схоронившись в хозяйской, в стиральной машине. Окрестные пацаны и ближние подружки оказались не столь поспешны и, залечив мелкие повреждения (синяки, там, царапины... царапины заживали дольше), несколько месяцев не решались переступить порог Танюшкиного дома, а уверения, что подобные землетрясения у них чаще, чем пару раз в год, не происходят, только добавили суеверного ужаса. Серый же – главный заводила стаи, которого Танюха по благу время от времени пристраивала в материнскую реалку – сказал: «А я-то всё понять не мог, как она там с тем бедламом управляется, почему они все эту цыпочку с полуслова слушаются...»

Светопреставление в доме остановил хохот отца.

До того он хватал то одну, то другую, получал по морде то от одной, то от другой, орал то на одну, то на другую, а потом захохотал. Он сел на диван, закрыл лицо руками и захохотал.

– Ты чего?! – ничего не поняла мать.

– Какие вы... – давился от хохота отец, – какие ж вы одинаковые.

– Посмотри на меня! – потребовала мать.

Отец поднял голову, она резко развела его руки. Он был красным, как помидор.

Тут до Танюхи дошло, как хватал её отец, и ей стало страшно.

– Вон! – выплюнула в её сторону мать. – И только посмей ещё...

Дочка, взрослая, восемнадцатилетняя – совершеннолетняя! – не дослушала. Она бросилась вон, к брату, в подвал, в хозяйскую комнату, в стиральную машину.

Вечером, когда она пробралась к себе и уже легла, к ней в спальню пришел отец.

– Ну, успокоилась? – спросил он и погладил её по щеке.

Эта тихая ласка была такой тёплой, такой привычной, такой родной, что все тёмные мороки побитыми бесами расползлись по пыльным углам.

– Прости меня, – продолжил отец, и один особо наглый бесёнок приподнял свою страшненькую головёнку.

– За... что? – выдавила Таня.

– Тебе всегда хватало ума не встречать между мною и матерью, а мне, чтобы не влезть между матерью и тобой – ума не достало.

– Мне не ума, мне смелости не хватало! Боялась я! – она с наслаждением показала сникшему бесу кукиш, нащупала в темноте ладонь отца и прижалась к ней щекой.

– Если за себя, то и правильно... Вон, вишь, как сегодня неловко получилось, а ведь ты, вроде бы, «взрослая женщина»! – отец улыбнулся. – А если за меня, то напрасно.

– Почему? Она же себя не помнит в такие минуты! Её же только баба Лета утихомирить может!

– Ага, и что характерно, без брандспойтов, плёток и смирительных рубах, хоть мамочка-то твоя, «в такие минуты», чистая торнадо, – с непонятной нежностью в голосе согласился с ней отец. – Знаешь её кликуху на студии?

– Знаю – «Цыпка». Серы... Сергей смеялся: мама – Цыпка, дочка – Птаха.

– «Цыпочка»... – тихо повторил отец. – А парень не говорил об их главном присловье?

– Нет...

– «Не надо будить мамочку», – он опять, с явным удовольствием, помедлил и продолжил: – А как ты думаешь, кто в мамочках у цыпки? Учти, про Виолетту Несторовну у неё в студии не знают.

– Тогда... – Таня не стала особенно задумываться. – Мать у цыпочки... Курица? Наседка?

– У нашей цыпки – ЦЫКЛОПИЩА!

– Как-как? – хихикнула дочка.

– Как слышала. А твоему хулигану может ощутимо добавить уважухи в некоторых компаниях, если он похвастается, что лично знаком с мамой Цыпочки. Особенно, если добавит, что защищая свою девушку.

– Я – не его девушка.

– Да знаю я, знаю.

Он всегда и всё про нее знал. Он всегда, сколько она себя помнила, с сопливого детства, был её опорой, последним редутом, финальной линией обороны – от злых подружек, от злых мальчишек, от злого мира, от злой матери. Даже эту комнату, её спальню, шесть лет назад выбрал для неё он. Небольшая, но на втором этаже, что означало – под самой крышей. А там – пожарная лестница... Её тайная тропа к детской свободе! А потом к недетской.

Да и вид на город из окна... с их холма... обалденный!

– А ты, папа? А тебе самому с ней не страшно?

– А я – её муж. Ссоры в семейной жизни необходимы. Истерики – тоже.

– Зачем?! – изумилась она.

Отец не спешил с ответом... Она почти услышала его мысль, почти увидела его грустную, его тёплую улыбку: «она же, в конце концов, уже „взрослая женщина“»:

– О, мы приличные люди, интеллигентные, вежливые. Потихоньку накапливается разный шлак – здесь недопоняли, тут промолчали, там стерпели... Торнадо выметает весь мусор. В истериках не выбираешь слов – если почти теряешь сознание, кричит бессознательное. А когда сознание возвращается, можно подумать, проанализировать, поискать компромиссы, поторговаться.

– Торговаться?

– Уж не тебе удивляться! Серьги из лунного агата у тебя как появились?

«Они называют это „торговлей“?! Это у них, может, и торговля, а у меня – подарок! Подарок... Подарок? – она задумалась, вспомнила себя, Стива, поморщилась, улыбнулась, – Но откуда они знают? Неужели нажаловался?!»

– Вы знаете?

– Знаем-знаем. После вашего разрыва предложили Стиву вернуть их. Отказался наотрез. И жена его, кстати, – тоже.

– И она знает?!

– А ты думала.

– А она-то почему?

– Сказала, что ты заработала.

– Я?!

– У него была яма. «Творческий кризис» это называется. Когда сомневаешься в себе, в своей профессии, в своём профессионализме, когда сомневаешься во всём. Жена ему помочь не могла. В их семье она создает уют и покой, а не творческое напряжение. Ты это напряжение – вернула. А сама ушла. Вовремя ушла. Очень вовремя.

Таня сжала ладонь отца:

– «Валечка»?

– Да, Валентина Курнякова, его модель, пробилась в верхнюю сотню года.

– Как же я её ненавижу!

– Ещё ненавидишь?

Таня не стала отвечать, наоборот, она спросила:

– Но почему?

Отец понял. Он её всегда понимал:

– Они все, все твои пластмейкеры, сразу же с нами связывались, а Стив так на коленях стоял. И не думай, что в каком-то фигуральном смысле. Цыпочка наша ему тогда приказала ладони по полу вытянуть и... и заехала ногой! Не по ним – вплотную: «Только посмей! Хоть её мозоли на её пятке коснешься – пальцы переломаю!»

– Но почему?! – опять спросила дочка.

– Потому что ты – не модель. Ты – из семьи мастеров. И сама – мастер.

– Не понимаю.

– Потом поймёшь. Всё, спи, – он отнял руку, а она опять почти увидела его улыбку, – Позволь немного о другом. Хочешь совет? Совет от взрослого мужчины взрослой женщине?

– Хочу, – осторожно проговорила взрослая дочь.

– Не загорай. Совсем и никогда. У тебя така-а-ая кожа!

Отец после этого «праздника жизни» начал брать её на светские приёмы, на деловые встречи, когда требовалось присутствие женщины, а матери было некогда. Жена поворачала-поворчала и... последовала его примеру.

Первую пластику Татьяна сделала только в двадцать один. Через неделю после дня полного своего совершеннолетия, тщательно обговорив всё с матерью и получив одобрение отца. Она только чуть подправила мочки ушей. Практически – лишь усилила их, чтоб можно было надеть тяжелые серьги. Чтоб, наконец, вдоволь поносить серёжки из лунного агата.

Её ближайшая подруга в это время тоже делала пластику и дорогушую: пыталась восстановить лицо, вернуть то, что было заложено генами – её индивидуальными, неповторимыми генами (второй размер груди – свой, родной, она вернула за год до того). Пластмейкер сделала, что могла, но подруженька только вздыхала, сравнивая отражения своего лица с отражением лица Танюхи: живое оно и есть живое, не кукольное... А настоящий *релод* исполняют лишь несколько человек на всей планете... И не за те деньги.

«Танюха» же тайком от подруги подмигивала зеркалу.

Она была хороша: тонюсенькая, светлая, лёгкая. Её волосы, убранные в тяжеленную косу – сияли, серые, с каре-зеленоватым ободком глаза – сияли, не тронутые помадой губы – сияли. А уж не тронутая загаром кожа...

Звёздные родители добавили ей статусности, обитание в стае – здравомыслия, общение со взрослыми мужчинами – здорового цинизма. Вот такой она и пришла в КОМКОН.

(– Она с ума сошла?! Запрети! Тебя она послушается.

Они разговаривали на кухне. Отец приучил-таки свою жену, что серьёзные разговоры в постели не продуктивны: «Понимаешь, должна быть минимальная дистанция и... – он улыбнулся... Как же она любила эту его улыбку! – и пространство для манёвра: встать, налить чаю, сделать глоток, открыть форточку...»

Он встал, открыл форточку. В их крохотном дворике у забора разливисто цвёл жасмин.

– Пожалуй, да. Наверное, послушалась бы.

– То есть ты ей хочешь позволить?! Почему?

– Не позволить ей играть с людьми... Как играешь ты... как я... Вот ты – бросишь своё шоу? Вот то-то же. И я не брошу своё.

– У тебя не шоу – у тебя искусство!

– Искусство заставлять людей смеяться и плакать. Искусство заставлять одних людей заставлять других смеяться и плакать. Искусство заставлять людей создавать условия, чтобы одни люди заставляли других смеяться и плакать... При чём тут искусство?

– «Тёмный мёд» – это искусство.

– Он провалился.

– В масс-показе, да. Но ты сам знаешь о потоке скачиваний. Четыре года прошло – он стабильно-высок. Даже идёт с небольшим плюсом. Ещё год-полтора, и постановка окупится. И пойдёт чистая прибыль. Долго, скорее всего, на десятилетия! Наши боссы уже умеют ждать. А считать они всегда умели. Тебе уже скоро – уже в следующем году! – можно будет составлять запрос на следующую проблемную постановку. С ещё большим бюджетом, – и жена попыталась скопировать улыбку мужа. У неё почти получилось. – Кажется, ты просто добивался, чтобы я тебя пожалела.

– Добивался. И добился... Я люблю, когда ты меня жалеешь.

– Почему?

– Потому что больше ты не жалеешь никого. Значит, меня – любишь.

– Люблю. И люблю жалеть тебя, – она потянулась к нему, взяла его ладонь, прижалась к ней щекой... – Больше ты этого не позволяешь никому. Значит, меня – любишь тоже.

«Как же они, всё-таки, похожи...» – подумал он и сказал:

– И дочку. Пожалей дочь.

– Я и жалею! У них опасно! Реально опасно!

– Вот именно. Реально. А что реального осталось в нашем мире?

– Ты и я. Твоё лицо, моё лицо...

– И её.

– И нашего сына.

Он не стал сдерживаться – он потянулся к ней.)

В приёмной комиссии «дочка из тусняка» восторга не вызвала.

– Только нам элитной блондинки не хватало!

– Блондинки ей не нравятся... Тогда посмотри вон на ту рыжую оторву!.. Да девочка и не пройдёт: явно не хватает физики. На силовых отборах сломается.

Танюшка и не прошла бы. В одиночку. Но одиночки в их квартале не выживали.

На первом же тесте она огляделась и встретила ещё пару-тройку таких же ищущих взглядов. Двум она улыбнулась. К концу дня их было уже пятеро. Вторую девочку она выбирала тщательно. Сугубо и сугубо. Разумеется, не из блондинок. Разумеется, не из уродин. И не из дур. И без следов явной пластики. Зинаида Тогинова была гибкой, как ветвь сакуры... Впрочем про катану, глядя на неё, вспоминалось тоже.

И они пошли.

«Так нечестно!» – зашипели им в спину.

«Что не запрещено – разрешено. Что в рамках правил – то честно!»

Не они первые были такие умные. И для них, для умных, рамки правил принято было заужать, а барьерчики-то ставить повыше. И конкурентную среду внутри команды – поощрять, и за помощь на индивидуальных отборах – штрафовать.

Но за преодоление более высоких барьеров и баллы начислялись более высокие. Избыток покрывал штрафы. На силовом отборе последние полкилометра измученную Татьяну протащили под руки, меняясь. Зато на «горке» она пролезла сквозь такую щель, куда её атлеты и голову просовывали с трудом. Сверху она сбросила веревку, остальные поднялись по ней, и скостили почти полпути. На тестах по нелинейной логике Зин сумела – успела! – решить сверх-рейтинговые задачи двух вариантов вместо одного, а Дэн, пока Татьяна отвлекала всех, принявшись переплетать косу, исхитрился передать ответы Петру. Но вот тесты по высокой эстетике парни сдали едва-едва: подсказки Тани и Зины противоречили друг другу. Пришлось Татьяне рыкнуть. Зинаида обомлела и заткнулась. По счастью, это случилось уже после провала на синей ленте. На которой, вот уж, – и на старуху бывает проруха! – завалился десятиборец Стас. Но Татьяна не позволила парням бросить своего. Они

все, вчетвером, до последнего пытались его вытащить. И вытащили. Не уложились по срокам – но закончили дистанцию. Запаса баллов едва хватило, но хватило! Зин оценила:

– А у тебя, оказывается, не только губки красные, но и зубки острые.

Так что на эстетике она лишь покачала головой. А Татьяна сделала себе зарубку: уступить Зине. В чём-нибудь уступить Зине. И уступила. На танцевальных тестах уступила ей лидера группы – Петра.

Впятером они прошли. К концу испытаний от первоначального состава абитуриентов уцелело стандартные десять процентов. А их, как было пятеро – так пятеро и осталось.

Конкурентку, по-настоящему, им составила только одна из сбившихся вслед за ними, по их примеру, стай. Тоже пятеро. Но наоборот: на трех девочек – двое парней. Девушка и верховодила. И была она рыжей, как... как рыжие плети поздних закатов!

Больше групп не уцелело: две спалились, а три – распались. И осколки погорели тоже – дотла, до человечка.

В кабинет финального собеседования Татьяне выпало заходить сразу после рыжей.

Вошла. Ослепительная дама в погонах майора поморщила губки и брюзгливо осведомилась:

– Ну и что? Тебе тоже загорелось спасти этот мир?

Таня стрельнула взглядом на скучающего рядом капитана, распахнула ресницы пошире и с энтузиазмом ужаснулась:

– А что, у вас, значит, всё уже настолько запущенно?!

Капитан скучать перестал.

– В последний раз предлагаю эту истинную блондинку – убрать! Пусть к маменьке, в её дурацкое шоу идёт! И реальный повод есть: силовой тест она всё-таки завалила.

– Шоу не дурацкое, а мастерски выстроенное – и для участников, и для зрителей. Я клипы из него иллюстрациями в курс управления веером ситуаций думаю включить, – капитан внимательно посмотрел на майора, улыбнулся: – А причина-то, реальная, есть?

– Казённого шампуня жалко! Сколько ж его потребуется, чтоб этот килограмм волосья хотя б раз в неделю отмывать!

Капитан мельком взглянул на жёсткий ёжик причёски своей напарницы. Поспешно отвёл взгляд.

– А ты на свою рыжую фанатичку посмотри! Нет, это ж додуматься надо было: косу в качестве каната использовать! А если б шейные позвонки хрустнули?!

– Голова у неё была жестко зафиксирована. Риск сведен к минимуму. А вот твоя блондинка своим скальпом не рискнула!

– У них на ленте парень завалился. Парень. Который килограмм на двадцать, а то и двадцать пять, тяжелей этой птахи. Но они его всё равно вытащили!

– Опоздав к контрольному сроку.

– Зато сплотив группу.

– И окончательно утвердив её в качестве теневого лидера. А Мария – честная!

– Честно взяла в руки кнут, и честно – как танк по бездорожью...

– Кнутом танк не погоняешь.

– Рыжая смогла бы, – улыбнулся капитан.

– А твоя интриганка?! Она же после синей ямы теперь просто использует парней!

Втихую, внаглую!

– Втихую, но внаглую? – улыбнулся капитан. – Как мне это знакомо! Ты, что? – реально конкурентку себе увидела?!

– Да ты хоть понимаешь, что ей всего одного взгляда в твою сторону хватило?!

– Да понял, – капитан покачал головой: «Нет, это не ревность – просто профессионализм. Профессиональная наблюдательность, профессиональный анализ». – Когда она вышла, опомнился. Вот уж маменькина дочка! На рефлексках ведь сработала!

– Так, – вмешался директор филиала Академии. А чему путному ваша блондиночка обучилась? Или только пацанами всех возрастов вертеть горазда?

– Виолончель. Работает в оркестре.

– В оркестре? И чтоб без вариантов стать первой скрипкой? Какая неожиданность!

– Вот, видно, ей это и поднадоело, – хмыкнула майор, и шеф повернулся к ней:

– А ваша Мария? Кроме кнута и танков что-то может?

– Профессионально рисует. Работы раскупаются.

– Что ж, достаточно. Вера Игоревна, я так понял, что Вы за сумасшедшую рыжую и её шайку, голос свой отдаёте?

– Да.

– Дмитрий Олегович, хитрая блондинка, которая зовётся Татьяной, со своей командой?

– Да.

– И правильно. Две конкурентные группы на курсе – классика жанра. Будете работать. Я чувствую, реальную *проблему* вы ещё не разглядели, что ж приготовьтесь к сюрпризу. И ещё, невидимками обеих девиц не сделать никак, так что их... их «волосьё» сохраните. Обеим. И переходим к одиночкам – Вернер Хольт...

Как они были хороши на Бале Открытия! Как контрастны! Одна – в маленьком чёрном платье, другая – в струящемся до пят салатно-зелёном. И на ней россыпь бижутерии – на шее, в ушах, на пальцах, – на лодыжках! А у другой: только тяжёлые чёрные серьги да чёрные – до самого локтя, перчатки. И волосы. Волосы Татьяны длинными мягкими волнами укрывали плечи, спину, прикрывали подол платья, а у Марии – расплёскивались в рыжий хаос!

– *Смотри, в одном они всё же повторили друг друга.*

– *Визу, туфельки. У твоей блондинки они аккуратно в цвет волос и у рыжей – тоже.*

– *Что-то подобное я откуда-то помню...*

– *«Тёмный мед», леди Джейн, сцена у бассейна*

– *Он целует ей руки, а на воду падают и падают жёлтые листья...*

– *И ветер гоняет их, как кораблики...*

– *Но почему-то все запоминают ещё и её платье с крупными красными пятнами...*

– *И туфельки.*

– *Так вот он с кого её рисовал... А говорили про Екатерину Одоевцову...*

– *Не «с кого» – для кого.*

– *Я, кажется, понял, на что намекал нам командир...*

– *Её родители.*

– *Режиссёр – мастер придумывать ситуации...*

– *...И реал-лидер – мастер разрешать их. Они нам всю игру сломают.*

– *Может, не отпустим её на каникулы?*

– *Мастера увидят в этом проблему и...*

– *И решат её. Надо просто поторопиться – успеть сделать ситуацию необратимой.*

Через месяц за войной Белой и Рыжей Розы с наслаждением следил весь курс. От прямых боестолкновений обе группы удерживало только зеркальное неравенство сил. Трое парней с двумя девчонками по-всякому сильнее двух парней с тремя из слабого пола, но в женский-то блок парней не пускали, а там – одна Мария чего стоила...

Ситуацию усугубляло ещё и то, что в «казарме» – как девчонки издавна называли мужской блок – над парнями Рыжей Розы подшучивали: как это – под кнутом девчонки? А в дроттуаре – как они называли свой блок (пацаны сокращали это название до обидного «дыра») – сразу невзлюбили Татьяну: и за то, что они с самурайкой Зин приватизировали сразу трёх видных парней, и из-за её мельканий на экранах вместе с родителями, и из-за неосторожно выставленного на всеобщее обозрение лунного агата.

И только в одном они были с Марией на равных – волосы.

Все остальные однокурсники, прислушавшись к рекомендациям кураторов, носили или короткие причёски, или очень короткие.

(«Вы – воины, вы будете стоять на последней линии обороны, – говорили всем. – Вы сами выбрали себе этот путь. Затраты времени на уход за волосами – непроизводительны. А красоваться перед кем-либо первые два года у вас желания не возникнет. Это мы вам гарантируем»).

Татьяне сказали то же самое, только Вера Игоревна добавила что-то про шоу матери, только Дмитрий Олегович тайком, словно в последний раз, словно прощаясь, оглядел её косу и чуть вздохнул.

То же самое сказали и Марии, только капитан, стараясь не задерживать взгляда на её гриве, сочувственно добавил «Машеньке», что ей и так будет тяжело, а лишние десять-пятнадцать минут на сон иногда просто спасают.

«Ничего, я справлюсь», – сжала зубы Машка.

«Я боюсь, меня мамочка заругает, а папочке печально будет», – застенчиво улыбнулась Танечка).

На первом курсе добрая половина занятий проходила «в поле». Уберечь волосы на них не было никакой возможности. В результате, все остальные девчонки после душа уже разбредались по спальне, а эти двое, не глядя друг на друга, всё ещё переводили казённый шампунь. Девчонки уже спали, а они, не глядя друг на друга, ещё проделывали ритуальные сто расчёсываний.

Зин как-то попробовала Тане помочь. Через минуту в душевую ворвалась куратор: «А ты, оказывается, не выложились ещё?» – и выгнала помощницу на плац.

Больше Татьяна подругой не рисковала. В «Рыжей Розе» урок поняли тоже.

(– А если кто из них сдастся?

– Нет, – поджала губы майор. Не будь другой – может, и постриглись бы, а так... Как две собаки на двух копнах сена.

– С чего сарказмы? Кажется, понял: у тебя тоже были... и не меньше, наверное...

– Были.

– А потом...

– А потом на спарринге, на третьем курсе один ублюдок намотал косу на руку и...

– И что с ним стало?

– А ничего.

– Совсем?!

– Наставник предупредил: что с парнем случится – со мной будет вдвое, а на причину он смотреть не будет.

– У тебя ж, вроде, Сидорыч был?

– Сидорыч.

– Я б поверил.

– Вот мне и пришлось поработать ангелом-хранителем.

– Долго?

– Две недели.

– А потом?

– А потом мы стали официальной парой.

– Он сумасшедший?

– Сидорыч его о том же спросил.

– И что бедный придурок ответил?

– «Я хочу её.

«А ты? – спросил Сидорыч меня. – Смотри в глаза! Говори честно!

«И я хочу его, – честно глядя ему в глаза, ответила я.

– *«Официальные власти не вмешиваются в личные взаимоотношения официальных пар, – неспешно процитировал „Тезис о невмешательстве“ капитан. – Члены официальных пар имеют право не обращать внимания на „нет“ партнера, ибо с момента факта образования официальной пары данное слово теряет правовой характер и становится только элементом эротической игры партнеров».*

– Ага, – согласилась майор. – Сидорыч ему тоже напомнил, но тот считал, что «Тезис» – это его индульгенция. Он же хотел меня... по-всякому. Давно хотел. Вот и получил... по-всякому.

– Долго продержался?

– Двенадцать дней. На двенадцатую ночь – уже не решился.

– И?

– *«Официальные власти не поощряют разводы».* Минимальный срок существования официальной пары – год. Иначе инициатор развода получает отметку в личное дело о своей асоциабельности. У нас это ещё и минус триста баллов подавшему заявление. А неофициальные... Развод – стандартная процедура. В неё входят обязательные собеседования с психологом и сексологом. Они выдали мне строгую совместную рекомендацию на трехмесячное воздержание от сексуальной близости. Ему, кстати, тоже.

– Стоп, говоришь, это было на третьем курсе?

– Вот именно. В весенний семестр.

– А как же «основы сексуальной практики»?

– После собеседований с тем дурнем, мне за «основы» поставили зачет условно, но... ты же помнишь?..

– «Выбор партнёра на каждом занятии производится путём неслепого жребия».

– Что на практике означает, что каждому доводится «попрактиковаться» с каждой.

Минус я.

– Бедные мальчики, – улыбнулся капитан: – Какое разочарование.

– Ещё бы... Я и при поступлении отличалась некоторым высокомерием. А то, что к третьему уберегла косу – самомнения мне только добавило. Так что «неслепому жребия» ждали многие. А я объявила: «Такое у меня, видите ли, боевое ранение». Парни озверели и при «анализе текущих ситуаций» потребовали произвести разбор нашего «поединка». Диагноз: «Критическая переоценка своих сил» с тяжелой добавкой: «в условиях, приближенных к боевым». Это минус ещё двести баллов. Он взбесился. Закатил истерику. В результате ему пришлось переводиться от нас. С кошмарной формулировкой «В связи с неумением выжить в коллективе».

– А неумение выжить в своем коллективе...

– Да. В чужом коллективе выжить ещё труднее. Хватит о нём.

– Ты раньше не рассказывала...

Капитан поймал взгляд Веры... Игоревны. Она не отвела глаз. Он накрыл ладонью её ладонь, сжал. Она не отводила взгляда. Он потянулся к её щеке. Она отклонилась:

– Не спеши с выводами. Пожалуйста.

Он отпустил её ладонь. Отвёл руку. Но женщина на ощупь нашла её, накрыла, сжала, улыбнулась:

– Не спеши с выводами, а? – повторила она. Просьба в её вопросе почти не слышалась.

– Что с тобой? – спросил мужчина, но вслушивался в себя: «Ты же хотел этого, именно этого! Просто не надо спешить делать выводы. Не надо... не надо спешить?» Он перевернул ладонь, сплёл пальцы с её пальцами. И повторил: – Что с тобою?

– Наверное, завидую этим дурам, – она расслабилась, улыбнулась: – Смотри, как они *не* смотрят друг на друга! И ведь не подерутся...)

Может, эти дуры и подрались бы, но на первом семестре свободного времени – только б добраться до койки, чтоб спать-спать-спать...

Ах, нет: другая дура достала гребень...

Кабинет начальника Академии всегда нравился Дмитрию Олеговичу. Обе его части: и рабочая – по-спартански строгая, официально-торжественная: стол длинной буквой «Г», чёрное кресло у знамени Конфедерации, портреты легенд КОМКОНа, две проекции карты обжитой части Галактики – астрономическая плюс транспортная. И, контрастная с этим официозом, спрятанная за неприметной дверью – комната релаксации. Здесь по стенам переплетались лозы тропических сорняков, в вазах цвели орхидеи, в аквариуме пучили глаза разноцветные рыбки, чуть слышно булькали в нём пузырьки воздуха, и, перекликаясь с ними, шумел, шумел крошечный водопадик.

Сегодня их принимали здесь. Хороший знак.

– Что ж, кураторы, поздравляю. Одиннадцатипроцентное превышение итоговых оценок над уровнем среднего – отличный результат. Две группировки вытянули за собой весь курс. Вы их удержите?

Кураторы переглянулись. Командир посмотрел на майора, посмотрел на капитана, вздохнул:

– Компашка рыжей? Девки никак не поделят парней?

– Группа Рыжей Розы, – согласилась Вера Игоревна. – Но дело не в девчонках. Одна из них – Надежда Азалина, себя из претенденток сразу вычеркнула. Это мальчишек в казарме достали. Мария не понимает. Ещё чуть-чуть, и будет бунт.

– Прогноз на этот вариант?

– Мы прикинули... – капитан пожевал губы. – Вроде, для курса ничего страшного: парни обособятся, Вероника Маслова, которую вытащили на синей ленте, останется с Марией, а Надежда перейдёт к Татьяне, и тогда...

– Опять Азалина... – прервал его командир, – Надежда Азалина VI... Шестое поколение Азалиных... Как она?

– В традициях Семьи – абсолютно успешна.

– И почему бы ей не помочь своему лидеру?

– Пробовала. Но Мария закусил удила – только наорала, припомнила происхождение... А Надежда, она... она не то, чтоб ленивая – она экономная. Зачем бодаться с сумасшедшей девичей, когда можно вскользь улыбнуться приятному мальчику. Даже не улыбнуться, а всего лишь иногда – изредка! – на пару мгновений не опускать взгляд. И не подкопаться своим! И нечего предъявить чужому. Но вот если...

Капитан замолчал, а майор закончила:

– ...Тогда Белая Роза приобретёт гендерную уравновешенность. Итоговый балл курса несколько снизится, но зато стабилизируется.

– На каком уровне?

– Плюс 7,5%-8,5%.

– Прилично. Так в чём сомнения? Марию надо учить – вот ей и будет уроком.

– По этому сценарию урок впрямую не пойдёт. По крайней мере, для неё и, значит, для нас. Татьяна – рано или поздно, да максимум, к середине второго курса – девчонку выживет.

– Естественный отбор тоже никто не отменял. Слабые не нужны. Да и для остальных отсеив – это реальный стимул. Впрочем, что я вам говорю: классический десяти процентный отсев на первом семестре вы обеспечили.

– В данном случае резко уменьшится вариативность, – объяснилась куратор. Она любовалась переливами алого на лепестках роскошной орхидеи.

– Да, как в любой моносистеме, – опять согласился командир. – Но стабильные семь-восемь процентов – оно того стоит.

– У Татьяны не останется противников, – капитан подошёл к аквариуму, постучал ногтем перед носом у глупой рыбы, но та только лениво шевельнула плавником. – Её пиковая характеристика – в искусстве интриги. Без Марии мне будет трудно ставить перед ней сложные задачи.

– Да, ведь Азалина перейдёт к ним... А Горгиладзе?

– Давид, по принципу, одиночка. И, если Татьяна объединится с Надеждой, он им не соперник. Ведь *эта* «Танюшка» ленивее *той* «Наденьке» не даст.

– Та-а-ак, Вера, а ну-ка, подойди сюда!

Вера Игоревна отошла от орхидеи и предстала пред ясны очи начальства.

– Тебе жалко твою рыжую.

– Да.

– И ты хочешь её удержать.

– Да.

– Почему?

– Потому что она пришла сюда спасать мир. Помните? – спасать мир! А не исполнять волю Семьи и не плести всласть интриги, – Вера мельком взглянула на Дмитрия. – Бороться с постановщиками шоу – с постановщицей! – я ей помогу – Вера перевела взгляд на командира и нехотя исправилась: – Помогла бы.

– Надеюсь, без личного вмешательства?!

– Разумеется.

– То есть придумки уже есть? Чего ж ждёте?

– Стабильные семь процентов против нестабильных одиннадцати, вариативность против устойчивости. Сохранение слабой курсантки на первом-втором курсе против возможности получения очень сильной к третьему-четвёртому... – перечислил капитан. – Требуется Ваше решение, командир.

– Покажите их, обоих, сегодняшних.

Капитан коснулся браслета-джойстика. Среди орхидей возникла голограмма душевой, где две голые девицы, не глядя друг на друга, отстирывали в казённых тазиках свои волосы.

– Хороши-и-и, – протянул командир и расхохотался, – вот уж кошки драные!

В этот момент рыжая потрясла головой и стряхнула с глаз пену. Едва не заплакала, но спиной ощутила взгляд блондинки, сжала зубки...

Она не обернулась и не увидела, как худенькая кроха-блондиночка в это мгновение действительно с ненавистью посмотрела в её сторону, судорожно вздохнула, затрясла руками, обхватила себя за плечи и – вдохнула-выдохнула, вдохнула-выдохнула... Шесть глубоких вдохов, шесть глубоких выдохов, всё по науке. Всё по инструкциям, по наставлениям – и опять принялась за волосы.

– Вот уж кошки драные, – повторил командир. – Действуйте. Сохраните обоих. Слышите, Вера Игоревна – обоих. Жертвовать блондинкой – запрещаю.

Довспоминать Татьяне не дали. Загорелись красные запретительные огни, зазвучал колокол предупреждения, высоко в воздухе появилась яростная звёздочка шатла.

(Про «дранных кошек» Дмитрий Олегович расскажет ей на маленьком банкете в честь её первой победы, её первой награды).

Ещё минута... Шатл мягко опустился на оплавленное черное подножие скалы, дверца раскрылась, и вышла Мария – рыжая, как рыжие плети ранних рассветов.

А следом...

«Мамочка моя родненькая, а это ещё кто такие?!..»

Не обращая внимания на толпящихся сзади, Мария махнула Татьяне и направилась к ней. Через пару минут они уже обнимались.

– Как отдохнула? – улыбнулась блондинка.

– Отдохнёшь тут... – проворчала рыжая.

– А это кто?.. Неужели?..

– Не видно, что ли?

– Шлюхи?! Получилось всё-таки? Всё-таки насобирали? И сколько же их...

– Сто сорок четыре штуки. По дюжине на каждый клан. По целой дюжине первоклассных шлюх каждому.

– Не поняла?! В Даяне одиннадцать кланов.

– Тебе не кажется, что оно как-то не вписывается в местный стандарт? – пожав плечами, хмыкнула рыжая.

– Но... Да делов-то! – пожав плечами, хмыкнула светлая. – А как ты их уговаривала-то?

– Да делов-то! У каждой – нелегальная проституция, то есть – уклонение от налогов. И у каждой – от семи до восьми лет принудительных работ на планетах с тяжёлыми условиями жизни. Видела бы ты, откуда я их вытаскивала! А у нас – курортная Гесса.

– А тяжёлые условия? Это же необходимое условие перевода! А здесь...

– На Гессу они согласились, они подписались, теперь уж возвращаться не захотят, от дела не откажутся – и я им устрою «условия»! Вот подкормлю-подлечу только... Идём?

И они пошли – такие разные и... похожие. Может, стилем? – роскошные длинные платья, конструкционные шляпы, которые обе сейчас чуть придерживали, сложные причёски...

А за ними потянулись сто сорок четыре девки.

2. Тихая долина

Блейк опять поднял раздвижную подзорную трубу и ещё раз оглядел долинку.

Всё, как описывалось: среди нагромождения скал небольшая уютная долина – километра три-четыре в длину, и метров двести, кое-где и до пятисот, пожалуй, в ширину. Она плавно, прихотливо изгибалась, вслед за ручьём, протекающим вдоль левого её края. Ручей столетия подмывал скалы, и теперь они нависали над ним, кое-где почти совсем пряча его. Блейк не видел, но знал, что и его терраса нависает над такими же – почти пещерами. Очевидно, время от времени случалось особо жаркое лето, ледники таяли сильнее обычного, ручеёк выходил из берегов, и за тысячелетия подмыл не только берег.

Блейк ещё раз проследил русло, всё русло – от истока, невысокого, узкого водопада, выплескивающегося из провала в скале, и трех родников, подпитывающих его, до другого водопада, там, за горизонтом срывающегося в полукилометровую пропасть. Всё как описывалось: прозрачная вода, прозрачные заводи, прозрачные тени крупных рыб. Жемчужная форель, должно быть. В кабаках золотой за штуку... (Потому что престижная: плюс десять единиц рейтинга за употребление блюда из неё. Потому что не подлежит хранению даже в холодильнике – через двое суток становится ядовитой.) Да и кстати о золоте... Вот в таких речонках и моют золотишко. И бывает – хорошо намывают.

Всё, как описывалось: и заросли этих местных хвойных кустов, так похожих на земной можжевельник, и высокий ковер не похожего ни на что местного мха, и посвёркивающая в нём обильная ярко-красная россыпь реднистой брусники – целебной: по четверти единицы здоровья каждая. Можно бы, просто-напросто, убить сутки и насобирать килограмм десяти-пятнадцать ягод – больше ему не донести – вернуться в холд и сделать маленький бизнес... Но он пробивался сюда не за мелочью... (Да и кто ж ему позволит бродить по долине двое суток?!) Хотя небольшой контейнер для ягодок он из рюкзака вынул и на пояс себе прицепил – на ходу горсть-другую кинуть времени много не займёт.

Всё, как описывалось: рядом с устьем ручья, рядом с последним водопадом – скальный выступ, не тронутый растительностью, и на нём остатки древнего капища. И вход в пещеру. В пещере тоже может быть что-нибудь интересное, но для него сейчас и тамошние находки были бы в мелочь. Главное – само капище. Главное – жертвенный камень. И идол...

Камень он видел отчётливо – плита... два двадцать на метр сорок восемь... красноватая, словно бы из земного известняка. Плита достаточно ясно выделялась на грязно-сером фоне, а вот идол... Всё как описывалось: увидеть издали невозможно, только на месте, «почти на ощупь». Площадка пятнадцать на двадцать пять... Он бы прощупал. Но... И об этом тоже предупреждалось: «ты не пройдёшь».

Потому что во-он там, прямо напротив него, на границе первой трети долины, на склоне, есть ещё одна площадка, лишённая растительности, есть даже нечто вроде ещё одного жертвенного камня! – и ещё одна пещера, но в ней не капище – в ней логово. Логово тигрозавров. Папа тигрозавр, мама тигрозавриха и тройка очаровательных годовалых тигрозавряточек. На него, на Блейка хватило бы и одного из них – что из взрослых, что из малышей. Потому что и в самом маленьком – уже килограмм семьдесят мышц, костяных наростов и зубов. А чтобы из арбалета без самонаводки попасть в глаз, когда эта зверюга на дистанции прицельного огня – то есть, когда эта зверюга прыжками, покрывающими метров по шесть-семь, несётся прямо на тебя, нужны не его, Блейка, глазомер и не его, Блейка, нервы. А когда зверей пятеро... Долина перестаёт быть «тихой».

Если бы можно было устроить лагерь и подождать – недели две или месяц, может, два... Ну, максимум, три месяца... До первой течи после родов взрослой самки, когда вспыхивает всеобщая драка, и детёныши убиваются-изгоняются: одного, молодого самца, уби-

вает «папа», «мама» чаще всего кончает какую-нибудь самочку, а оставшиеся, в данном случае – оставшийся – успевают сбежать (отнюдь не всегда – а только в 65%).

Вот под этот шум и вой, пока они грызут друг друга, а потом уцелевшие зализывают раны – по-тихому бы, по-тихому... Но припасы... Охотиться ж в угодьях тигрозавров – чистое самоубийство. Тут дыхнуть лишний раз – и то страшно.

Блейк вздохнул, ещё раз проверил: ветер устойчиво дует в его сторону. Что ж, всё, все отсрочки исчерпаны, если решаться, то решаться. Или возвращаться. А ради чего тогда пёрся? Ради чего потратил последние деньги, закупаая горное снаряжение, ради чего унижался, чтобы получить описание долины, описание пути к ней. Ради чего рисковал, роя нору в библиотеку? Он верит в себя или нет? Должно же сработать! В конце концов, если не сработает – он увидит сразу!

Он достал пульт, снял блокировку и нажал на кнопку.

Издаleка, еле слышно донёлся вой тигрозавра – тигрозавра-самца, переступившего внутреннюю границу чужой охотничьей территории и вызывающего теперь на бой хозяина.

Блейк закрыл глаза, сжался. Он ждал, он считал удары своего бешено бьющегося сердца – раз, два, три... это секунда?! – четырнадцать, пятнадцать... наверняка пять секунд уже прошло! – двадцать девять, тридцать... неужели всё впустую?! Тридцать восемь...

И близкий рёв.

Вызов услышан, вызов принят.

У-у-ф...

Блейк сглотнул, открыл глаза и поспешно поднял подзорку: старый самец стоял на самой грани своей скалы и ревел-ревел... Блейк дождался, когда у чудовища закончится дыхание и опять нажал на кнопку. Издали донесся новый рёв. Почти такой же долгий. Почти! А на самом деле на две секунды покороче. У тигрозавра не было таймера, но его новый рёв завывал с неприкрытым торжеством.

Блейк, не отрывая от него взгляда, поставил программу на автомат. И ещё один рёв ответил на рёв. Тигрозавр прыгнул со скалы на тропу, ведущую вверх, и опять заревел. Поднялась самка. Она будет присутствовать при бое – это однозначно. Поднялись детёныши, после того, как у них прорезались зубы и до своего изгнания они всюду следуют за матерью – это тоже однозначно. По крайней мере, так описывалось справочнике монстров, и так происходило сейчас.

Сработало!

«– Ты не пройдёшь.»

«– Посмотрим.»

«– Ты не пройдёшь.»

Теперь она увидит.

Допуска в библиотеку у него не было – там в качестве вступительного взноса требовалось три статьи с общим объёмом новых сведений в 20к. Стандартная отсечка от троллей, чтоб не забрёл кто и сдуру не насвинячил. Но не было у него и тех крох. Вот и пришлось рыть ход. Защита стояла ерундовая, кто ж на первый уровень ставит что-то серьезное – больше систем сигнализаций, чем ловушек. А дальше – копать, копать, копать... Месяц работы. Он перерыл весь уровень – все записи столкновений с тигрозаврами. Все исследования. Но материала было мало. Только шесть таких переключек. Он их тщательно изучил. Структуру. Частотные характеристики. Оказалось, что вся композиция рёва состоит из девяти пассажей, и его длительность определяется количеством перебора четвертого-пятого-седьмого, причём в последней руладе, четвёртый пассаж пропадает. У четверых из шести. И у трёх из шести проигравших. Случайность? А это случайно, что двое из шести начинали рёв

со второго пассажа, и оба проиграли схватку? А случайно, что четвёртый проревел, всю композицию полностью, уступил хозяину полторы секунды, а тот не бросился искать вторгшегося наглеца, а принял бой только у своего логова? Победил, но отказывался от боя до последнего! но оставался же сидеть в пещере, – совсем как в шестом случае, когда инвайдер переорал хозяина на шесть секунд, пришел к логову и кончил аборигена со всем его приплодом – под одобрительное взрыкивание самки...

Случайно или не случайно, но у Блейка – сработало!

Карта территории у него была, и были деньги на три – только на три! – качественных широкополосных спикера. И был отнорок теперь в библиотеку.

Блейк наложил данные об охоте тигрозавров на карту конкретной территории и получил приблизительные охотничьи тропы. Блейк наложил законы акустики на карту рельефов местности и получил изобары звука. В точках максимального удаления изобар от охотничьих троп этой семейки он по утрам, когда эта семейка спит, спикера и расставил. И то, что при этом не столкнулся с этим живым кошмаром доказало – расчеты верны.

Поочередной рёв спикеров уведёт тигрозавров на три с половиной километра. Пока по горам туда, пока там старший зверь будет прыгать, будет метаться, будет искать соперника, пока он неспешно протрусит обратно – полтора часа у Блейка есть. Блейк запустил таймер:

(90 мин.)

А ему надо: десять минут на спуск из укрытия, десять минут бегом вдоль русла ручья, пять минут подняться к капищу, двадцать минут на обратный путь к стене и пятнадцать, чтоб подняться, чтоб укрыться, чтоб потом тихо уйти. Итого: час. И полчаса остаются на поиски, на установку, на ожидание результата. Должно, должно хватить!

Блейк дождался, когда последний детёныш скрылся из виду, выждал ещё минуту, сбросил вниз верёвочную лестницу и начал спускаться. Когда он экипировался – над ним смеялись: настоящий мужчина с лестницей в горы не ходит!

Он станет настоящим мужчиной – вернётся с кучей бабла и купит экзоскелет. А подниматься по верёвке, когда на твоей заднице висит семья тигрозавров – это пусть шутники сами пробуют. Настоящий мужчина мертвым не бывает. Мёртвым бывает настоящий труп. Поэтому не жалеть времени сейчас, забить колья и закрепить лестницу снизу. Тем более, что в десять минут он уложился.

(80 мин.)

И бегом, бегом! Нет, надрываться не стоит, атлеты километр легко пробегают за три минуты, но они бегут по тропинке или по дорожке, и они бегут без рюкзака. А он не атлет. И ему ещё возвращаться. И здесь тропинки нет.

Так, оказывается, километр – это по прямой, а между этих чёртовых ёлок получилось больше. На сто семьдесят четыре метра. Ничего: в срок уложился. А как там со здоровьем? – индикатор уверенно горит зелёным. Желтых пятнышек почти нет. Отлично. Детализовка... минус семь процентов. Ерунда. Теперь наверх!

(71 мин.)

Мелкие кустики он присмотрел ещё из своего убежища, вот, цепляясь за них... А вот, что грунт под ногами сыпется, и ты сыпешься вместе с ним – этого издали не увидишь! Ещё раз... Не получается! Ещё...

Стоп, хватит прыгать – только силы зря тратить.

Остановиться! Отвернуться! Сорвать горсть брусничек, закинуть их контейнер! Ещё одну! Посмотреть на часы – четыре минуты только прошло. Ну, не будет у тебя получаса – будет двадцать минут, всё равно – хватит. А теперь поворачиваемся и спокойно – спокойно! – оглядываем весь склон. Вот: не лезть по прямой, а наискосок, наискосок к самому углу площадки!

Вперед!

Держаться!

А теперь подтянуться! Ты – не настоящий мужчина, и на тебе нет экзоскелета, но подтянуться-то ты можешь?! Ещё чуть... ещё чу-у-уточку! А теперь закинуть ногу на соседний куст. Закрепиться. А теперь вытянуться. А теперь зацепиться за камень края площадки. Перевалиться. И чуть отползти.

У-у-уф...

Что мы имеем по времени? Вместо пяти минут угробили четырнадцать. А что со здоровьем? Желтый. Шестнадцать процентов долой. Заметно, но не критично, это восстанавливаемо. Ещё минуту, однако, придётся посидеть, всё равно очки запотели – надо протереть, царапины на локте и колене – заклеить, дыхание – успокоить. И поклевать ягодки.

(56 мин.)

Теперь идол. Удлиненный камень размером около полуметра. По очертаниям напоминающий женскую фигуру. Отдалённо напоминающий.

«– Насколько – отдалённо?»

«– Кто ж скажет... Зато гладкий, – она ухмыльнулась. – Пощупаешь – не ошибёшься.

«– Вот спасибо-то! А хоть чего-нибудь поконкретней?»

«– Когда-то он стоял сбоку на жертвенном камне, – она опять заулыбалась. – И должен будет стоять снова. Всё.

«– А если его разбили?»

«– Вот это нет. Он целый.

«– Отвечаешь?»

«– Да.

«– Я его найду.

«– Ты не пройдёшь. Тигрозавров может одолеть только команда воинов. А ты не воин, и у тебя нет команды.

«– У меня есть я.

«– Ты не пройдёшь.

«– Посмотрим.

«– Ты не пройдёшь. Ты не вернёшься.

Вот и посмотрели. Он на месте.

Итак, ещё раз. Камень. Полуметра длиной. Напоминающий женскую фигуру. И его можно поставить! Не положить – поставить сбоку на жертвенной площадке.

Значит, сначала – площадка.

Блейк взглянул на таймер. Минута прошла. Взглянул на индикатор – минус пятнадцать процентов. Отдых плюс эмоциональный подъём, а главное – ягодки, ягодки! – процентик и накатил. Нормально.

(55 мин.)

Он поднялся на ноги, подошёл к жертвенной площадке.

Вблизи её красноватый цвет на фоне остальной грязно-серой площадки не так уж и выделялся. Даже то место, которое можно назвать изголовьем – чуть приподнятый конец узкой части, где разместились... или её разместили?.. неглубокая впадина. Кровь, конечно, давно смыли дожди, но чистоту цвета камень потерял. И от впадины – неглубокий канал такого же грязноватого цвета к такой же неглубокой впадине, вплотную к ещё одной впадине – более глубокой, с более резкими краями.

Блейк выгреб из нее мусор – каменные крошки, прошлогодние, полусгнившие иголки – оглядел.

«Значит, у нашей полуметровой каменюги „очертаниями, отдаленно напоминающими женскую фигуру“ и „гладкой на ощупь“... Тебя бы, саму, сюда – шупать! Стоп, не отвлекаться... У нашей каменной бабы должна быть вот такая, – Блейк ухмыльнулся, – вот такая квадратная задница».

«Стоп! – опять осадил он себя, – бабу надо „поставить“, а не посадить. Так что нечего путать подсознание. Это квадратное – будет башмаками. Хотя более вероятно – чем-то вроде постамента».

Взглянул на таймер – ещё минута в минусе. Но это нормально, он в графике.

(54 мин.)

Приблизительно соответствующие описанию каменюги были подобраны через подзорку ещё из убежища. Девять штук. И маршрут осмотра намечен тогда же. Блейк не стал менять план. В стрессовой обстановке можно, конечно, изобрести, что-либо совершенно гениальное, но проще – запутаться в очевидном.

Камень с почти ровным четырехугольным основанием – оказался четвёртым из его списка. Хотя чего в нём от женщины – сказать было трудно. Разве что модель, когда с нее вырубали это божество, предварительно закутали в добротный длинный плащ.

(52 мин.)

По закону подлости – камень лежал от плиты дальше остальных. Блейк быстро обегал другие. Нет, они не подходили совсем. Да и цвет... Цвет идола должен гармонировать с цветом жертвенной плиты. Этот и был – красноватым. Колорит остальных – серый, под цвет всей остальной скалы. Ничего не поделаешь, Блейк вернулся к камню, подтолкнул. Тот поддался. Попробовал приподнять – с полцентнера, а то и больше... Из золота он внутри, что ли? А если из урана? Только дозу ему схватить здесь недоставало!

(50 мин.)

Особо выступающих частей у идола не оказалось – недаром гарантировали целостность «скульптуры». Значит... значит, можно катить. И надеяться, что богиня сейчас занята более насущными делами, чем приглядывать за своим давно заброшенным святилищем и за тем, как обращаются с её отображением в нём.

Однако прокатить камень по прямой не выходило – выступы, трещины, другие камни... То-то же сгинули те, которые возводили это капище – к своим богиням надо относиться уважительнее и храмы их обустроить тщательнее!

Всё бы ничего – силы ещё оставались – но время, время!.. Он был ещё в графике, но какой, к бесам, «график», если строился он на такой бедной статистике?!

(38 мин.)

«Успокойся! – приказал он себе, – пока что эта статистика срабатывает!»

И он сумел успокоиться! По крайней мере, настолько, чтобы не сделать очевидных глупостей. Например, не пытаться запихнуть скульптуру не той стороной. Впрочем, и здесь помогла предварительная проработка миссии: идол должен стоять лицом к жертвенной плите. Никакого «лица», разумеется, не было, более-менее просматривалась задница – отнюдь, не квадратная! – и намеками, грудь, но Блейку хватило.

Руки слушались хуже головы – идола установил он только с третьей попытки.

Теперь предпоследнее – капельку крови на жертвенный камень. Иголка в воротнике, вынуть её, уколоть палец и набухшую каплю стряхнуть в ямку, в грязно-красноватую ямку перед идолом.

И последнее! – достать жезл. И лепестковым лезвием наверху растереть кровь. И бросить жезл! Прямо на камень.

И ждать. «Не более десяти минут». Нет у него уже десяти минут, но не уходить же!

(33 мин.)

«– Ты же не веришь, что я вернусь, и доверяешь жезл мне?»

«– Это самоделка. Заготовка, можно сказать. У меня их несколько.

«– Сколько?»

«– Достаточно, достаточно... Но все они – пустые. Зарядишь – отблагодарю.

«– Как?»

«– Как хочешь.

«– Мне одного-единственного желания мало!

«– О, я щедрая с покойниками – три хватит? Как в сказке?»

«– А ты...

«– Ты мне не веришь?»

«– Не то...

«– Ты не веришь, что я смогу выполнить любое твоё желание? Любое из трёх?»

«– Да я и сам не знаю, чего хочу!

«– Я знаю. Хочешь, выполню одно? Авансом?»

«– Если – четвертым...

«– Нет, – она улыбнулась, – вы же, программисты, считаете с нуля? Вот, нулевым.

«– Ну, попробуй...

«– Я разрешаю тебе расплести мою косу.

Уж лучше бы она разрешила раздеть себя! Не так тряслись бы руки.

(29 мин.)

«Ну, сколько ещё! – Блейк почти видел, как где-то там, среди скал, самец тигрозавра в крошку разносит его спикер. – Спокойно! Даже если так – три километра обратно. Тридцать минут! В графике мы, в графике!»

Чтобы отвлечься, он взглянул на тёмного идола.

«Странно: он словно светлый... Не он, – поправился сразу же Блейк, – она».

(27 мин.)

Жезл засветился! Ещё тридцать секунд – меньше! – двадцать четыре, «две дюжины секунд»...

«– Две дюжины секунд, и он погаснет – значит, зарядился. Хватай и беги.»

Он схватил и побежал. Сыпуха теперь сыграла на него. Блейк съехал вниз на пятой точке.

«– У тебя будет двенадцать суток, чтоб донести жезл до меня. Всё это время его рукоятка будет тёплой.»

А вот то, что, погаснув, он изменит свой цвет, насытив серую древесину красноватыми потёками, она не упомянула.

«– А для чего тебе он? что будет с ним?»

«– С ним будет Храм.»

(24 мин.)

Километр обратного пути, точнее километр и сто семьдесят четыре метра, Блейк одолел за 16 минут.

(8 мин.)

Тигрозавра он увидел, когда был почти у лестницы. Это была молоденькая самочка, которой раньше остальных наскучили метания старого самца. Она вернулась домой и увидела замечательную игрушку, которая убегала. Всех, кто убегает надо ловить – самочка это уже знала и побежала играть в догонялки.

Блейк был уже на середине лестницы, когда эта псевдоящерица прыгнула и сбила его с пяти метров на землю, на камни. Он успел, падая, отбросить жезл в нишу под террасой, прежде чем на индикаторе здоровья красным запылал «ноль». Таймер замер.

(4 мин.)

Блейк содрал шлем и невидяще уставился в пустой экран. Он не прошёл.

3. Две небольшие кучи-малы

Для родителей Татьяны четыре месяца без неё пролетели быстро: работа, хлопоты, заботы...

Для матери на первый план вышла тяжело случившаяся «первая любовь» сына. Хорошо, хоть его классная и на этот раз оказалась умной девочкой и позвонила почти сразу, как заметила обострение. Нет, мальчишка влюбился не в неё – это было б проще, – в новенькую. А вот новенькая умной не оказалась. Для неё мальчик без пластилиновых бицепсов, проживающий в неэлитном квартале, учащийся в неэлитной школе, был бедным мальчиком, не достойным её только что купленных прелестей. Любовь зла. У сына в классе была парочка хороших... и достаточно хороших девочек, но он с ними вырос, а тут...

Коза!

Мужу она ничего рассказывать не стала. С гениями жить сложно. Например, идея приобрести этот дом принадлежала ему. Видите ли, чтобы дети росли не в «парниковой атмосфере». «И не в трясине, где вольготно размножаются гады». «И уж лучше джунгли, чем серпентарий».

Надо признать, что решение оказалось удачным. И для её имиджа ведущей: «она – одна из наших», и для детей: проще противостоять силе сильных, чем подлости подлых. Да и жить – оно приятней в окружении нормальных людей, а не разномастных талантов, что признанных, что *не призванных*. Со своим гением ещё уживёшься, а вот с чужими... То ли дело, когда можно запросто зайти к соседке по поводу удачно испёкшегося у них яблочного пирога. Или созвать всех соседей на шашлык из настоящей антилопы под бочонок настоящего божоле. Или собраться всей улицей у широкого экрана на небольшой площади у местного ресторанчика и всласть поболеть за «Спартак». Да и папарацци в их район не совались: «чужие здесь не ходят».

Но предугадать реакцию мужа на несчастливую любовь сына было невозможно. Он вполне мог заявить, что душевные страдания способствуют усилению духовности. А мог опять завспоминать свою стерву Катеньку, в которую был влюблен десять лет – со второго класса! – которую он после забывал четыре года, и которой, как он, сволочь, признался – и добро бы только ей! – обязан образом леди Джейн.

Короче, он мог запретить ей вмешиваться.

Да она как-то по-особому вмешиваться и не собиралась. В классе знали, кто в родителях у Серёженьки, а новенькая – ещё нет. А когда узнает... Вот пусть узнает уже вдогонку!

Очень кстати подошла заключительная серия очередного сезона реал-шоу. Финал был в фирменном стиле её студии – неожиданным и парадоксально-логичным. Так ведь рейтинг топового уровня из ничего, из одной лишь рекламы и не вырастает.

Как известно, в реалках подробно прорабатывается только базовый сюжет, а задача боковых ветвей создавать ощущение, что «всё, как в жизни», то есть удел их быть недосказанными. Подобная пара – Светлана и Николай – была и в только что закончившемся действе. К нескольким эпизодам с ними приложил руку томившийся от творческой скуки папочка, так что парочка запомнилась. И вот – финал, вот – «Конец фильма», а про них – ни слова.

По этому поводу, когда страсти по главным героям утихли, на форумах, к великому удовольствию её начальства, разлилось великое неудовольствие зрителей. Сама госпожа реал-мастер к прежним героям никогда не возвращалась, и ей уже готовили договор о передаче авторских прав на другую студию. Тоже, кстати, статья дохода в семейный бюджет... И довольно стабильная.

Учительнице не пришлось заводить речь на классном часе об этой реалке – разговор зашел сам. Учительнице не пришлось упоминать про Светлану и Николая – разговор и сам

быстро переключился на них. И то, что в разговор азартно вмешалась, а потом и повела его новенькая – тоже было ожидаемым. Неожиданным для всех был прямой вопрос Елены Дмитриевны:

– Серёженька, а продолжение будет?

– Елена Дмитриевна, – оторопел мальчик, – я не могу об этом говорить!

– Почему? – выказалась наивной дурочкой учительница.

– Так закон об авторских правах!..

– А разве они не у твоей матери?!

– А студия? А Канал? А коммерческая тайна?! Да откуда мне знать, к примеру, какой у них на этот сюжет промоут-план? Может, задача: поднять градус ожидания, а в сети появится ссылка на мой ответ, и всё рухнет, – мальчик тут же поспешно добавил: – Даже если бы я знал: будет это продолжение или нет. Нам с сестрой с детства вдолбили: ни слова о делах родителей никому. Никому и ничего. Я никак не могу ответить на Ваш вопрос! No comment!

Учительница ни взгляда не кинула в сторону новенькой. Она и так хорошо представляла, как у той разгорятся глаза.

– Спасибо, Серёжа. Имея в учениках сына таких родителей, я, конечно же, в теме. Просто девочки начали воспринимать это реал-шоу, как что-то уж слишком реалистичное, и мне захотелось напомнить им, что оно, во-первых и прежде всего – шоу. Искусственный продукт для продажи.

Мальчик с облегчением перевёл дыхание.

– А теперь у меня к тебе настоящая просьба: попроси Анну Александровну прочитать нам небольшую лекцию о шоу-бизнесе. Пригласишь её к нам на классный час?

– Да она меня не послушает! Ей никогда не до меня! У неё, вечно, дел выше крыши...

– А ты её хорошо попроси...

– Да какая разница!

– Какая? – учительница улыбнулась. – Вот я тебя попросила, просто попросила – по-обычному. Девочки, а кто-нибудь попросит Серёженьку – «хорошо»?

Она с той же предвкушающей, женской улыбкой оглядела класс.

– Я, – неожиданно для всех первой отозвалась Олеся.

И она с другого угла класса, неспешно направилась к нему.

Говорили, что у неё совсем бедная семья, и поэтому не хватало денег на самую элементарную пластику – убрать россыпь мелких отчетливых веснушек вокруг носа или родинку над самым уголком губ. Придаться к фигуре девчонки из класса не могли: все выпуклости были на месте, зато сходились во мнении, что чуть расширить глаза – ей не помешало бы.

Неширокие её глаза улыбались, родинка подрагивала от той же, что у учительницы взрослой, женской улыбки. От предвкушения. Серёженька смотрел на неё и ничего не понимал. Ничего!

– Ничего тебе никто объяснять, подсказывать, показывать не будет. Всё – сама! Тебе просто дадут шанс. Ты мне только скажи: тебе он нужен – этот шанс? Подумай...

Девочка не стала думать – она кивнула, потом ещё раз, потом ещё...

– Хватит, я поняла.

Днём, перед последним уроком, Елена Дмитриевна остановила её в школьном коридоре и сообщила:

«– С тобой хочет переговорить Анна Александровна.

«– Стехова?!

«– Да.

«— О чём?

«— Я, конечно, догадываюсь, но боюсь ошибиться, боюсь сбить тебя, — улыбнулась учительница. — Хотя не думаю, что речь пойдёт о новом сезоне её шоу...

«— Тогда... О Сереженьке?!

«— Я боюсь ошибиться, — опять улыбнулась Елена Дмитриевна.

«— Где? Когда?

«— " Шапито». В 20—00.

Это был очень дорогой ресторан. С кошмарным дресс-кодом.

«— А меня туда пустят?!

«— Ты уж исхитрись.

Ресторан открывался в два часа дня и до пяти нравы в нём были попроще. Олеся пришла к половине пятого. У швейцара узнала имя-отчество метрдотеля. Подошла к нему.

«— Николай Павлович?

Николай Павлович с любопытством оглядел молоденькую девчонку — явно из соседнего квартала, которая смотрела на него, как... как, верно, в XVII веке... или XVIII?... Суворов осматривал Измаил. Да наглядился он уже на такие взгляды. И он не Измаил. Он Шлиссельбург — больше тюрьма, чем крепость.

«— Ну?

Она сглотнула и спросила:

«— Сколько мне будет стоить Ваша двухминутная консультация?

«— Даже так? — так к нему ещё не подкатывались. Ну-у-у, посмотрим. — Спрашивай. Я думаю, сговоримся.

«— Я бы хотела большей определённости, — отчаянно попыталась настоять на своём девочка.

«— Ты меня заинтересовала. Один поцелуй.

К его изумлению девчонка не улыбнулась, эдак, вальяжно и соблазнительно, а продолжила торговаться:

«— В щёчку. И Вы... — она, наконец, посмотрела ему в глаза.

«Ага, и — в штыковую!»

«... — и Вы меня при этом не лапаете.

«— Какая ж ты предусмотрительная, — ему действительно стало интересно. — Хорошо. Но поцелуй тогда будет... Ты не будешь стесняться — и от всей души. А не... не как нелюбимого дедушку.

«— В щёчку? — опять уточнила она.

«— Тоже мне, нашла «щёчку», — огладил Палыч свои выскобленные щёки, — Ну, всё — спрашивай!

«— Мне вечером у вас назначено. Меня *такой* пропустят?

«Назначено... — про себя пробормотал он. — Так Стехова про неё, выходит, предупредила?»

Он ещё раз оглядел девочку.

«— Для такого платья и твоего возраста туфельки слишком закрытые, смени. Убери ленту из волос: они у тебя и без того хороши. И последнее: чтобы никто не мог принять тебя за проститутку — смой косметику.

«— Но у меня и без того...

«— Всю, — и он улыбнулся. — Духи тоже.

«— Но у меня...

«— Вот именно, — по-прежнему улыбался он.

«— Да надо мной из-за этого девочки смеются!

«— Тебе хочется нравиться девчонкам?

«— Нет!.. а...

«— Смой.

«— И... тогда пустят?

«— В случае чего — зови меня.

«— Спасибо, — вспыхнула она и шагнула вперёд.

Хорошая у девчонки оказалась душа — лёгкая, светлая.

Её пропустили.

«Вам в Бархатный зал. Я Вас провожу, — вежливо улыбнулся ей швейцар.

Лифт. Третий этаж. Задрапированные тёмно-зелёным бархатом стены. Голые спины, голые плечи, блеск глаз, блеск драгоценностей. И она... в своём платье... со своими веснушками.

Со Стеховой сидела Елена Дмитриевна, стало легче.

— Я тебе сразу хочу сказать: тебя никогда не будет ни в одном моём шоу, тебя никогда не будет в моей студии, да и нигде на нашем Канале, скорее всего — тоже. Никогда. Другим из вашего класса шанс может выпасть, тебе — нет. Понимаешь?

Олеся опять только кивнула.

Она боялась, что у неё пропадёт голос и придется некрасиво откашливаться, она боялась, что у неё проявится местный акцент, она боялась, что у неё выскочит жаргонное словцо. Она просто до дрожи боялась эту женщину! Исцарапанного Серого ей увидеть довелось. И довелось услышать, как подруги сестры Серёженьки отказывались потом от приглашения прийти к ней на Новый год!

Хорошо хоть со столовыми приборами проблем не возникало. В позапрошлом году Серёженька устроил экзотический ужин. Девчонки потребовали показать, как всё это есть правильно, чтоб он не хихикал...

«А то ведь устрицей можно и в лоб!».

Кончилось всё тем, что его родители подарили школе шесть полных классических столовых наборов — на двенадцать персон каждый. Мальчишки, конечно, побухтели, но девочек поддержала учительница, им всем прочитали ознакомительный курс высокого этикета, большинство классных вечеринок (и не только их класса!) стали сервироваться подарочными приборами, и даже мальчишкам пришлось выучиться есть красиво.

Но здесь она видела, во что вокруг одеты женщины, она видела, во что они обуты, а стоимость коле Анны Александровны так побоялась даже прикидывать!

И здесь, и среди них, и рядом с ней — она. Всё это было почти смешным, но было не до смеха: ей — именно ей! Именно здесь! — дарили Серёженьку. Невозможно! Нереально!

Потом она так и не смогла восстановить в памяти весь разговор, его последовательность — то, как они от одной темы переходили к другой.

— Но почему — я?!

— Извини, почти случайно. Главным образом, потому, что ты — не та юная сучка. А ещё из-за того, что мне никто не сказал хотя бы пару месяцев назад, что мой мальчик уже вырос. Что любовь имеет обыкновение нечаянно нагрязнуть, когда её никто не ждёт. Что уже совсем нет времени. Что ты одна из трёх, которые... ну, ты своих знаешь... Что на тебе нет дурацкой пластики... — и неожиданно женщина взорвалась: — Но чего же вы все, все трое, ждали-то?! Что ж, ни одна из вас... Елена Дмитриевна это и Ваша вина! Девчонкам — по шестнадцать, а они не умеют обращаться с парнями!

— Нет, — их учительница умела говорить «нет». Олеся этому тоже научится. Обязательно научится! — Кто-то должен был подать пример, стать ядром кристаллизации. Вот

Олеся и покажет. И станет. К концу года свободных мальчишек на потоке не останется. Ну, почти... – она чуть поморщилась...

«Наверное, вспомнила Пончика, – подумала Олеся и тоже чуть поморщилась. – Хорошо, что он не в нашем классе».

Заиграла музыка.

Это был настоящий оркестр, это была оизвестная певица. Не из тех, которые голыми катались по сцене, не из тех, чьи наряды потом срисовывали на масспродажах, чья пластика становилась всеобщим поветрием. Она просто пела. Пела свои песни. Своим голосом... Иногда только под свою гитару, или только под рояль... Однажды – села за виолончель... И один раз, под аплодисменты! – вышла с саксофоном...

И их начали приглашать танцевать. Их, это Елену Дмитриевну и – её!

– Я... – попервоначально попробовала отказаться она.

– Потанцуй! – даже не разрешила, даже почти потребовала Анна Александровна.

Говорить ей «нет» девочка ещё не научилась.

– А почему не приглашают Вас? – позже спросила она.

– Здесь знают, что обнимать себя чужим я разрешаю только перед камерами. Или в присутствии мужа. Или матери. До недавних пор ещё и дочери, – улыбнулась женщина. – А танцы... ну, что за танцы без объятий? – она завистливо посмотрела на Олеся, вздохнула: – Может, попросить теперь Серёжу поприглядывать за мной?

А Олеся танцевала! И не меньше, чем Елена Дмитриевна!

– А если у меня ничего не получится? Ведь он любит эту сучку, а я всего лишь...

Анна Александровна, не глядя, несильно ударила её по губам.

– И никогда больше, – произнесла она.

– Но Вы же сами!..

– Анна Александровна – госпожа, мастер, а ты – из нашего квартала. В её устах это слово – экзотика. В твоих – подтверждение статуса.

– Извините, – выдавила из себя Олеся.

Но взрослые женщины продолжали требовательно глядеть на неё.

– Спасибо за урок, – чуть поклонилась девочка.

– Ну, то-то же. Теперь о твоём вопросе. Ты же понимаешь, что здесь и сейчас на тебе убогое платье и убогая обувь? Да и по тебе видно, как ты переживаешь, что на тебе – убогое бельё. – Олеся молчала, она только сжимала зубки. – Тогда почему тебя здесь приглашают мужчины? На равных почти с Леночкой Дмитриевной?

– Почему? – выдавила она.

– Потому что, открою тебе большой секрет: мужчинам плевать, во что одета и, особенно, во что обута настоящая красота. А Вы обе – настоящие. И на тебе же сейчас ни капли косметики? Среди нас, взрослых, украшенных и раскрашенных, ты – таким контрастом! Такая юная! Ты едва ли не светишься... Вот и танцуй. Вот и вглядывайся в их глаза, вслушивайся в их... нет, не в их слова – в их голос, в их руки, в то, как ты им нравишься. Им – это их глазам, их рукам. Мой мальчик – тоже мужчина, он просто ещё о том не знает. Вот и объяснишь, – она улыбнулась: – О, к нам опять подходят... Интересно к кому?

Пригласили её!

– А если Серёжа всё поймёт? Если он только подумает и спросит?

– Сама, всё сама. Никаких рецептов ты от меня не получишь.

– Я прошу не совета – ответа. Вы бы, что бы Вы ответили мужу?

Женщины переглянулись.

– Му-у-ужу... – протянула старшая. – Я никогда не врала мужу. Кодекс Азалиных, знаешь ли, он – истинен! Нет, никогда, – а потом улыбнулась: – А вот обманывать – случилось.

Она посмотрела на сжавшуюся девчонку, хмыкнула, чуть поколебалась и... и объяснилась:

– Помнишь, мы подарили Семёновым пропуск в нашу ложу на финал кубка со «Спартаком»?

– Да.

– Мужа уговорила я. Ему я сказала, что они попросили меня уговорить его. Я не соврала. Попросили – они. А о том, кто подкинул им идею попросить меня упрямить его, говорить не стала. И не стала упоминать, насколько просчитаны к тому моменту были, например, затраты на вроде бы, бесплатную для всех забаву. Или об ожидаемом проценте роста рейтинга за счёт этого у моего шоу.

– Я слышала. Плюс полпроцента, когда увидели в вашей ложе не Вас с мужем, а мужиков из нашего квартала.

– Их показали два раза за матч. Общее время показа – семь секунд, и оба раза комментаторы обратили на них внимание зрителей. Комментаторы оплачивались отдельно.

– А потом видео, как Вы с мужем болели с нашими, каким-то образом попало в сеть... Об этом даже в новостях упомянули. Вроде бы, ещё полтора процента.

– Один и четыре, – и она покачала головой. – Но пропихнуть это видео на Официальный Канал, в новости, у наших едва получилось.

– А Ваш муж? Он не догадался?!

– За кого ты его принимаешь? Конечно.

– И?!

– Он меня отшлёпал, – двусмысленно усмехнулась мужняя жена.

Ближе к десяти Олесе предложили начинать собираться. Взрослый, очень взрослый мужчина вызвался доставить её домой.

– Вы в курсе, что Лесечке ещё очень далеко до восемнадцати? – осведомилась старшая дама.

– Конечно, я это вижу. Но должен же кто-то из мужчин хоть как-то отблагодарить юную леди за восхитительный вечер. Анна Александровна, девочка со мной будет в безопасности.

Анна Александровна только улыбнулась:

«Да, Леся умная девочка, прощание у порога своего дома она растянет на несколько минут. Кому надо, увидит, что он *привозил свою*, и его без проблем выпустят... Без проблем для самих себя. Станислав Керж вырос в таком же квартале. И сам пробился наверх. И постоять за себя смог бы. Влёткую».

В коридоре, когда Леся увидела Палыча, она не выдержала и бросилась ему на шею.

– Рад за тебя, – сказал он, и расцеловал её.

– А у неё получится?

– После сегодняшней танцевальной фиесты – у неё получится всё.

– Со сколькими из них Вы договорились?

– Только с двоими, только с двоими.

– Но она поймёт. Рано или поздно она всё поймёт.

– Не сегодня. И не завтра. А после вашего классного часа – пусть.

Елена Дмитриевна подняла бокал, отпила, поставила его на столик и спросила:

– Про меня Вы тоже договаривались?

– Разумеется, – улыбнулась мастер-шоу. – У девочки должен был быть гарантированный пример для подражания... Образец для сравнения. Повод к соперничеству. В общем,

как ты это называла? – точка кристаллизации, – и она опять улыбнулась. – Но с сэром Андрея не говорила. Ты уже решила, что ему ответить, когда он предложит проводить тебя?

– Уж что сказать сэру, я придумаю.

Когда Олеся шла к Сереженьке, он ничего не понимал. Он не ждал, что она обнимет его, он не ждал, что она прижмётся к нему, он не ждал, что щекой она погладит его щеку...

– Пожалуйста. Позови. Для нас, – она почти сразу оторвалась от него, он даже не успел оттолкнуть её, но кто-то из мальчишек успел свистнуть! И под этот свист и раздавшийся гвалт она, глядя ему в глаза, тихо добавила, она попросила:

– Для меня.

И он услышал...

– ... Я тоже хочу тебя попросить! – закричала Сонька и ринулась к нему.

– И я! – завизжала Люси.

– И я!

– И я! – опомнилась новенькая.

Началась куча-мала. В которой ей не досталось ничего. Ни одного касания. Новенькую затолкали в ней. Она только получила по почкам. Два раза. Больно.

– Но он же влюблён в неё. Он реально в неё влюблен. На что Вы надеетесь?

– На шок первого. Первой настоящей просьбы, – Анна Александровна тряхнула головой. – Да и это тоже – виртуальности! – на шок первого реального прикосновения к женской коже! Может быть – первого прикосновения реальных женских губ! И будет – первое в его жизни обещание себя.

– Вы думаете...

– Девочке же намекнули: можно. Она не упустит шанса.

– А... – осторожно спросила учительница, – а она не станет игрушкой для него?

– Он для неё – тоже. Вот и пусть поиграются реальным, настоящим, живым. А все эти его влюбленности, повторяю, лишь виртуальности, ещё одни виртуальности, – теперь Анна Александровна потянулась к бокалу, отпила глоток. – Как же я их ненавижу!

И молодая женщина решила:

– А Валерий Геннадьевич, Ваш муж... Он вспоминает Екатерину Одоев-?...

– Заткнись!

Учительница не рискнула проявить норы. Она замолчала.

– Не вспоминает. Помнит. У «Тёмного мёда» рано или поздно будет продолжение. Повторяю: всё это виртуальности. А в реальности сейчас и на века: он! мой! муж! И это я родила ему его детей!

Учительница не рискнула напомнить, что в веках осталось имя небесной Лауры... а имя земной жены Петрарки, матери его детей, никому не известно.

Для Валерия Геннадьевича эти четыре месяца тоже пролетели в хлопотах. Случилось так, что почти сразу после отъезда Танюши его вызвали в правление Канала и предложили подписать договор о передаче авторских прав на его текущую постановку... «Мы Вас не особенно торопим – заодно и продумаете потщательнее – кому», а потом ещё раз ошарашили: «Видите ли, по нашим сведениям статистику по „Тёмному мёду“ собирает ФВИ».

Заместитель директора Канала лично, своими белыми ручками открыла сейф, достала пузатую бутылочку «Камю», три рюмочки, лимон... Разлила, нарезала, поднесла. Крокодил Тёма только жмурился, а леди Иветта вещала:

– Мы не хотим Вас терять. Конечно, Фонд Высокого Искусства в состоянии обеспечить Вас всем. Но, Валерий Геннадьевич, подумайте: нужно ли Вам тратить время на сбор новой

команды, тратиться на привыкание к новым людям, к новым помещениям, к новому начальству... Да-да, именно – к начальству. Конечно, задача Фонда – обеспечить свободу творчества гениям. Но это всё-таки официальная структура, а официальные структуры невозможны без официальной отчетности, а значит, без чиновников, ею занимающихся, её собирающих, её требующих, а значит, невозможны без начальничков. А оно Вам надо? К нам-то, в оном качестве, Вы уже привыкли. Худо-бедно, но мы уже давным-давно сработались, притёрлись, приспособились. И не только Вы к нам...

– И ещё, Валерий Геннадьевич, – Крокодил улыбался своей крокодильской улыбкой, – наши требования, базовые требования любой коммерческой компании тебе ж известны: это укладываться в планы – в том числе и в основном: по финансам и по срокам. Повторю: по срокам. Подумай, а не стоит ли тебе иметь над собой именно это: не только *моральные* обязательства *закончить* работу? Вон Джекоб Франдт пишет свой Второй том уже восьмой год...

– Но...

– Валер, хватит, а? Ты же знаешь: мы в состоянии решить любые «но», – Иветта села перед ним прямо на стол, покачала своей белой ножкой. – Мы планировали предложить тебе это в следующем сезоне, через полгода то есть, но раз так... А когда бы *ты* мог начать новую работу? Настоящую работу?

– Завтра.

– Начиная.

– На каких условиях?

– Пункт об авторских правах – причешем отдельно. Остальное – пиши сам. Мы согласимся.

– Даже со сроками?

– Даже с ними.

– Но у вас же уже давно закрыт план на год текущий и сверстан – на следующий... Да и на через следующий, наверное, тоже!

– Не твоя забота.

«Ну что ж, ты напросилась».

– Тогда... Тогда попроси меня, Веточка. Хорошо попроси.

– Мне выйти? – захохотал Тёмка.

– Нет. Этому придурку не этого всю жизнь от меня хотелось, – Иветта спрыгнула со стола, отсчитала три шага, жалобно спросила: – Хватит?

Валера только кивнул, и она начала подтягивать вверх узкую длинную юбку.

– Какой же у вас был звёздный класс... ты, Тимофей, Иветта, Катерина, Андрей, Семён, Алина... все на слуху. У всей галактики.

Они лежали, как Анна любила: она – спиной к нему, он – прижавшись к ней всем телом, обняв её... Его дыхание неслышно шевелило её волосы, щекотало шею. Его руки чуть ласкали её грудь, и остро ощущались его бёдра. А через открытое окно пахло опавшими листьями и сыростью – пахло ранней осенью. Смутно доносилась музыка, отчетливей – чей-то разливчатый смех. Их квартал ещё не спал.

– Это всё Катерина... Лучшая! – и Анна почти увидела его улыбку. – Вот – даже Линка до сих пор помнит! На посвящении в скауты у нас спрашивали о своих собственных недостатках.

– Нас тоже, – вспомнила женщина.

– Да почти всех спрашивают, стандартный вопрос. А Катерина тихо ответила:

«– Я не знаю.

«– Поможем девочке! – представитель города оглядела класс.

Ни одна рука не поднялась. Алина потом призналась, что с горя хотела выкрикнуть: «Да гадина она просто!», – так на Посвящении не принято лгать.

«– Она что у вас – идеал? – обернулась к нашему учителю представитель.

«– Эх, – вздохнул Вениамин Константинович, – побольше б, хоть на пару каратов, доброты да скромности – вообще б цены не было.

«– Вы считаете... – чуть нахмурила бровки наша юная красавица.

«– Будешь спорить? – улыбнулся учитель.

«– Нет, – скромно не стала спорить она.

Вот такая. Мы, мальчишки, чуть ли не поголовно были влюблены в неё, а девчонки исходили ревностью... И друг перед другом... – он вздохнул, с такой горечью, с такой ностальгией... – Тёмка, тот интеллектом, фартом... Однажды, они, на пару с Ифкой, учинили игру в дурака на раздевание и оголили всех нас.

– И скромную Одоевцеву?!

– На её скромности и сыграли – «а ты что – не такая, как мы»?

– И ты впервые увидел её голой?

– Первый раз голой я видел её на пляже. Недолго, правда: пришел, она тут же подхватила, оделась и ушла. А тогда я впервые увидел её в нижнем белье.

– Тоже на всю жизнь впечатление?

– Тоже.

– И как она его снимала – тоже?

– Не только у меня – «так опадают магнолии...»

– Так это после игры в дурака?!...

– Первые стихи Андрейка написал ей в шестом классе. А тогда...

«– Только попробуй, – сразу предупредила она его.

«– Я попробую, – сглотнул он.

«– Слово, одно только слово не понравится – год разговаривать не буду. Вы меня знаете! – кивнула она нам.

«– А если... – договорить у него не получилось.

«– Поцелую, – хмыкнула она.

И поцеловала. Оба были красные, как... как морковки. Прижалась к его щеке губами и застыла. А я начал громко считать: «Раз, два, три...»

«– Заткнись! – заорал он.

«– Стехов, уйди, – негромко сказала она.

Я и ушёл. Мы не разговаривали более двадцати недель.

– В одном классе?! Это ж... полгода почти... Полторы сотни дней?

– Меньше, – тихо улыбнулся мужчина, – сто сорок четыре. Ровно гросс – дюжину дюжин.

Первые два варианта стихотворения – Ифка потом хвасталась – она просто обсмеяла. Андрей её два раза едва не побил. Первый – не сумел догнать, второй – её прикрыл Крокодил. Потом Андрюха просил прощения и снова читал переделанное. Она без Тимки слушать уже отказывалась. Эта строка появилась в четвертом варианте... Канонический – шестой – показали Вениамину Константиновичу. Он только головой покачал:

«– Ну, теперь понял, что вдохновение – это всего лишь первый шаг? Что первый вариант стихотворения – это всего лишь первый его вариант? – и улыбнулся: – Получилось. Вперёд!

И поэт решился.

А за полгода нашего обоюдного молчания моя постановка с параллельным классом нашей, в те времена совсем не элитной, школы смогла прорваться на региональный смотр-конкурс. И Тёмка опять столкнулся с Ифкой, та сыграла, уж не знаю как, не знаю на чём –

до сих пор не знаю! – но Катерина извинилась передо мной, попросила вернуться и больше не уходить от класса. Лично!

– Ты, конечно, отказать не смож?

– Отказать? Какое там... Она взяла мои руки в свои. Я чуть сознание не потерял...

И Анна вдруг поняла, что он до сих пор помнит ощущение своих ледяных пальцев в её тёплых ладошках.

– Да что я! – они даже Лину сумели уговорить: она бросила очередную свою «симфонию», и села за «попсу» – за саундтрек, Андрюха – написал либретто, однако, уже под её, Алинкином, присмотром. Вот у Катерины по сценарию и оказалось – всего-то пара фраз. Но я выстроил спектакль так, что сцену она практически не покидала. И внаглую объяснил: я на тебя смотреть хочу. Сенька спел. Слышал, девчонки по школам «Зимний вечер» поют до сих пор.

– У нас в классе пели...

(О том, что Катерина после регионального фестиваля получила приглашения от трёх знаменитых театральных мастерских, он промолчал, да Анна и так о том знала. Общеизвестный факт. Катерина Одоевцева выбрала Щепкинское училище и уехала в Москву. Через полгода в постановке Иннокентия Браги сыграла Джульетту. Прославилась. Разбогатела. Вышла за театрального гения замуж. Родила дочь... Ушла от него.

Что за это время мальчишка чуть не умер – Анна знала тоже: тоже общеизвестный факт.)

– До сих пор не могу разобрать: Вениамин Константинович сдерживал эту бучу или, наоборот – растравливал. После нас он ушёл из педагогики, но доработать с нами ему же дали! – он вздохнул – снова с такой горечью... и закончил: – Или наоборот, его заставили.

– А Иветта?

– Как была стервой, так и осталась. Ведь, как все девчонки, ненавидела Катю, но в лучших подругах ходила! А как она не любила меня! Да и сейчас терпеть не может.

– Тебе действительно всю жизнь хотелось, чтоб она поползала перед тобой на коленях?

– Теперь мы квиты, – буркнул муж.

Ревнивая жена не стала допытываться, чего, именно вот так, просил мальчишка у лучшей подруги первой своей, безутешной своей любви. А уж кого-кого, а леди Иветту она знала. В паре: добрый начальник – злой начальник, та исполняла роль садистки. С наслаждением исполняла. И, выходит, тоже – со школы. Одноклассница! С каким бы кайфом Анна сама «поквиталась» бы с ней!

– Ты возьмешь её?

Куда он возьмёт, кого он возьмёт, уточнять не требовалось.

– Да. Они выставят это условием.

– У тебя же карт-бланш. Условия ставишь ты! А её канал?! Кто её отпустит из «Альфы» к нам?!

– «Мы решим любые „но“... А в классе она любила повторять: «И никаких „если“! Не будет никаких „если“!» Договорятся. Я не буду пытаться переиграть Ифку с Крокодилом. Поодиночке обойти их можно, но когда они играют за канал, когда они на пару... Ну, сколько можно! Если хочешь, можешь попробовать ещё раз – но теперь уж сама.

Анна промолчала. Борьба с Иветтой и Тимофеем... когда за ними будет тихая поддержка мужа... Лучше она перетерпит. Лучше пусть муж знает, что должен ей!

– Это будет эпизодическая роль. Очень небольшая. Скорее всего, Катерина появится один раз, где-нибудь в самом начале. Ветка растрезвонила о прообразе леди Джейн, и все, увидев её, подумают: он так и не смог забыть её. И это будет, как камертон, как «ля» гобоя в оркестре перед концертом. А потом появится дирижер, пожмёт руку первой скрипке, взмахнёт палочкой, и... и будет музыка!

– У тебя уже есть сценарий?

– Да. Помнишь, как весной ты мне намекнула? Я скатал к Андрюхе – поговорили...

Анна помнила: не весной, а в июне. Его не было всю ночь, а потом – не пожелал объясняться. Что ж, теперь ясно: побоялся сглазить.

– Помню. Ты тогда явился под утро – и пьяным.

– Зато мы нашли нужное... Ту самую ноту. Тот самый акцент. Ту самую сцену. Андрея срезонировало. Завтра дам – почитаешь. Есть пара неотчётливых эпизодов. Может, подскажешь.

– Семён будет с вами? Он споёт?

– Куда ж он денется, если Алина уже согласилась?! Кстати, знаешь, как называли промрут-план?

– Догадываюсь. «Одноклассники»?

– Да.

Голос его был уже почти неразборчивым. Он засыпал. Ну что ж, крепче запомнит:

– Ты будешь должен мне.

Валерий промолчал. Он спал.

«Завтра!» Это ведь только сказать «завтра», а на деле...

Да хотя бы передать рабочий проект в другую студию – то ещё удовольствие! Ну хоть посмотрел на кислую мордочку Варюхи Кедровой, выслушивающей «пожелания» руководства: *«сохранить сюжетную канву, режиссерский план и общий стиль уважаемого мэтра»*. Ничего, ей полезно: сначала зарабатывают себе имя – учатся сначала! – а уж потом экспериментируют. Вот и пусть учится. Спасибо, дура, должна сказать – кто б ей ещё после такого провала в ближайшую пару лет полноценную постановку доверил!

А уговорить Алину Крест бросить всё и заняться его саундтреком?! («Но Катька не будет петь ничего! Слышишь – ничего! Она даже ходить под мою музыку не будет! Вот моё условие: есть я – нет её»). Хм... и пусть. Да, да, да! Именно так и будет: Катерина в абсолютной тишине, в абсолютном молчании – вызовом, контрастом... Абсолютом!

А разрешение на съёмку в Беловежском заповеднике?

(– Валерий Геннадьевич, ты с ума сошел?! Ты разорить Канал хочешь?)

– Он хочет, чтоб я ещё раз поползала перед ним на коленках! Так – пожалуйста! – и Ветка начала задира́ть юбку.

– Не-е-е, я уже нагяделся. Ты с этим теперь к Медведеву.

– Дурак всё-таки ты, Валерк, «он нагяделся»! А я бы и ещё раз полюбовался...

– Вот, гады, сами с Медведём и будете говорить!)

Они и поговорили. Но сначала леди Иветта слила информацию о ФВИ Официальному Каналу («А как ты думал? – сегодня мы им информашку, завтра они нам – рекламку»). Диктор новостной студии – несравненно-юная Мила Милонович – с наивным садизмом опередила официальное объявление. Скандал вышел презнатный. Под его громохание Медведь и согласился. Правда, требовал с Тимофея ещё обещание на личную встречу с Екатериной Одоевцевой во время съёмок. Ну-ну, пусть пообщается...

Катерина, ничего не объясняя, разорвала все контракты на ближайшие два года. Канал «Альфа» пообещал, что высудит у неё не только её остров, но даже её нижнее бельё, что обратится в профсоюз, её лишат лицензии, и она больше не получит работы, никакой работы – даже ходячей вывески!

– Как им всем хочется повозиться в твоём бельё... – улыбнулся Валерий Геннадьевич. – А уж этому армяну...

Катерина отвлеклась от своего «нигде», внимательно посмотрела на своего давнего друга, на когда-то смертельно влюблённого в неё мальчишку, на одноклассника – и улыбнулась тоже.

На следующий день она насобираала полутоннажный контейнер трусов, лифчиков, подвязок, поясов, колготок, носков, ночнушек, комбинашек – и под телекамерами вывалила всё перед Альфовским офисом.

– А ненадёванное считать своим можно? – невинно спросила репортёров звезда. – Но там такого мало... А остров отдать не могу: не мой он, я его подарила дочке на совершеннолетие. Несколько лет уж как... А если у меня не будет работы, доченька нас с младшеньким прокормит.

«Альфа» устроила аукцион. Не говоря уж о рейтинге этого многодневного торжища, за ношенное бельё Катерины Одоевцевой давали такие цены, что Екатерина почти окупила им год своей работы – точнее неработы.

Ифка просто рыдала:

– Это нам надо было сделать, нам! Почему она не обратилась к нам?! Почему мы не обратились к ней?! Почему никто из нас не додумался, что вокруг столько богатеньких извращенцев?

Стехову стоило больших трудов не улыбнуться.

Даже Анна впечатлилась:

– Увижу в доме хоть одну её тряпку – убью!.. убью и уйду, – ошарашенный муж только пальцем у виска покрутил. – А ты мне дули не крути! Ты мне обещал, что у неё будет только одна крошечная сценка! Чего она делает в экспедиции?!

Валерий Геннадьевич засмеялся:

– Дули крутят вот так, – он показал как. – А она... Можешь её выгнать. Я промолчу.

– Выгнать? А каким образом – ты объяснишь?

– Ну, ты же у нас реал-мастер.

– Я мастер... а она... Не тебе говорить, что её в её «нигде» никому не достать, – буркнула Цыпочка.

Не достать. Например, госпожа Одоевцева не боялась «мамочку». Совсем. А таких было только четверо, только четверо на всём белом свете – если считать с ней самой, той самой госпожой Одоевцевой.

Да, у неё будет только маленькая сценка в начале фильма – почти без слов и даже без фоновой музыки. Но всю съёмочную кампанию Катерина проведёт рядом с ним. Вмешиваться ни во что не будет – будет лишь сидеть рядом, ходить рядом... Не вникая, особенно, в разговоры, почти не отвечая ни на чьи просьбы... Будет есть рядом, иногда спать в соседней комнате...

Однажды во время съёмок заплачет и разрешит вытереть себе слёзы Главному Герою. Два раза поцелует Главную Героиню. (Лейзи Зи оба раза ворчала, что «обошлась бы», но как-то высказалась Главному Герою, что вот ему-то поцелуев от Одоевцевой не досталось!) Один раз попросит разрешения у старой актрисы поцеловать её. Да несколько раз негромко поаплодирует после возгласа: «Снято!»

А что по этому поводу творилось в Сети...

Премьеру лишённая лицензии Екатерина Одоевцева проведёт среди зрителей. Но после финала, когда все встанут – останется сидеть. И по галактике разлетятся снимки, как вокруг все заходятся в аплодисментах, а она из своего «нигде», неведомо чему, улыбается.

Одноклассники не могли ей помочь никак: лицензия даётся один раз в жизни. А без одной Катерине даже подарок сделать было боязно: не дай Бог профсоюз сочтёт это скрытой оплатой – лицензии лишили бы ещё и Канал.

Втихую помогали дочери. Девочка очень гордилась, что семейный бизнес стал настолько успешным.

Впрочем, умереть с голоду, хотя почти все её миллионы ушли на чудовищные штрафы, блистательной госпоже Одоевцевой не грозило: оба бывших мужа – да, Антуан де Леже тоже! – сразу напомнили о себе... Правда, отклика не встретили.

Среди Рождественских Номинаций её имя не значилось: не значилось теперь её имя среди актрис. Её вообще в Звёздном Дворце не могло быть: купить билет туда было не по средствам даже Стеховым. Но они-то получили персональные приглашения.

– Делайте, что хотите, – сказал Валера, – но чтоб Катька...

– Он ещё и приказывает, – облизнулась Иветта. – Попроси!

К её несчастью тут же, меж стульев прохаживалась Анна. Предупреждал же Тимоха: «Не надо будить мамочку!». Первый стул, сработанный из драгоценной карельской берёзы, разлетелся от удара о дубовый стол буквально в щепки.

В результате...

В результате в ту самую секунду, когда Лейзи Зи вступила на Красную дорожку – на первую ступеньку лестницы ко входу для зрителей поставила свою туфельку «Катька». Так в прямом эфире их и показывали – издали, на широкой панораме, идущих шаг в шаг – и расточавшую улыбки зрителям Лейзи, и никого не замечавшую, в своём извечном «нигде», Катерину. И беснующихся за ограждением Красной дорожки, за линией охраны, фанатов главной звезды постановки, и благоговейно расступающуюся толпу перед исполнительницей маленького эпизода.

Никто, конечно, на Красной дорожке не спрашивал приглашение у леди Зи. И никто не осмелился спросить у входа билет у госпожи Одоевцевой. И в своих привычных ложах они появились одновременно.

Некий настырный профсоюзник ринулся за объяснениями к директору Звёздного Дворца.

«– Да нету у неё билета, – отмахнулся тот. – Можете попробовать её вывести. Конечно, если не боитесь сорвать церемонию, потому как, боюсь, за неё вступятся.

«– А на ком ложа?!

«– Билеты в неё были нашим горячим резервом. Не понадобились. Ну, кто бы мог подумать, – улыбнулся Игнат Фёдорович в лицо функционеру, – что на Рождественские Номинации вдруг окажутся «лишние билетки»!

Как и ожидалось, Лейзи получила статус лучшей актрисы года. (Кстати, за музыку свой третий статус получила Алина Крест, Андрей Синичкин – второй, за сценарий. Семёну Зотову статуса не досталось, но вновь понежиться в номинациях – на знойных вершинах музыкального топа, в его-то сорок пять...) Как и ожидалось, ФВИ дал свой грант на следующую работу Стехову Валерию Геннадьевичу. Но никто не ожидал, что почтенный Ален Дюбуа тут же позовёт на сцену Одоевцеву:

– Иди сюда, дьевочка!

– Я?! – не поверила себе Катерина.

– Ты-ты, – улыбнулся престарелый мэтр. – Идьи сюда!

Даже Фонд Высокого Искусства ничем не мог наградить её за её полутораминутное молчание в нашумевшей постановке. Ей вручили Браслет Менделеевой.

Она ночевала в доме у Стеховых – в опустевшей комнатке Татьяны. И вышла к столу, когда взрослые собирались на работу, вышла в танюшкином же простом халатике. Серёжи уже не было: он уходил раньше. Пятнадцать подписанных ею портретов (пятнадцатый – для Елены Дмитриевны) унес с собой, два – оставил дома.

Анна предметно осмотрела и голые колени вселенской дивы, и влажные ещё после душа волосы, и все её прославленные изгибы-рельефы, еле прикрытые легкой, дешёвенькой тканью – и ведь вместились же!

– Обещай, что больше не появишься в моём доме!

Катерина замерла, а потом её «нигде» рухнуло – она опустилась на стул:

– Ты придумала!

– Браслет.

– Что Браслет? – за ночь, за одну только ночь она уже успела возненавидеть эту красивую, эту бесполезную игрушку. Валерке – грант, а ей... Она полночи смотрела из окна на мерцающий огнями город и... нет, плакать по таким поводам она себе не разрешала. – Я теперь могу «вдохновлять» кого угодно и как угодно. Как Любовь Менделеева вдохновила Блока и ещё с полудюжину поэтов на три сотни стихотворений о себе. Ещё теперь больше не буду висеть на шее у доченьки, ещё могу вообще ничего не делать, могу...

– Вот именно: можешь.

– Что?!

– Всё. Вот иди и вдохновляй – КОГО УГОДНО и КАК УГОДНО! Но НЕ в МОЁМ ДОМЕ! И, пожалуйста, – она сделала усталое лицо, – пожалуйста! – не на нашем канале.

Госпожа Одоевцева поглядела на постанывающего от предвкушения Валерку, и до неё дошло. Она вскочила:

– Мне надо двадцать минут! Дай мне в *твоём доме* ещё двадцать минут! – Катька в шесть секунд взлетела по лестнице, замедлила, обернулась, перегнулась через перила: – А Ифка тебя убьёт.

Когда за ней закрылась дверь, Анна позавидовала:

– Умеет же...

– Да, – улыбнулся великий режиссер, – гениальная пластика.

– Кажется, ты хочешь...

– Обязательно вставлю. Только придётся подстраховаться снизу, а то ведь эта «Лейзи Зи» – не удержится, сверзнится, на фиг...

На территорию «Альфы» не пропустить Екатерину Одоевцеву живая охрана не осмелилась, а для автоматике артефакт ФВИ был абсолютным допуском. Она направилась прямо в свою привычную студию.

– Вон, – бросила молодому мастеру.

Юный гений посмотрел на её Браслет, пробормотал: «Как вдохновляюще», – и вышел. Актёры промолчали, они все, одновременно, решили начать разыгрывать этюд «мебель в доме».

Через десять минут в студию явился запыхавшийся Сурен Седракович. Лично.

– Катенька, ну что же ты со мной делаешь... Катенька, ну, не могу я! Я ж перед тобой уже извинялся, я же с тобою уже рыдал...

Катерина посмотрела на него, на просачивающихся в студию актёров, на бочком вошедшего несчастного, изгнанного мастера... Но она была в своём нездешнем «нигде».

– Сурен, знаешь, почему я пришла к тебе, а не к официалам?

– Катенька... – побоялся поверить предчувствию босс «Альфы».

– Ты не обидел никого из моей группы. Сколько займёт времени выдернуть их и вернуть мне?

– «Обидел»? Обижаешь! Но... но они ж без тебя... кому они нужны без тебя-то... а ты теперь можешь только «вдохновлять»!

– Я и буду. Я буду их вдохновлять. И вас тоже, – кивнула она неприметным зрителям-актёрам. – И даже тебя. Я теперь весь канал буду вдохновлять, – и, отделяя слово от слова, добавила: – Своим личным примером.

– Ой, – сказал огромный, толстый Сурен Седракович, а актёры бросили изображать бессловесные кресла и шкафы, невидимые веники и швабры и забили в ладоши. – Но заплатить я ж тебе не смогу – ни копейки, ни ржавого грошика...

– Мне платит Фонд. Много. Очень много, – она сделала чуть заметную паузу. – Но, Сурен Седракович, тебе б, наверное...

– Потом скажешь – сколько, – сразу всё понял очень большой босс. – Я давно хотел пожертвовать Фонду Высокого Искусства. Именно столько, именно «очень много», – и он с истинно-армянским хитрым добродушием осведомился: – Кто придумал? Тимофей? Иветта?

В своём «нигде» Катька приоткрыла форточку, выглянула:

– Ифка бы меня не отпустила, не выпустила бы, – и злорадно усмехнулась: – Стехова.

– Ка-а-ак же она, – почти с наслаждением протянул очень большой босс, – как же она тебя ненавидит... – он оглянулся на улыбающихся актёров, на улыбающихся техников, на улыбающуюся охрану, на улыбающегося «младого гения» – на всю толпу, которая всё прибывала и прибывала, – а мы тебя, девочка, мы тебя – любим!

Он указал на неё двумя руками, и началась куча-мала.

И её «нигде» разлетелось вдребезги!

4. Научная деятельность Блейка

– Всё, приехали!

Блейк сполз с лошади и повалился на землю, но полежать ему не дали:

– Ты б сначала позаботился о бедной животинке. Она тебя восемь часов на хребте своем пёрла!

«И ты без разговоров и уговоров подчиняешься моим приказам! Даже если это будет не приказ, а просьба! Даже если тебе покажется, что это вовсе не приказ, а простое ворчание!...»

Бедная животина меланхолично присматривалась к длинному тонкому кустику местной травы. Метёлку на его конце чуть шевелил ленивый вечерний ветерок. Осеннее солнышко (Гела, конечно, но так похожее на земное Солнце), ласково пригревало, не обжигая – разнеживая. Но пришлось вставать. Пришлось вспоминать мануал: *«Чтобы ухаживать за лошастью после поездки в жаркую погоду, хорошей идеей будет прогуляться с ней, пока лошадь не остынет, затем искупать в теплой воде».*

Блейк взглянул на девчонку: та уже снимала седло и всюсюкала над своей «животинкой»:

– ...мальчик ты мой хорошенький, сейчас мы с тобой чуть-чуть походим, остынем икупаемся. Да-да,купаемся, в этом озерке никаких страшных крокодилов не водится, и водичка – ха-а-ро-о-шая, тё-ё-пленьякая...

Осталось только скопировать её действия, предварительно напомнив себе – ещё, ещё раз напомнив себе: всё с лошастью почему-то делается с левой, именно с левой стороны!

Ноги болели: и от долгого сидения в раскоряченной позе, и натёр он их всюду, где только можно... да и где нельзя – тоже.

От кобылы остро воняло потом, она косила на него карим глазом и чуть пофыркивала. Прикаса́ться к ней было... не то чтобы страшно или неприятно... Прикаса́ться к ней было – *не обычно*. Не камень, не дерево, не ткань, не пластмасса – живое. Большое, переминающееся с ноги на ногу, разгоряченное... Да с ней ещё и говорить приходилось! Тренер предупреждала о важности эмоционального контакта и настаивала: никакой иронии, насмешливости – только доброта, «как с маленькими детьми». Да не было у него маленьких детей – сеструхе недавно исполнилось тринадцать, и никаких добрых чувств он к этой маленькой язве никогда не испытывал!

Что ж приступим:

– Сейчас отдохнём, – выдавил Блейк из себя, дальше пошло легче: – Ты отдохнёшь, и я отдохну. Ты купаешься, и мне придётся. В том озерке, говорят, тёплая вода и нет крокодилов. Представляешь, какое совпадение! Ты после этого попасёшься на вольных травах, а меня заставят чистить картошку. А там и ночь: ты, как приличная лошадь заснёшь, а я, как полный придурок, буду «нести стражу». И так двенадцать дней...

Неделя тренировок давала о себе знать: что делать с лошадиной упряжью он знал, руки затвердели движения, голову включать, дабы вспомнить уставы и наставления, не требовалось – расстегнул пряжки подпруг, опустил подпруги вниз; освободил петлю нагрудника, расстегнул его; перешёл спереди на правую сторону, уложил подпруги и нагрудник на седло; опять перешёл – опять спереди! – на левую сторону, сместил седло по спине лошади чуть-чуть назад, положил левую руку на бок лошади, взял петлю подхвостья правой рукой, снял подхвостье и уложил его на седло. Фу-у-у, получилось! Снял седло. Готово!

Невольно оглянулся на начальницу, она снисходительно улыбнулась в ответ – она уже занималась их тягловой лошастью.

Ну, сюрреализм ведь: лошадка та была впряжена не в воз, не в телегу, не в конку, не в карету, не в дилижанс, в конце концов! – в глайдерную платформу! Ни на что другое Галина Жилина («А ты меня будешь звать Галина Осиповна, и на „Вы“ – понял?». Причём это «Вы» у неё так и прозвучало – с большой буквы. С о-очень большой), ни на что другое, кроме глайдерной платформы, Галька не согласилась: *«Мне плевать на ваши рейты, мучить лошадей – заставлять их тягать средневековые повозки по нетореной саванне, я не дам! Ты понял?!»*

Да понял он, понял. Соглашаться, – соглашаться со всем! – приходилось ему. Хотя вот ему-то было не плевать на рейтинговые очки – на, как их здесь называют, «рейты» – а ровно напротив...

Наутро после своего провала Блейк понял, что надевать шлем ему не хочется. Не хочется ничего – даже просто отметить на форуме. Даже ещё проще – перерегистрироваться: в Даяне на низких уровнях после факта нулевого здоровья аватар терялся безвозвратно. Денег не было, рейтинг нулевой... Ну, пусть не нулевой – начальный, который даже уже не в сто, а девяносто баллов, и что с ним можно было сделать?! Одеться-обуться в нулёвое обмундирование да приобрести нулёвый меч? И начинать всё с нуля?! Так среднее время существования нулёвой одиночки в Даяне – четыре дня. Далее нарываешься на враждебную группу какого-то – да любого! – клана или на стаю мелких хищников, или на хищника покрупней, или напарываешься на аномалию... Да просто не доглядишь и влезешь в жгучку – есть в Даяне трава такая, поганая!... И шагай на повторную регистрацию.

Да, он на первой попытке продержался почти полтора месяца. Но месяц – просидел в безопасности холда, – в библиотеках, в мастерских, на рынке, а потом ушёл в горы. И он был не нулёвым – доспехи второго уровня на 100% защищали от местной враждебной флоры и от некрупной фауны помогали тоже. И детектор аномалий у него тоже имелся, не накрученный, конечно, но трясунчика отметил и о тараканьей плеси предупредил. Да и оружие... терновый арбалет, чёрный меч, кинжал с алмазной насечкой... Когда он добирался до Тихой долины, то отбился и от стайки – в три особи – вулфов, и от мохнатого пардуса... Один из вулфов хватанул-таки его за плечо, да так и не сумел прокусить усиленную кувларом прокладку.

Ну, а уж дальше... против семейки монстров восьмого уровня с кинжалом да с арбалетиком – это смешно.

Но теперь и того нет...

В первую неделю к нему несколько раз подходили люди из разных кланов – скауты наверняка – предлагали помощь, приличную амуницию, стартовый рейт: иди к нам! в обиду не дадим! а там, глядишь – раскрутишься!

Ага, как же... Ради этого он с Земли срывался – чтобы в объятия клановой дисциплины, клановой субординации вляпаться! На Земле всё поделено, все ниши заняты – и тут, на первый взгляд, тоже. Но тут ещё есть и «неизведанные пространства»! Тут есть «проводники», которые в авторитете у всех кланов, которые в состоянии противостоять любым кланам – в одиночку противостоять! А он – программист. Он хороший программист! Он прорвётся. Ему нужен только шанс. Сумел же он достать жезл...

Почти сумел.

С клановой амуницией он бы теперь дошёл. С отрядом клана он бы перебил поганых зверюг и вернулся бы с жезлом. По новой бы его зарядил и вернулся! Ага, и сдал бы в сокровищницу клана. А в награду: вместо «воина» – обыкновенного солдата то есть, стал бы каким-нибудь «младшим ефрейтором». Да хоть «старшим сержантом»! Всё равно – командовал бы им любой офицерик, и ему самому «под его руку» навязали бы десяток оболтусов. А он не любил командовать почти так же, как подчиняться приказам.

Однако существовал ещё один вариант: официалы.

Когда лет десять тому назад только что открытую планету класса «А+» выкупил консорциум «Сообщество «Даяна»», между ним и официальными властями было заключено соглашение: при условии соблюдения базовых прав человека, официальные власти не вмешиваются в жизнь сообщества, а сообщество позволяет и не чинит препятствий официальным властям держать на Гессе свою миссию.

В основном миссионеры были учёными – да и куда ж без них: мутагенность светила исследовать надо? медицину приспособить к местным условиям, к местным вирусам или, там, клещам-паразитам надо? местные полезные ископаемые находить надо? – ведь не каждую ж мелочишку из дальнего космоса тащить – как-никак две недели пути...

Да и просто прогнозы погоды на каждый день – не вечно же по холдам у компов сидеть, вдруг на свежий воздух захочется выползти, живого воздуха вдохнуть, на живую птичку взглянуть, на живой травке поваляться – а там через полчаса зарядит дождь или самум-торнадо нагрянет...

Да и продовольствием тоже занимались они. В рамках программы исследований приспособляемости земной флоры-фауны распахали у каждого холда близлежащую саванну, огородили её, запустили роботов...

С миссионерами даянцы расплачивались в том числе и рейтами. Вот ими-то учёные, в свою очередь, и заманивали на подсобные работы остро-нуждающихся геймеров. И всё было бы совсем просто, но, видно, не обошлось без хитрых игр КОМКОНа. Ну, как же без него-то? У него, вон, даже официальное представительство здесь имелось! Виртуальное пространство Даяны выстраивалось по законам магического средневековья, вот и в реальности Гессы аборигенам запретили пользоваться нормальной техникой XXIV века. Нет, конечно же, совсем обойтись без неё не получалось, но всё штрафовалось... К примеру, если бы Блейк с Галиной... Осиповой... прибыл к месту лагеря на глайдере, то это – долой приличные сапоги в Даяне.

Поначалу научники недоумевали и забавлялись, на Земле тоже хихикали над роликами, где на лошади, судорожно уцепившись за поводья, трусил геймер, а за ним на платформе глайдера в гамаке, под широким зонтом, с книжкой в руках катил какой-нибудь доктор наук. Но потом молодые доктора втянулись и перестали считать конный марш от базы до рабочей точки за мороку, а вот бедные юные (а иногда – и не очень) геймеры... Это ж тебе не в Даяне на летающем монстре пятого уровня сотню миль за сутки пролететь (не поднимая задницы с удобного кресла). Тут всего-то – какие-то несчастные сорок километров, а измотан уже как... как в школе, в последних классах после дня комплексного физкультурного зачёта – и вспомнилось же!

– Эй, геймер! – оборвала его воспоминания девчонка. – Ты молодец, с лошадью всё правильно сделал. Но и себе потёртости тоже не забудь смазать! – она ухмыльнулась. – А то ведь проверю. И... картошку будешь чистить? Или обойдёмся консервами?

– Буду, – упрямо выговорил Блейк. Он пришёл сюда за рейтами. И он их получит. По максимуму. – И дежурить буду.

– Да пожалуйста, – она достала из кармана шоколадку, развернула, откусила... – Тогда тебе не предлагаю. В средние века шоколада не было. Или? – она вопросительно взглянула на Блейка, но он качнув головой, отказался. – И защиту всё равно поставлю, на часах стоять – то есть сидеть, я не собираюсь, мне ваши рейты – до лампочки! Нет-нет, и не рыпайся. Защитный контур к магии отношения не имеет, и к средневековью тоже. Да и всё равно, не доверила я б тебе ею заниматься, напутаешь ещё чего-нибудь, и нас или красноног ночью потопчет, или того хуже – наутро, она нас самих за инвайдеров примет и не выпустит.

– Я не перепутаю. Я программист.

– Геймер, не смейся мои тапочки. И чтоб в час ночи спал по-всякому. Завтра мне реальная помощь нужна будет!

– Я помню.

– Ну и отлично. Ладно, занимайся картошкой, а я дровишек пойду насобираю.

– Я сам.

– Нет. Это приказ. Чисти. Воду возьмёшь из родника. Ключ – во-о-он под тем деревцом бьёт.

– Местную воду?! – не поверил ей Блейк.

– Ты ж её всё равно кипятить будешь? Органики в ней после не останется – проверено.

– Ну-у-у... – протянул Блейк.

– Вот именно, – поставила точку начальница.

Что ж... Блейк достал нож. Девушка взглянула и прыснула.

Да, про рейты за ручную обработку овощей он прочитал, а подходящим инструментом не озаботился. Этот же, охотничий, на фоне корнеплодов смотрелся... Да и пусть себе хихикает! Он заработает рейтов, купит амуницию, купит спикеры и вернется в долину. Переустанавливать идола не понадобится, для сыпухи он приобретёт специальные сапоги с лёгкой гравитационной поддержкой и время на неё не потеряет, не потеряет время на установку— закрепление лестницы. То есть у него будут добавочные десять, а то и почти пятнадцать минут. На этот раз он успеет. Зарядит жезл и вернётся!

И у него будет всё.

Девчонка, словно догадалась о его мыслях, словно невеста на что обиделась – поджала губки, достала пульт и пошла к кустарнику. Глайдерная платформа поползла следом за ней.

Парень набиваться в охранники не стал. Хищники Гессы человека за добычу не считали. Что-то там в несовместимости запахов, что ли? Местное зверьё нападало, только будучи загнанным в угол (восемь случаев за историю наблюдений) или, если предполагалась угроза детёнышам (тринадцать случаев), или, когда какой дурак (шесть случаев) мешался им в брачных играх... Впрочем, в подавляющем большинстве в данном случае это были не дураки, а дуры – пятеро. Так дуры потому что, что с них взять?! Правда, был ещё один вариант – кровь... Если запах человека вызывал у местного зверья что-то вроде отвращения, то запах земной крови – агрессию. Ну так будьте аккуратней – вот и всё.

За дневной конный переход Блейк вымотался, глаза слипались, он даже порезался, но картошку дочистил, принёс воды, насобирал прошлогоднего травяного сухостоя, достал мешочек с огнивом, стукнул кремнем по кресалу... К его некоторому удивлению – сыпанули искры. Он поспешно нагреб горку сена, обложил её сухими веточками травы поглубже, ещё раз ударил кресалом – задымило. Он принялся раздувать... Как-то резко вспыхнуло пламя. Он отпрянул.

Тут, как раз, появилась «Галина Осиповна», на её платформе возвышалась аккуратно порубленная куча хвороста... Конечно, с лазерным резаком легко быть дровосеком!

Он разогнулся и, не торопясь, убрал огниво.

– Ты что ль, костёр – вот этим?! – не сдержалась девушка.

– Да, – небрежно ответил парень.

...А с максимумом по рейтам, в эту ночь Блейк пролетел: он заснул сразу после ужина, прямо у костра, не разувшись, в одежде и, кажется, сидя. А проснулся на своём матрасике, укрытый пледом, и без ботинок. Гела уже давно поднялась над горизонтом. Едва продрал глаза, он сразу столкнулся с насмешливым взглядом начальницы:

– Иди, умывайся, защитничек.

На следующую ночь с дежурством вышло немногим лучше. Минут пятнадцать он продержался... А ведь вроде и устал не так. Всё-таки на этот раз был не монотонный марш,

когда всё на лошади да на лошади, а «научная работа»: километровой марш, остановка, отсечка десятиметрового квадрата, сканирование, забор образцов, упаковка оных на платформу, и опять километровой марш – и всё по новой.

Полчаса на точку. Восемь точек до обеда, обед, пятикилометровый отскок в сторону и возврат параллельным маршрутом: километровой марш, точка, километровой марш, точка...

Точка-точка, два крючочка... Залез на лошадь, слез с лошади, залез на лошадь, слез с лошади... А натертые ноги болят, а отбитая задница болит, но опять: слез с лошади, залез на лошадь... Да сколько ж можно!

Приехал никакой. Только повалился на траву, только ноги вытянул...

– Чего уселся? Неужели тебе совсем своё животное не жалко?! – и тут же совсем другим тоном: – Устал, мальчик мой хорошенький, устал! Ну, ничего, сейчас мы искупаемся...

Пришлось подниматься и заниматься «своим животным». Она хоть поняла, что сказала?...

А потом ещё и ужин... Когда он достал тесак, научница смилостивилась, поковырялась в вещах и достала нормальный столовый ножик:

– Держи, – подошла к нему. – Специальный, для чистки картофеля, не предлагаю – за него штраф: так как средневековье картофеля не было, то и таких ножей не было тоже... Кстати, то, что ты «приготовил» вчера, есть было невозможно. Так что либо ты учишься, либо ешь своё варево сам.

«Отказ напарника» – минус 80% баллов, начисляемых за „ведение хозяйства в полевых условиях“ – всплыло в голове у Блейка, – да и есть ту гадость в одиночку?!»

– У меня нет компа, – «наличие компьютера – минус 90% баллов за поход», – мне негде взять рецептуру. Не подумал я.

– Не ты первый, – неожиданно без злобного ехидства улыбнулась девушка. – Держи.

Она протянула ему книжку. Толстенная, небольшого формата, с плотной обложкой на застежках. Мелкий шрифт, невесомые листики. Вот уж точно – «карманное издание».

«Как без чайника приготовить чай, а ещё и прочие руководства для чайников», – прочитал он.

– За десять лет достали вы нас уже своими полусырыми овощами, – хмыкнула она. – Приготовишь сегодня съедобное – завтра разрешу взять арбалет. Поохотишься. Или я поохочусь.

– Я.

– А ты когда-нибудь хоть что-нибудь живое убивал? Сможешь?

– Смогу.

– Ну-ну, посмотрим. Это ж тебе не дисплейный фонтан крови на Даяне. Здесь ты птичку стрелой ранишь, она будет лежать и плакать, а тебе надо её в руки взять и свернуть шею.

– Я смогу.

– Завтра посмотрим, – с сомнением проворчала опытная сворачивательница шей. – Нашатырь у меня в комплекте есть.

«Столовый нож, „руководство“, нашатырь... Интересно, что ещё входит в комплект по уходу за геймерами?»

«Я не геймер – программист», – попытался он поспорить с собой.

«Не смеди мою мышку», – хихикнул бывалый программист.

«Плевать, – огрызнулся неопытный в ведении домашнего хозяйства геймер и замотал головой. – Всё! Задача: приготовить съедобный ужин. Ингредиенты есть, инструкция есть».

«Правильно, чем отличаются программисты от геймеров? – программисты читают, что написано на экране. Итак, читаем... Ни хрена ж себе: «...и запомни, чайник, все продукты закладываются только в кипятилок». К лошади – только слева, продукты – только в кипятилок...

«А у вас? „Компьютеры понимают любой язык, но программный код вводится по-английски. Запомни, чайник: по-английски!..“»

Галина Осиповна не особо наблюдала за борьбой чайника с чайниками – с котелками, то есть. Своих дел хватало. Собранное за день надо было рассортировать, переложить в контейнеры и не абы как, а строго определённым образом; составить паспорт каждой точки сбора, и всё – руками, руками. Ни голосовому вводу, ни клавиатурному её собственный начальник не верил. Он, начальник, полагал, что доверять можно только тому, что написано карандашом.

(«При первых полетах в космос американцам пришлось придумывать специальные технологии: тогдашние шариковые авторучки в невесомости не писали. Русские этой проблемы даже не заметили – карандаши отлично пишут и в дождь, и в пустыни; и в жару, и на Оймяконе; и в болоте, и на орбите»).

Хорошо хоть на гусяном пере он не настаивал, вот бы – пока очинишь, пока макнёшь...

(«Куда вам спешить-то? А так вы за время укладки пять раз на образцы глазками посмотрите, ручками потрогаете, и будет гарантия, что ничего не напутаете... Да и я буду знать, что это делали вы сами, а не свалили работу, требующую скрупулезной аккуратности, на этих психов из Даяны!»)

«Кстати, а конкретно этот псих, так и ничего – и фигурка есть, и личико... И лицо – своё, не пластилиновое. Сутулый, конечно, бледный да дёрганный – ну, так геймеры все такие... Интересно, ему сколько рейтев надо? На минимум, чуть больший начального, или на что посерьезней? Если он управится в пару недель – то разве что чуть загореть успеет, да к лошади немного привыкнуть, а вот если...», – дальше Галина Осиповна не стала додумывать: у неё всё равно по окончанию этого выезда отпуск. А то, что прошлой ночью она с него, так и не проснувшегося, обувь снимала и пледом укрывала – ну, не зверь же она, чего парню зря мучиться.

Суп, приготовленный по книжке, оказался съедобным.

«И ничего странного: делай всё правильно, получишь правильный результат. А вот то, что вкус своеобразный... Вот это всё-таки непонятно: почему все готовят по одному рецепту, а вкус супчика у каждого „повара“ получается свой?»

Но с чаем она рисковать не стала. До заглавной статьи в книге «программист» то ли не дошел, то ли решил, что уж это-то он и так знает, что главное во всём том: «Евреи, не жалейте заварки!»

Улыбнулась на парня: как он смотрел на её чайный набор! Доктор Джугэ в одной из экспедиций наткнулся на белую глину и увлёкся керамикой... Делает всё сам: и лепит посуду, и расписывает её, и обжигает... И продаёт. Или дарит – некоторым.

А заварила она себе одну тутошнюю травку, цветы у неё похожи на ромашку, но крупнее, жёстче – в общем, действительно мужские какие-то. Привилось название «ромашик».

Если из настоя его верхних листьев сделать вечернюю маску, то снятся такие яркие сны... Привыкания не даёт, сил не отбирает, скорее наоборот – наутро прекрасное настроение... У отвара, правда, эффект нестабилен, зато в ход можно пустить всё – и нижние листья, и цветы, и даже нетолстые веточки. А уж вкус получается, а уж запах, цвет... Особенно при свете костра и чужих звёзд.

Цены на него последние годы на Земле стали просто космическими. Жаль, что встречаются эти цветы редко и небольшими, очень небольшими группками. На её личной карте – были отмечены только четыре семейки. Теперь пять.

Перед тем, как пойти спать в свой раскладной домик на глайдере, она потребовала от парня разуться. Он зыркнул на неё, сжал зубы, смолчал, разулся. Хотел опять что-то высказать и опять смолчал.

Но всё равно, в удовольствии самолично разбудить мальчишку полпервого ночи и прогнать с «поста» в постель, Галонька себе не отказала.

Назавтра никому сворачивать шею от Блейка не потребовалось: не попал он ни в кого. По счастью, повезло. Вполне хватило того, что он своими глазами увидел весь процесс превращения стайки глупых бегающих птиц в шкворчащий шашлык. Шок был такой, что парень без труда выдержал все три часа ночного дежурства. Он, может, и до утра досидел бы, да только полвторого ночи Галина Осиповна подошла и силком влила в него кружку отвара какого-то местного сорняка:

– Пять часов прошло, должно бы уже настояться, – пробормотала она, позёвывая. – Пей и не зли меня. А то спеленаю и на глайдере отправлю в холд.

– Не справишься, – попробовал пошутить он.

– Геймер, не смей меня, – не рассмеялась и она. – Чёрный пояс для экспедитора – вступительный минимум. А у вас, там, даже школьный зачёт по физкультуре – и тот не у всех. Тебе нужны рейты?! – пей!

Рейтинговые очки ему были нужны. Да и... Девушка едва ли не на голову была выше его, а разворот плеч... а ноги... Блейк видел, как она по ходу их марша время от времени бросала поводья, управляясь лишь... этими, как их?... шенкелями! («внутренняя поверхность ног от пятки до колена» – кто не знает). Так что, человека ей удавить...

Запах у варева оказался приемлемым, вкус – горьковатым, а уж действие... Кажется, обувь с него опять пришлось снимать начальнице.

На следующий день охоту девчонка не устраивала: «Программу надо выполнять, а из-за тебя...»

Из-за него.

Потому что подняли его утром поздно и учинили над ним полный мед-тест.

– Да я уже в порядке, – попытался оправдаться он, но оказалось, что дело не в его нежных геймерских нервах.

– Ты первый раз попробовал местную пищу – надо посмотреть: нет ли аллергических реакций.

– А не поздно?

– Ну, ты ж жив – значит, ещё не поздно, – хихикнула Галина Осиповна.

– А серьёзно?

Блейк посмотрел на научницу и с некоторым ужасом прислушался к себе... В низу живота что-то покалывало...

– А если серьёзно, то в стрессовом состоянии организм принимает чужую органику легче, отвар лапотника противопоказаний ещё никому не давал, туб с анти-аллергеном был у меня при себе, часик ночью я над тобой посидела, а на базе дежурный врач находился в готовности №2.

– №2? Как это?

– Да как ты, только с точностью до наоборот – теперь уж откровенно засмеялась Галка: – Ты спал одетым, но без ботинок, а он – без ботинок, но одетым. И не щупай ты себе пузо! – это не разгорающаяся гангрена, а переполненный мочевой пузырь! Всё! Полчаса тебе на умывание и... и прочее, потом медицина, и если всё нормально, то ты на завтрак съедаешь крылышко крякши. И это приказ! Либо/либо. Либо ты завтракаешь со мной моей добычей, либо – чем угодно, но один, и по дороге к холду! Выполняй!

Он исполнил.

А свою первую добычу Блейк съел на пятый день. Болт арбалета задел мышоида – представьте мышца с толстого зайца размером и с такими же толстыми ушами – болт задел его по касательной, перебив заднюю лапу. Зверёк, очумело визжа, заскакал по кругу, за ним поскакал и Блейк. Сверху, с лошади, надо всем этим потешалась девчонка. Блейк пару раз прыгнул, – промахнулся, и пришлось опять вскакивать, прыгать опять, опять! Галка уже слёзы вытирала от хохота, мыш, по-прежнему, верещал так, что ушам больно было, парень озверел, ещё раз прыгнул, накрыл, наконец, зверька, всадил ему в тушку нож, визг прекратился. Тут же сразу рядом оказалась девица:

– Отруби голову, она не нужна. Быстро!

Он выполнил.

– А теперь освежуй!

Соответствующие страницы в «Руководстве» прочитать она его уже заставляла, а накануне и продемонстрировала живую... «живую», мда... как это делается. Натренированный на птичках, он тот показ даже выдержал.

– А зачем голову-то отрезать надо было? Её ж в последнюю очередь...

– Ишь ты... соображает даже. Начинай!

И он сделал первые надрезы... Но когда закончил, ноги уже едва держали. Начальница опять заставила выпить какую-то местную отраву. Потом заставила взгромоздиться на лошадь. И погнала рысью. Пришлось сосредоточиться. Когда подъехали, парень более-менее уже очухался.

– Молодец, – сказала ему девушка. – Теперь обиходь лошадей, а я займусь ужином.

Однако, когда у него уже перестали трястись руки, когда блаженная сытость уже засочилась у него изо всех пор, когда уже и костёр тихо-тихо догорал, а веки уже начинали тяжелесть, она ему сказала:

– А ещё раз наставишь в мою сторону арбалет... Будем питаться консервами.

– Да я случайно, в суете...

– Хорошо. Уточнение принимается: ещё раз случайно или в суете наставишь в мою сторону арбалет – больше никаких охот не будет!

– Не зарекайся. А вдруг через ослабленную защиту, когда мы на охоте, прорвется какой-нибудь... ну хоть местная гиена?

– Да хоть местная пантера! Повторяю: твой стрелковый сектор сто восемьдесят градусов от меня! Слышишь, чайник?! – от меня! И ни градусом больше! А ещё раз услышу от тебя «ты» – отправлю в холд тут же! Понял?!

– Понял.

– Не поняла?! – вызверилась она на него.

– Понял, Галина Осиповна.

– Иними ботинки! При мне! Защитничек...

Пришлось сесть и разуться.

Максимум, что он себе позволил – это демонстративно стряхнуть с обуви пыль.

Она смолчала. Она отвернулась и пошла...

«Ух, как ей не хватает твёрдого пола и двери. Вот каблучками бы простукала, вот дверь бы саданула!»

К концу двенадцатого дня, он настрелял пару дюжин крякш. А что? Двадцать рейтов за каждую, в сумме – длинные кевларовые перчатки в Даяне. А ведь в плюсе ещё и: «ведение хозяйства экспедиции», и ещё в плюсе: полноценный «ассистентаж» – вот же эти научники словечко придумали! Да и пять-шесть часов «дежурств» должно было всё-таки накопиться... По всем прикидкам обмундирование себе Блейк восстановил. Но на вооружение

ещё не хватало, и совсем не хватало на оборудование. Так что он собирался передохнуть пару дней, а потом опять уйти в какую-нибудь «экспедицию». А потом в ещё одну, а потом – и в ещё одну! Но Галина Осиповна...

– Зачем тебе столько? – спросила она.

– У меня в Даяне своя экспедиция, – ответил он. – Нужна специальная оснастка.

– Экспедиция? Длинная? – спросила она.

– Да тоже на пару недель, – ответил он.

– Пара недель... – раздумчиво проговорила она. – И сколько ж тебе не хватает?

Он ответил.

– Я тебе дам. Всё равно, у меня их накопилось здесь уже немерено.

– Но за что?! – поразился он.

– За твой супчик, – хмыкнула она. – Понравился он мне. Впрочем, если не хочешь...

– Я хочу, – он поднял на неё глаза. – Я очень хочу.

– Вот и бери, – буркнула она и пришпорила коня.

5. Сплетение роз

Незадолго до рождественских каникул Анна Александровна выдернула мужа из экспедиции. На его: «Милая, а у меня съёмочный день», ответила: «Милый, а мне плевать», – и отключилась.

Вызов застал его на площадке. К кому главный режиссёр мог прилюдно обращаться с такой интимной безымянностью, было ясно всем, так что пришлось вытерпеть и понятливые улыбки одних, и раздражённые взгляды других, и абсолютную – ну, абсолютно абсолютную, вот стерва, умеет же... и ведь абсолютно непонятно как! – пришлось вытерпеть и абсолютную якобы безучастность неназываемой третьей.

А вот вмешиваться не посмел никто. Промолчал даже исполнительный директор, недреманное око Ифки и Крокодила. Полгода назад не преминул бы высказаться, а теперь смолчал. Приятно всё-таки быть официально признанным гением и иметь право на свои вздорные гениальные капризы. Даже на такой простенький: уступить капризу вздорной жены.

Анна Александровна ждала его в «Подземелье» – в гостинном комплексе «Под Землёй» на Луне. Цены в нём были... вызывающими оторопь и желание немедленно упасть в обморок, но Фонд Высокого Искусства считал посещения своими Стипендиатами любого заведения – рекламой этому заведению и требовал для них скидок. Существенных скидок. Очень существенных. Можно сказать: вызывающих оторопь. С Фондом можно бы и поспорить, но как спорить с КОМКОНОм, стоящим за ним? Конечно, была возможность обратиться в Профсоюз, в суд, наконец. Была вероятность даже выиграть дело. Одно. Два. Три. Но это же русская рулетка – первый же проигрыш, даже будь он каким-нибудь сорок третьим! а он будет! – станет смертельным.

Но Стипендиатов не бывает больше дюжины дюжин, не более ста сорока четырех человек, которые... Которые, надо признать, больше работают, чем шляются по дорогим кабакам. Да и статусную рекламу они действительно, приносят – да пару слов в новостях официального канала хотя бы! И это ж обязательный минимум. А то ведь иногда бывает и больше, иногда бывает и сюжетик...

Анна Александровна с удовольствием воспользовалась вновь обретенным статусом. Конечно, срываться из своего лунного пояса – стресс для организма, срываться со своей планеты – тем более, но длительное существование организма без стресса – организму тоже не на пользу. А длительное существование без мужа – стресс ещё больший. Особенно, когда рядом с его организмом постоянно ошивается ещё один источник стрессов... Ещё одна...

Секс при лунном притяжении под прозрачной крышей, под одуряющее полноземье, снимает любые напряжения... А как смотрится женская кожа в свете полной Земли можно понять только видя мужские глаза, любующиеся ею... Одураче она смотрится!

Вечером они долго сидели в ресторане, танцевали... Метрдотель попросил разрешения и сообщил об их присутствии залу. Анну начали приглашать мужчины, вокруг Валерия Геннадьевича закружились дамы... Лунное тяготение мешалось с земным вином, баловалось с платьями, баловалось с их обладательницами. Тела были легкими и непослушными, в крови посверкивали искорки от недавней близости...

Но потихоньку чужие люди рассеялись, и они в своем уголке остались одни.

– Спасибо, – сказал муж, – и извини меня.

– Если женщина неправа, попроси у неё прощение? – насторожилась жена.

– Нет, – покачал он головой. – Я за эти четыре месяца загонял всех. Давно пора было сделать паузу. За неделю ребята хоть разгребут завалы.

– Неделю? Ты даришь мне неделю?!

– Помнишь «Тёмный мёд»? Помнишь скандал, который ты мне закатила? Все думали, что ты едва не сорвала мне работу, а вышло...

– Вышло, что тебе всё-таки пришлось сменить актрису.

– У леди Джейн не могло быть того внутреннего ужаса...

– Леди Джейн не могла быть таким явным клоном твоей Катьки!

– И это тоже, – взял он руку жены и поцеловал её ноготочки. – И это тоже.

«Есть такой виноград – дамские пальчики», – привычно подумалось ему.

«Есть такой виноград – дамские пальчики», – вспомнила его привычное присловье она.

Она любила, когда он целовал её ладони, пальцы, ноготки. Как-то, в каком-то интервью Катерина Одоевцева наотрез отказалась от роли прообраза леди Джейн в сцене у фонтана: «Валерка никогда не целовал мне руки. Никогда! Я ему не позволяла». Дура!

– Причём тут «Тёмный мёд»?

– С того скандала я начал учиться доверять твоим интуиционным взрывам.

– Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что ты напомнила мне...

– И кого я тебе напомнила? – рассердиться не получилось, получилось промурлыкать.

– Ты напомнила мне, как я люблю тебя, – здоровенным таким котом промурлыкал и он.

Она бы и ещё помурлыкала, но нехотя отняла руки и проворчала:

– Нас снимают.

– Да пусть, – попробовал настоять на своем он.

– Ты же знаешь, я не могу не видеть камеру, – откинулась она.

Он знал. Его жена ломала любой кадр. Она выламывалась из него прямо к зрителям, прямо в их квартиру, прямо на соседний стул.

– Кто?

– Да вон... К нему уже идут.

– Который сбегает?

– Да. Слушай, пусть он убежит, а? Я не замечала его не менее четверти минуты...

– Подарок?

– Подарок, – приняла она.

Валерий Геннадьевич встал, поднял руку:

– Мальчики, можно вас?

«Мальчики» косо глянули на клиента и не остановились.

– Мальчики!

Вы знаете, что такое съёмочная площадка? Вы знаете, какого это – управлять «гениями»? Эти бывшие спортсмены «гениями» не были. Они были профессионалами. Они переглянулись, двое затормозили и повернулись к истинному гению, а двое ещё более ускорились.

– И вы тоже! – прогремело по залу.

И они встали.

Потом была немая сцена, потом появился метрдотель зала, потом и директор этажа. Потом была злобная речь знаменитой телеведущей. Потом администрация позорно удалась. Потом телезвезду сообщали успокаивали несколько мужчин. Потом...

У номера их ждал ведущий менеджер смены отеля. Он, хитро поблёскивая глазками, лично принёс извинения за инцидент и за то, что эти болваны не передали алёрт по папарацци на выход, где того непременно бы перехватили. А то, что они сами были остановлены возмущённым мужем оскорбленной жены, нисколько их не извиняет. В возмещение морального ущерба администрация готова снять плату за сегодняшние услуги уважаемым клиентам и выражает уверенность, что четырнадцатисекундный ролик целующихся супругов никак не может повредить их репутации.

– «Уверенность»? – приподняла бровь теледива. – В моём бизнесе?

– Надежду! – сразу поправился ушлый администратор. – Позвольте выразить надежду. Мы глубоко скорбим о нарушенном отдыхе знаменитой пары. Мы даже не будем просить умолчать в предстоящих интервью о месте скандала, как бы то ни вредило репутации отеля... И последнее... Разрешите в ознаменование исчерпанности конфликта... – откуда взялся официант с пузатым чемоданчиком никто из супругов не понял, – из наших погребов... восемьдесят лет выдержки... – щёлкнул замок, поднялась крышка. – Мы даже не стали её вытирать...

– О-о-о! – улыбнулась женщина. – Какое сокровище!

На тёмном бархате – как драгоценное ожерелье! – лежала покрытая пылью и паутиной тёмная бутылка.

– Представляете, – проговорил официант, – мне пришлось согнать с неё трёх пауков.

– О-о-о! – ещё раз улыбнулась женщина. – Какой вы смелый.

Теперь улыбнулись все четверо.

– Вот пройдоха! – в номере Валерий Геннадьевич продолжал улыбаться, – А интервью, с «не умолчанием о месте», будешь давать сама.

– Он решил, что мы сами всё подстроили?

– Мы сами, наш канал, Фонд, КОМКОН... Мало ли.

– То есть ты тоже думаешь?..

– Не всё ли равно! – отмахнулся Валерий Геннадьевич. Он аккуратно положил чемоданчик на столик, раскрыл, потянулся к бутылке...

– Не надо, – остановила его Анна Александровна, – давай дождёмся дочери.

Валерий Геннадьевич оглянулся, внимательно посмотрел на жену – она сидела в кресле и смотрела на него. Он закрыл чемоданчик, выключил верхний свет. И за потолком проявилась огромная Земля. Маревое полнолуние вызывает к средневековью – к инстинктам и колдовству, маревое полноземье – к Космосу, к Галактике, ко вселенной. Полнолуние – настораживает, заводит и словно бы давит, полноземье – словно бы от чего-то освобождает, словно что-то распахивает, лучи родной планеты переполняли воздух чужеземного отеля, как туман – подлинники Клода Моне!

Мужчина, аккуратно ступая по липучему ковру (ногу надо ставить плашмя – «лунная походка», знаете ли) – подошёл к жене, сел на соседнее кресло, протянул ей руку.

– Что?

– Не забывай про нас, – тихо попросила она, потершись об неё щекой.

– Никогда, – тихо отозвался он.

– Мы едва не опоздали с сыном...

– Не думаю.

– Да ты знаешь, что...

– Знаю. Ты прекрасно всё устроила. Как я и предполагал.

– Стоп! Ты что – всё знал?!

– Да. Леночка – умная девочка. Она сразу позвонила мне. Мы поговорили и решили, что у тебя получится лучше – и с выбором альтернативной кандидатуры, и с её подготовкой. Ты же профи. Я только подкинул идею о «просьбе».

– Ты? И она меня?!..

– Она – тоже профи. Всё-таки так вести класс... В нашем-то районе! Серёжа не стал в нём принцем, не стал и парией... И что вслед за той куклой никто больше из девчонок не побежал делать вызывающую пластику – тоже её заслуга.

– Вот же негодяйка! Она использовала меня! – не хотела успокаиваться женщина.

– Да. Ну и что? – он развернул ладонь и погладил жену по щеке, – Это пошло во вред тебе? Детям? Даже та кукла получила, что хотела. Даже канал. «Девочка из нашего района»... Помнится, плюс полторы десятых процента?

– Стерва, – напор начал уходить из её голоса.

– Сэр Андрэ предложил ей сменить школу – в восьмой учительница уходит на днях в декрет – отказалась наотрез и не раздумывая. Отказалась. В «восьмёрку»! Она хорошая. Не злись.

– Злюсь и буду! – заупрямилась мастер-шоу. Впрочем, особой злобы уже не слышалось, и через паузу она добавила: – Ладно уж, оставлю без последствий.

– А с последствиями смогла бы? – улыбнулся Валерий.

– Запросто. Сэр Андрэ, он... – улыбнулась и она.

– А наоборот?

Анна задумалась...

– Ты знаешь, можно и наоборот. У этого сэра до сих пор только один ребенок, а у твоей Леночки ни одного... Конечно, у обоих ещё не критично, но...

– Но это декретный отпуск... Она тогда не доведёт класс.

– Учителям разрешается сокращать. Резко сокращать. Считается, что школьникам, особенно старших классов, полезно общаться с беременными учительницами, особенно на поздних сроках, и с кормящими матерями.

– Полезно?! – удивился мужчина.

– Педагогически, – улыбнулась женщина. – Педагогически. *«Забота о выживаемости вида – главный приоритет официальных властей»*, – процитировала она «Пункт Первый».

– И что?

– То, что роды пока ещё можно подгадать к следующим зимним каникулам, её не будет совсем недолго, руководство классом у неё не отнимут.

– И как же ты это будешь подгадывать-то?

– Я?! Причём здесь я – она считать будет, она.

– Ну, она, я так думаю, отложила бы до *летних* каникул.

– С Андрэ? Что-то откладывать?!

– Ты им и займёшься, – улыбнулся муж.

– Нет, – улыбнулась жена, – не я. Но я знаю – кто. Помнишь его Элен?

– Мать его первого ребенка... И если она захочет попросить у него второго, начнётся небольшая суета... – Валерий Геннадьевич покачал головой. – Она не захочет.

– И не захочет немножечко попугать этим высокочтимого сэра Андрэ, не захочет создать ему «небольшую суету»?

Валерий Геннадьевич вздохнул:

– Только при гарантии, что он... что высокочтимый не поддастся на провокацию. Сто-процентной гарантии.

– Покажешь ей её русскую тёзку – твою «Леночку». Она посмотрит на эту маленькую стерву и согласится. С удовольствием согласится. У Элен есть, что про него вспомнить, и что ему припомнить – есть тоже!

– Зря ты так. Ну, какая из Леночки стерва?

– Всё! Больше о ней ни слова! Ты всё время меня сбиваешь!

– Я?!

– Да. Ты ни разу не спросил меня, зачем я тебя позвала. А я позвала тебя поговорить о дочери! Татьяна... Я хотела предупредить тебя.

– ...И позвольте вам напомнить: всё происходящее в структурах КОМКОНа – секретно. Всё. Начиная от тем ваших лекций или методик тренировок, кончая рационом в столовой.

Кончая цветом тамошних скатертей! – Вера Игоревна остановилась и оглядела строй: курсанты не шевелились, никто не улыбнулся. – Поясню классикой. Во время второй мировой войны англичанам в плен попало несколько немецких летчиков. Англичанам требовалось добиться информации о неких военных тайнах. Немцы стояли насмерть. Тогда в промежутках меж тяжёлыми допросами одних из них стали расспрашивать о разных, абсолютно не секретных мелочах: о занавесках в спальнях, о том, что курит командир, о кличках официанток. И все эти сведения вываливали последнему: да мы и так всё знаем, да у нас там свой человек, да просто от нас командование ещё один, независимый источник информации требует. Мы ж тебе, дураку, смягчающие обстоятельству к суду подкидываем. Он сдался, – майор ещё раз оглядела строй, Татьяне вдруг привиделись на ней чёрная форма, высокие сапоги, молнии в петлицах, а в руках стек... Девчонка прикусила губу и отогнала бредовое видение.

– Итак, ничего никому. Впрочем, данную фразу озвучивать традиционно разрешается. И всё, и больше ничего! Можете уточнить дотошным: никаким друзьям-подружкам; ни папе с мамой; ни дорогому дядюшке, ни любимой тётушке; ни братьям, ни сёстрам, – она остановилась перед Давыдом, лениво улыбнулась. – А для особо хитрых: кузен Георгий может не относиться к друзьям, но к братьям, хоть он и троюродный, относится однозначно.

На лице Давыда не отразилось ничего. Глаза по-прежнему смотрели строго перед собой, тонкие губы были по-прежнему плотно сомкнуты, руки прижаты к бокам, грудь – колесом.

Грудь – колесом, в плечах – сажень, в глазах – двадцать вёдер карих искр!

– Откомментируй! – потребовала начальница.

– Георгий – не друг, а мой брат. Троюродный, – разочарование прослушивалось отчётливо.

«Как она его!» – подумала рыжая Мария.

«Как она его...» – подумали почти все.

«Как он её! – подумала Татьяна. – И ведь вот так, капля за каплей...» – и, неожиданно для себя, чуть скривила губы.

– Стехова! – капитан не прохаживался вдоль строя, он сидел перед мониторами.

– Я!

– Плюс двадцать баллов в следующий семестр за анализ текущей ситуации.

– Есть двадцать баллов!

– Стехова! – майор на неё даже не взглянула. Она по-прежнему, словно бы пересчитывала шальные искорки, и те гасли – одна за другой.

– Я!

– Минус пятьдесят баллов в следующий семестр. Откомментируй.

– Дура я, – тихо откомментировала Таня.

– Стехова! – улыбнулся капитан.

– Я!

– Плюс тридцать баллов за адекватность.

– Есть тридцать баллов.

– Стехова.

– Я.

– Минус пять баллов за несдержанность. Откомментируй.

– Да я сама не знаю, с чего это я не сдержала улыбку.

– Стехова!

– Я, – растерянно отозвалась Стехова, а строй судорожно нахмурил брови и сжал зубы.

– Задание на каникулы: понять, с чего это ты – не сдержала улыбку.

Строй сквозь зубы дружно выдохнул.

– Стехова!

– Есть! Задание на анализ принято! – опомнилась Татьяна.

– Значит, с самыми хитрыми да мудрыми покончили, перейдем к самой простодушной. Настя, – майор отвернулась от потухшего Давыда и пошла к скучающей в строю Анастасии, – специально для тебя: отныне и до окончания обучения, все случайно встреченные мальчишки, даже те, которым ты ещё не улыбнулась, даже те, которые с тобой ещё не обмолвилась и единым словечком, повторю: отныне и навсегда! – все они для тебя обозначаются термином «друзья». Откомментируй!

– Да не дура ж я... Да и кому я нужна буду, с такой «прической», – пожаловалась Настасья и провела рукой по жёсткому светленькому «армейскому ёжику». И весь строй опять сжал зубы и попытался нахмурить брови...

В самом конце «построения» майор подошла к мониторам, капитан встал, она села. Татьяна заметила, как при этом пальцы их на мгновение соприкоснулись. «Ну и что... – подумала она. – Немного неаккуратны. Тоже вымотались с нами. А он... Что-то тоже скажет?»

– Я хочу предупредить вас, – проговорил Дмитрий Олегович. – С вами очень плотно занимались четыре месяца. Очень плотно. Сейчас вы – как сжатая пружина. Три недели вам на отдых, на то, чтобы вы опомнились и пришли в себя. И постарайтесь при этом не покалечить окружающих. Это тоже тест. И, смею вас уверить – жёсткий тест. Не провалите его.

– Господи, что они с ней сделали!

Родители стояли у ограды покоя встречающих, а через посадочное поле к ним, в зал шла Татьяна. За окном валил снег, и за пару минут успел совсем запорошить её вязаную шапочку.

«Моя, – отрешённо подумала Анна Александровна, – не зря вязала, значит. Пригодилась».

– Ты же сама меня предупреждала. И именно о нечто подобном... – Валерий Геннадьевич сжал её, сразу замерзшую, руку, сглотнул и добавил: – Как раз то, что ты в своём шоу в самом начале почти каждого очередного сезона проделываешь с другими.

– Так то ж с другими, – почти шепотом почти простонала Анна.

– А волосы уберегла...

– Поубиваю нафиг!

– Кого?

– Всех.

– Всё, успокойся. И поддержи дочку. Улыбнись ей. И постарайся не заплакать.

– Я им заплачу! Это они у меня плакать будут! Я им...

– Тсс... Улыбнись! Ну же! Вдохнула, выдохнула и!...

Анна Александровна вдохнула, длинно выдохнула и... и улыбнулась:

– Доченька...

– Здравствуй, дочь!

Четыре месяца назад, та Танюха с шалым визгом бросилась бы в объятия отца, а потом чмокнула бы мать.

– Здравствуйте, – тихо проговорила эта. – Едем домой? Я так устала. Хочу пораньше лечь и, наконец, отоспаться.

– Идём, – протянул дочери руку отец. – У нас тебя Виолетта Несторовна ждёт, мы уходили – она пельмени лепила... Обнимешь бабушку, откушаешь свежатинки и ляжешь.

Мастер-шоу молчала. Она смотрела на каменные глаза дочери и окончательно решила: «Поубиваю! Всех».

Лечь пораньше бедной Тане не удалось: об окно разбился снежок, потом другой... Пришлось одеваться. Тревожить родителей или объясняться с ними не хотелось – она двинулась наверх, к чердаку, к пожарной лестнице.

К её удивлению, внизу ждал брат. К её удивлению за калиткой, за периметром сигнализации среди их привычной банды, брата ждала девушка. Пришлось ей улыбнуться. К её удивлению девчонка поморщилась.

«У-у-у, какие мы гордые!»

Впрочем, такими гордыми были не все.

– Ну что, Таньха! Ты теперь супер-герла, да? – Слон лыбился во все свои тридцать два зуба и лучился всеми своими девянсто двумя килограммами. Вот он-то за эти четыре месяца не изменился ни на капельку, – Слушай, покажи приёмчик! Помнишь, ты обещала как-нибудь макнуть меня?!

И он махнул в её сторону рукой. Кажется, он намеривался сбить с неё шапку.

«Обещала!» – промелькнула мысль, а дальше тело всё делало само.

«Человек – это по сути система рычагов. Точка опоры у вас будет всегда, да и мир вам переворачивать не потребуется: противник весит меньше, а потому – делай раз!..»

Но в них вдалбливали не только, как переворачивать чужие тела – там были ещё и «два!», и «три!»

– Птаха! Стой, Птаха!

Она очнулась. Серый навалился на неё и пытался удержать руки, под ней валялся и визжал Слон, его лицо было разбито, а её кулаки – все в крови.

«Визжит, значит, живой», – просквозила по краю сознания мысль.

– Птаха, ты что?!

– Ребята... Ребята... Я не могу... Мне нельзя... Отпусти меня!

Серый разжал руки и проворно откатился в сторону.

«Как от гадюки».

Это стало последней каплей. Татьяна разревелась, вскочила и, не оборачиваясь, побежала домой.

Она заперлась в своей спальне, но отец воспользовался правами хозяина дома и вошёл. А следом за ним – и бабушка. Многие из её друзей-подруг именно поэтому в своих комнатах поставили простые механические задвижки – чтоб никакой автоматики, чтоб ни у кого не было никаких «особых» прав! Ей, за всё её шалое детство, ничего подобного ни разу не потребовалось.

Отец сел на кровать, баба Лета подошла к окну.

– Всё-таки поражаюсь я на твоего отца: отдать тебе эту комнату! Ты не художник, зачем тебе такая панорама? Это ему б вот так смотреть на город... Анна ж и на дом-то этот согласилась, чтоб Валера сделал себе здесь кабинет...

– Не отвечай, – тихо попросил отец, – просто Виолетта Несторовна расстроена сильно. Она сейчас этого бугая отмывала, замазывала, заклеивала...

– Как он?

– Невосстановимых повреждений нет. Нос разбит – но не сломан, губы всмятку – зубы целы... Знатный фингал под глазом – глаза не повреждены. Всё нормально.

– Это не «нормально». Это у меня сил мало. Я до сих пор с трудом прохожу тесты на «физику».

– Чтобы выковырять глазик, сил много не надо, – буркнула спортивный врач, – достаточно точности и резкости. Ты контролировала себя.

– Нет! Я себя не помнила!

– Да! Но «помнить» и «контролировать» – это не синонимы, это разные термины, которые о разных понятиях, – она оторвалась, наконец, от вида заснеженного, сияющего города –

он с этого холма виден был на километры, и подошла к кровати. – Беда в другом, внучка. И я никак не могу понять – в чём...

– Я чуть не покалечила друга – и это не беда?!

– Таня, опомнись, он тебе – *не* друг, ты его *не* покалечила, а про твои истерики в вашей банде и раньше легенды ходили. Сергей так и сказал: «Слон – придурок, вот дочка ваша снова с катушек и съехала». Слышишь: «снова»!

– Наследственное оно у вас, – нехотя проговорила Виолетта Нестеровна. – У тебя, у матери твоей, у твоей тётки – от деда оно. Говорила ж мне мамочка: ты это, дура, от кого рожать собралась?!..

– Баба Лета, тебе?!... твоя мама?! – представив непоколебимую бабушку непослушной девчонкой, Татьяна почти улыбнулась. – А ты?!

– А что я... Дурой и была. Любила. Да в такого попробуй не влюбись. Скинь со своего деда полвека и представь, что получится... – представлять Тане не требовалось: видео с молодым дедом в её альбоме было много. – А любовь – это то, от чего рождаются дети. А тогда я перед прабабкой твоей только его справкой от генетического комитета помахала.

«Единственное неопровержимое доказательство взаимности в любви – рождение ребёнка», – сама по себе всплыла в голове растиражированная всеми каналами, повторяемая в сотнях книг фраза.

– Я, кажется, понял, – задумчиво проговорил отец.

– Да? – бабушка с надеждой посмотрела на своего умного зятя.

– Твои, дочь, истерики, как истерики твоей матери – они не из-за вздорного характера, они – свидетельства тупика. Что-то ты делаешь не так. Что-то совсем неправильное.

– Я Академию не брошу, – сразу вся подобралась, сжалась под легким одеялом Татьяна.

– Ух ты, – улыбнулась бабушка: – И шерсть вздыбила, и когти выпустила! Успокойся: мы – за тебя! Слышишь: мы за тебя! От нас обороняться не надо.

Отец ничего говорить не стал, он только погладил взрослую дочь по щеке, а потом улыбнулся:

– Итак, в этом вопросе внутренний конфликт не проглядывает... Нужно на уровень ниже.

– Тоже мне, великий режиссёр, – пробормотала вредная тёща и обратилась к внучке: – Что-то, значит, у тебя там, в твоих академиях... Что?

– А вот тут, верно, тяжело, – вздохнул Валерий Геннадьевич, – традиционно озвучивается фраза: «никому ничего». Так?

– Даже больше, – сочувственно улыбнулась ему дочь. После слов бабушки она расслабилась, ладонь отца грела щёку. «Вот так бы и заснуть», – подумала она. – Для нас, «хитрых да мудрых», специально уточнили даже про троюродного брата.

– «Уточнили»? – насторожился отец. – Прочитировать можешь?

– Да, разрешено, – пробормотала она, глаза у неё закрывались, она и впрямь засыпала, она обеими руками обняла руку отца, и выдала нужную цитату: «Можете уточнить дотошным: никаким друзьям-подружкам; ни папе с мамой; ни дорогому дядюшке, ни любимой тётушке; ни братьям, ни сёстрам. А для особо хитрых: кузен Георгий может не относиться к друзьям, но к братьям, хоть он и троюродный, относится однозначно». Пап, я спать хочу. Не уходи ещё немножечко, а?

– Что ж мне-то такого не досталось? – пожаловалась несчастная бабушка. – Что ж обе мои доченьки в этом в меня-то пошли, а не в своего ласкового психованного папочку?

Она встала и направилась к выходу.

А на следующий день забрала внучку к себе: «Твоим гениальным родителям не до тебя, у них – „сезон“, у них – „экспедиция“, а я тебя хоть борщ научу варить. А то придёт время,

будешь любимого концентратами да химией кормить – он и сбежит. Как твой дед от моей подружки».

– Шашлык, пицца, или эта – не приведи Господи, «суси»! Сырую рыбу на стол ставить! Ну, отведать можно, конечно, но есть её чаще, чем раз в год – нормальному русскому невозможно! И нормальной русской женщине – тоже. Наша пицца – это борщ.

Так, берём кастрюлю. Не кастрюльку, не горшочек, не мисочку – кастрюлю. Не волнуйся, никто тебя за раз всё съесть не заставит. Борщ варится на семью и на несколько дней. Да и он – чем дальше, тем вкуснее.

Мясо, с костями и не жалеть – килограмма полтора, не меньше. Если уж совсем побаловать – надо бы разных сортов, но можно и вот так: говядину ребрышками... В конце концов, мясо в борще не главное. Это ж не солянка. Мясо положили, и готовим корешочки. Морковка, петрушка – да всё, что есть в доме, вот, к примеру, мы имбирь ещё помоем. Нет, резать не надо – мы их всё равно потом уберем. А главное в борще – свекла. Одну, небольшую, и тоже не разрезая...

Закипает... Собирай пенку... Всю, собирай... аккуратней, а то будут потом лохмоты плавать, красоту портить... Умница. Закладывай корешочки, ещё лаврушечки – как же без неё! – и перца. Да штуки четыре горошины брось. И пусть кипит. Убирай жар. Чтоб еле-еле булькало, еле-еле. Всё. На пару часов мы свободны. Садись и рассказывай. Всё рассказывай. Про твой КОМКОН. Всё. И не надо по порядку, вываливай всё что в голову придёт.

– Бабушка!

– Вот именно: «бабушка»! Повтори, что вам – хитрым и мудрым – уточнили. И найди в том перечне меня.

– Бабушка! Это предательство!

– А ты не думаешь, что это – тест? И не на верность, а на сообразительность?

– Бабушка...

– А ты не думаешь, что это не тест, а... калитка. Которую приоткрыли специально для тебя?

– Чтобы я сбежала?

– Чтобы ты – вырвалась.

– Я? Мне? Да та гестаповка!.. Бабушка!.. – Таня обеими руками закрыла себе рот. – Это не ты... Это тебе мамочка...

– А ты никогда не думала, в кого она такая? У кого она этому научилась? Я спортивный врач. Но это по штатному расписанию. А по зарплатной ведомости – я спортивный психолог. Мои спортсмены на планетарный уровень выходили. Я с твоим психом-дедом управлялась и со своими сумасшедшими дочерьми ладила. Так что не надо на мамочку свою уж слишком наваливать. Поняли мы всё с твоим отцом сразу. Втроём обсудили. Анна покрутила ту фразу, повертела – и согласилась с нами. Да, решение рискованное, но твоя истерика... Я с Валерой согласна: это не измотанность, это отчаянье. Ты понимаешь... нет, не то слово... ты осознаёшь! – да, ты осознаёшь, что ведёшь себя неправильно, что надвигается катастрофа. Анна считает, а её компетентность именно в этой части сомнений не должна вызывать, что тебе на автоматической тестировке надо будет держать в уме «уточнение» – и ты прорвёшься, а на собеседовании... Врать наставникам нельзя, конечно. Так что скажешь правду. Но опять не впрямую, а как-то намекнёшь. Как-нибудь – но прямо в лоб! Валерий тут же нарисовал сценку:

Вопрос: Ты следовала указанному уровню секретности?

Ответ: Да, – и широкая улыбка, улыбка до ушей, до затылка, – я следовала сказанному. От первого слога, до последней запятой.

Реплика: Последней ставится точка.

Ответ: Почему, бывает и многоточие.
Тяжёлый взгляд в упор вопрошающего.
Тебе надо будет выдержать. Выдержать взгляд твоей гестаповки.
– Я выдержу, – после долгой паузы сказала Таня.

Они сидели в операторной. Полумрак, в центре помещения – стол, рядом – два компьютерных кресла, а по стенам – экраны, экраны... Но Вера Игоревна не смотрела на них, она смотрела прямо в глаза Дмитрию и неспешно цитировала:

*Коленка – свет, ладони – лодка...
Скользят...
Но я боюсь спугнуть...
И долго-долго притворяюсь,
Что ничего не происходит.*

Ещё чуть-чуть помолчала, а потом резко сменила тон:
– *Убери руку. Немедленно!*
– *Как же я тебя совсем не понимаю, – пробормотал Дмитрий Олегович. Но руку с чужой коленки убрал.*
– *А ещё раз здесь, на работе коснёшься меня – покалечу. Я сделаю это. Ты меня знаешь.*
– *Наконец-то! – засмеялся мужчина.*
– *«Что ж я-то тебя ни капельки не понимаю?!» – почти пробормотала женщина.*
– *Девушка, а девушка, – капитан всё улыбался, – а что вы делаете сегодня после работы?*
– *Вот уж мужская логика!*
– *Ты мне не ответила.*
– *И не отвечу. Ты вывел меня из себя.*
– *Врёшь. Тебя вывела из себя вон та рыжая дурочка, – он указал экран, где под душем с закрытыми глазами стояла Мария.*
– *Нет. Уж если не ты, то вон та белая гадючка, – она указала на экран по соседству, где отмокала Татьяна.*
– *Дай ей собраться с духом.*
– *Некогда уже чего-то собирать. Времени уже – ноль.*
– *Смотри-ка, моя блондиночка тебя услышала.*

Да, Татьяна решилась. Она шла к Марии.

– Интересно, что ж они своей семейкой придумали-то? – не сдержала любопытства майор. – Будет просить – Машка её не послушает, попробует драться – она её уделает.
– Вера Игоревна, что за лексика! – усмехнулся капитан. – Или это ты настолько переживаешь за свою рыжую?

Мария, тоже увидела соперницу. Она отбросила за плечи мокрые, не отмытые от пены шампуня волосы...

– Да уж, только в стойку не встала, – почти рассмеялся мужчина. – А спорим, это моя Танюшка уделает твою гнедую!
– Дмитрий Олегович... – попеняла ему напарница, а сама подумала: «Я бы её к себе не подпустила. Я бы вот сейчас и ударила бы! Вот ещё шаг и...»

Татьяна не сделала этого шага.

– Зачем нам это? – тихо, просяще проговорила она, – Самой отмывать такую гриву – только мучиться! Давай вместе. Давай я тебе помогу, а потом ты мне?

– *Удаляет!* – с азартным восторгом прошептал капитан.

– *Не слушай, глупая!* – с азартным отчаянием прошептала майор.

– Зачем нам играть по их правилам? – продолжила Танюша. – К тому же, ни меня, ни тебя они с этим на плац не выгонят! И у нас будет ещё минут десять на сон... Не знаю, как ты, а я прошлый семестр еле выдержала.

– *Не слушай!..*

– Ну, пожалуйста...

Вздых облегчения Мария сдержать сумела, а снисходительную улыбку – не стала.

– Хорошо, – повернулась она спиной, – начинай.

– *Дура, – успела откомментировать куратор.*

– *Умница, – успел куратор тоже.*

И Татьяна начала.

Подсечка, удар в шею, перехват руками, движение торса, движение ног – и Мария лежит на пластике пола, а Татьяна нависает над ней, передавливая голенью горло соперницы.

– *Молодец девочка. Никаких бросков, никаких вертушек, никаких размахиваний руками-ногами. Минимум вероятностей для лишних травм. Чётко и аккуратно.*

– *И что она думает, что Мария теперь сдастся?*

– *Не-е-е, Стеховы ещё что-то придумали. Но ты мне проиграла.*

– *Я тебе?!*

– *И проиграла – желание, – улыбнулся мужчина.*

– *Что?! – возмущилась женщина. – Ни на какие желания я не соглашалась!*

– *Ты не отказалась. Тсс... слушаем, – он закрыл ладонью ей рот.*

– *«Можно я его покалечу?» – с надеждой спросила она у себя, – Ну хоть укушу?»*

– *Но только мотнула головой. Он убрал руку. Сразу.*

– Ты очнулась, – голос Татьяны был напряжен, но в нём не было ни злобы, ни торжества.

– «Ни злобы, ни торжества. А что?» – подумала Мария. И не смогла ответить.

– Не притворяйся – ты очнулась. И теперь слушай меня, – Татьяна помедлила, словно подыскивая слова.

– «Никаких слов она не ищет. Они у неё давным-давно вызубрены!»

– Первое: я тебе не враг. Слышишь? Я тебе не враг!

Руки у Марии были подвернуты под спину... А если ногой... Но Татьяна тут же чуть надавила голенью...

– «Ага. Доступно... Не враг. Как же!»

– И второе, и третье: я тебе не враг! Понимаешь?! Я тебе ещё раз скажу: я тебе не враг! – и она ещё усилила нажим на горло. – А теперь пятое: ты знаешь разницу между термином «управлять» и «командовать»?! Она та же самая, что между печью торт и есть его! А ты, дура,

завтра на стенке опять командовать попрёшься?! Ты понимаешь, что завтра, когда вы опять грохнетесь, парни просто с наслаждением набьют тебе морду и бросят тебя?!

Она чуть ослабила нажим, и Мария судорожно вздохнула.

– Потерпи, я сейчас встану. Скажу последнее и встану, – и голень опять вжалась в горло. – Но сначала предпоследнее. Вероника с тобой останется в любом случае, а вот Надька переметнётся к нам. Её Стасик уговорит. Да ему-то её, кажется, особенно уговаривать и не понадобится. Так вот теперь последнее: если ты переживёшь завтрашнюю стенку, если ты всё-таки передашь командование Питу, а для верности себе заклеишь рот пластырем, то... Дайте Стасу шанс. Или она сама пусть на танц-классе его выберет, или пусть хоть раз дождётся его выбора! Пусть только даст ему шанс! С этим алфавитным порядком наш Яценко просто не успевает! – Татьяна опять вздохнула, потом ещё, потом решила: – Всё. Я встаю.

– Если твоя кобыла сейчас взбрыкнётся, я её вышвырну.

– Нет, – жёстко улыбнулась Вера Игоревна. – Не успеешь. Её вышвырну я.

Татьяна встала и, не оглядываясь, пошла к своей кабинке, к своему шампуню, к своей мочалке, к своим тапочкам. Дошла. Вода лилась горячая, но ей было холодно. У неё почти стучали зубы. Она закрыла глаза.

– Теперь моя очередь, – услышала она.

Подняла тяжелые веки. Перед ней стояла Мария – голая, рыжая, мокрая и вся в гусиной коже.

– Теперь моя очередь заниматься твоими волосами, – повторила она. – Повернись спиной.

Таня послушно повернулась. Ноги её едва держали.

Через мгновение выяснилось, что ноги не держали не только её. Она еле успела перехватить вдруг ослабшие чужие руки, и они обе опустились на пол. Они даже не плакали. Только вода сверху лилась и лилась и вымывала из их волос остатки шампуня.

– Смотри, – минут через десять улыбнулся капитан, глядя, как девчонки в четыре руки копошились в волосах, – они сейчас начнут выкусывать друг у друга блохи.

Майор не ответила на шутку, её занимало другое:

– Так что же это я тебе проиграла?

– Желание. А я желаю...

– Ну-ну... – она не стала прятать своё напряжение, свою готовность к взрыву.

– Я желаю... – он тоже не стал прятать неуверенность, он почти взмолился: – Я назначаю тебе свидание и желаю, чтобы ты не отказалась.

– Когда? – выдохнула она.

– Прямо сейчас, – выдохнул он.

– А эти? – она качнула головой на экраны.

– Да пусть хоть искупаются!

На следующий день перед стенкой, Мария подозвала Пита.

– Это тебе, – сказала она и протянула ему пластырь.

– Чего это? – хмуро поинтересовался парень.

– Я не доверяю себе, я опять начну вмешиваться, и мы опять сорвёмся, – она впихнула ленту в руки парня. – Заклей мне рот и принимай команду.

– Э-э-э... – начал Пит.

– Ты что приказа не понял? – возмутился Серж, вырвал ленту и широко, крест-накрест заклеил девушке рот. – Командуй! И вот теперь мы их уделаем.

Колебался Пит недолго:

– Тогда начнём вон оттуда, – и повёл группу мимо остального отряда.

На них оглядывались.

6. КВП

Блейк глядел на долину. Красивое здесь всё-таки местечко! Жаль далековато. Чтоб дойти сюда, он убил неделю – что прошлый раз, что сейчас. На лошади будет, конечно, быстрее, но всё равно... А если на зеленом драконе? Что для крылатого монстра четвёртого уровня сто восемь километров? Тем более, полёт по воздуху – это тебе не петляние по горным-подгорным тропам. Пара часов – и на месте. А если на чёрном? С тем – вообще: раз взять ориентиры, а потом – прокол пространства, и ты прибыл! Выжечь поганую ящерную семейку, проходов внутрь долины немного – поставить сигнализацию на крупных хищников, отстреливать их, пока в рефлекс им не вобьёшь, что дороги им сюда нет, и готовая база! Жить можно в пещере капища. В этот раз он успел заглянуть в неё – там больше чистить, чем восстанавливать. Причём чистить не метлой... Та ещё работёнка будет! А насколько она вглубь идёт – можно только догадываться. И Богиня против не будет. Дичи для жертвоприношений хватает. Те же тигрозавры для начала...

Долина легко обороняема, и наверняка где-то поблизости есть какие-нибудь полезные ископаемые. Можно даже основать свой клан... Холд прямо в капище и заложить.

Блейк усмехнулся на себя – размечтался! Ещё раз взглянул на таймер: тот подмаргивал, и на нём горело:

(27 мин)

Да, на этот раз он обернулся на полчаса быстрее, потому что на этот раз сработало всё. И как надо всё сработало! Теперь никакая дура-самочка или прибабахнутый сыночек не сбежали от папочки – не было их уже: кто изгнан, кто съеден. Лестницу больше укреплять не понадобилось – за месяц ничего с ней не случилось. Труп его прежнего аватара уже истлел, но обрывки амуниции ещё валялись внизу, но, главное: жезл был на месте – в нише, куда его отбросили, искать не пришлось. Правда, он опять был холодным и серым.

Времени на километровый пробег тоже понадобилось меньше: нынешний аватар оказался более сильным. Надо же: только две недели в поле провел с научницей, а пять минут на километре туда и километре обратно скостил. Что уровень аватара зависит от физического состояния исходника – общеизвестный факт, но ведь что-то, а бег-то он ни с Галиной Осиповой, ни с инструкторами, пять дней готовившими его к «экспедиции», не тренировал!

Ещё десять минут было выиграно на сыпuxe – сапоги с легкими антигравитами держали на склоне чётко.

И ни искать идола, ни таскать его, ни устанавливать не понадобилось. Блейк немного опасался, что тигрозавры в свободное время от охоты, еды, сна и их, тигрозаврского секса, играли в их, тигрозаврский футбол замечательным округлым катышем, обошлось – фетиш был на месте. (Странно, но теперь Блейку потребовалось меньше напрягать воображение, чтобы увидеть в камне женщину – пообвык, наверное.) Так что ещё минус восемнадцать минут.

Жезл зарядился тоже быстрее. Всего на полторы минуты, но на радостях Блейк и заглянул в капище... Вот уж лабиринт – вроде бы совсем чуточку походил, а семь минут угробил! Чего его туда понесло?! Ведь ясно было, что брать ничего нельзя! Нефиг по мелочи гневить чужую богиню. Особенно когда ты слаб, находишься на её территории, а в руках – жезл, напоённый её эманацией. Да и ладно! Там и брать-то на первый взгляд было нечего.

И он проскочил – ни в какое «приключение» не вляпался. Вовремя увидел первую ловушку, вовремя понял: перед ним не обыкновенное заброшенное капище, а сокровищница – обыкновенная сокровищница. Блейк задавил искушение пройти хоть первый порог

и сразу отправился обратно – тихонько и аккуратненько. По собственным следам, которые в пыли были хорошо заметны. Шаг в шаг, след в след. Выбрался.

Сюда он ещё вернётся. Вернётся без жезла, зато с оборудованием. Пусть сейчас он, по-прежнему, нищий и пустой, однако живой и с жезлом! Да и теперь, в случае чего, в библиотеку положенные статейки накропает – есть о чем, и на её первом уровне обоснуется вполне легально. А оттуда можно будет рыть ход на второй.

Блейк хмыкнул: да уж, амплитуда – от личного клана, собственного чёрного дракона и сокровищницы в единоличном владении, до норы на второй уровень библиотеки!

Он вздохнул и опять посмотрел на водопад истока горной речонки, попредставлял себе водопад устья. С террасы капища бесшумно срывающаяся вникуда вода была видна хорошо, отсюда – не видна совсем, и не слышен был далёкий-далекий гул...

Как же хороша всё-таки она – Тихая долина! Теперь, когда было время, когда больше не надо было прокладывать маршрут или искать подвохи, Блейк просто любовался ею. Нет, он точно вернётся сюда. Выжжет этих гадов и...

И – сокровищница! И всё? А что дальше?

Как-то он останавливался в своих мечтах на этой точке... А, плевать! Та, которой нужен жезл... Она обещала. Исполнение невысказанного желания... Он опять вспомнил свои трясущиеся руки, когда расплетал её косы... Неужели всё так просто – всего лишь ещё одна баба? Он невольно усмехнулся: уж больно не соответствовали они друг другу: та, которой нужен жезл, и эти слова.

Он встряхнул головой, отогнал смутные мысли и перевел взгляд на площадку тигрозавров. По первости он намеривался, возвратившись из штурм-броска с жезлом – сразу бегом и подальше отсюда. Домой, домой! Но по здравому размышлению решил дожидаться чудовищ: ведь раз они будут у логова, то встретиться ему на отходе не смогут.

Он ещё раз взглянул на таймер:

(7 мин)

Ну, уже вот-вот... Сейчас уже появятся... Он начал потихоньку собираться. Взял жезл, полюбовался на блекло-красный узор, который короткой лозой выплелся из рукоятки, улыбнулся. Прикрепил его за плечами, на манер двуручного меча. Поворочал спиной, попрыгал – нормально. Подошел к рюкзаку, открыл, ещё раз осмотрел – и тут нормально. Затянул. Ещё раз оглянулся на долину.

«Ну и до свидания! Ещё увидимся! А этих, которые сейчас явятся, точно вычищу... Что они нынче-то задерживаются? Где они там?...»

– Уже уходишь? Нет же у тебя ничего! Так какого хрена ты сюда пёрся?! Во второй-то раз? Или в рюкзаке есть что-то – не слишком объёмное да не слишком тяжёлое?

Из-за ближней скалы появился один, второй, третий, четвёртый... Все в одинаковых доспехах, с одинаковым вооружением, у всех на правом плече темно-красный погон. Блейк узнал шестого: тот самый, который пробовал уговорить новичка вступить в *правильный* клан: «Или будет у тебя всё неправильно!»

«Rights, – понял он, – райты, „правильные“! Выследили, сволочи!»

Он попятился от них.

– Ну, куда ж ты? Да не бойся! Просто расскажи нам: зачем сюда приходил. И иди к нам! Получаешь тату, и всё! Что бы ты здесь ни нашёл – оно чего-нибудь да стоит. И начнешь не с нуля! Посмотри на нас, на себя и просто сравни доспехи! Ну?...

«Да, доспехи у всех на уровень выше и арбалеты – тоже, а уж копыя...» – Блейк особенно позавидовал их копыям – из титанового сплава, лёгкие, прочные, с тёмной аурой, исхо-

дящей от кованых наконечников... Одновременно и оружие, и посохи... Клань налагали заклятия на них, и одиночкам этот вид оружия был недоступен.

«„Тату – и всё!“ Как же! Клеймо это на самом деле. Тату – и приказ старшего по клану становится обязательным для исполнения – причём, не по собственному желанию, не из-за чужих уговоров или в силу абстрактного чувства долга, а на уровне рефлекса аватара. Тату – и всё, попытка поставить другое приводит аватара к факту нулевого здоровья. Тату – и при повторной регистрации семьдесят девять процентов снова оказываются в том же клане. Тату – и всё, прощай свобода!»

Решение пришло, как будто его кто-то подсказал. Он оглядел райтов, и, словно сдаваясь, махнул рукой:

– А-а, нет здесь ничего! – он пнул ногой рюкзак, толкнул его к ним, – Наговорили мне... Золото, золото!..

– Золото? – насторожился старший. – О чём это ты?

– Речка, говорили мне, золотиносная, – повернулся к ним спиной, и не спеша, пошёл к краю, к лестнице. – Да смотрите сами.

– Ну, – раздался сзади довольный голос, – понял, как это просто: поступать правильно?

«Они – нулёвки, ничего кроме арбалетов у них из дальнотойного нет. И болтов с самонаводкой – тоже».

– Вон она, речка.

Блейк присел, протянул вперёд руку, а потом ухватился за верёвку лестницы и бросил свое тело вперёд и вниз.

– Э-э-э! Ты чего? К-куда?!..

Он не слушал, он с трудом поймал ногой верёвочную ступеньку, и заспешил, суетясь и путаясь – вниз, вниз!

– Стой, придурок! – над краем скалы показалась голова старшего.

«Нет, сейчас стрелять он не будет: побоится, что попадёт в голову, побоится, что я сорвусь, что не сможет поставить тату, когда у меня не менее восьмидесяти процентов здоровья. Вниз, вниз!»

– За ним!

«„Придурок?“ – сам придурок! Был первым, а спускаться послал других. Конечно, командовать – это ж так приятно... Если они сейчас у лесенки ещё и толчею устроят... Ага, судя по ругани – устроили... Вниз, вниз!»

Когда до земли осталось метра полтора – Блейк не вытерпел и прыгнул. Прыгнул и тут же испугался, что на камнях подвернет ногу, но обошлось: аватар сгруппировался, перекатился через плечо, вскочил... Ещё мгновение ужаса – жезл! Но обошлось. И артефакт укреплен был правильно, и аватар – аккуратен. Кинжал! Блейк полоснул кинжалом по веревкам лестницы. Ему гарантировали, что она выдержит полтонны, но когда алмазной насечкой травленого лезвия по натянутой струне... Первую ещё пришлось почти пилить, зато вторая лопнула, казалось, от одного лишь прикосновения.

На лестнице к тому времени было уже трое. Лестница качнулась маятником, задёргалась... Нижний заорал, не удержался, упал – и вот он-то ногу подвернул, а может, и сломал: когда попытался вскочить – опять свалился на землю. Удачно. Блейк всадил ему в грудь кинжал. Полыхнул красным огнём детектор здоровья райта. Есть! – первое убийство! Плюс двести единиц! А на низких уровнях при перерегистрации сохраняется десять процентов опыта самого успешного аватара. И не надо слушать, что там орут болтающиеся на лестнице, уцепившиеся за верёвки райты – он метнулся под защиту стены.

Теперь его жалеть не будут, теперь в него будут стрелять. Правильно: пусть приготовятся, арбалеты им понадобятся. А что – в него, так пусть ещё попробуют попасть! Мы с ними сейчас поиграем в догонялки. У них доспехи лучше, так зато они и тяжелее.

Блейк нырнул в полумрак полусвода нависшей террасы. Здесь мха не было. Ещё бы – ни света, ни влаги... Зато паутины-то... Не наткнуться б на что-нибудь экзотическое, на какое-нибудь арахноидное порождение большой фантазии старшего ассистента младшего помощника Конструктора... Да какая разница! Теперь главное, чтобы спустились все райты. А спускаться по свободно болтающейся верёвочной лестнице – удовольствие не из приятных, он это по прошлому разу помнит. Тем более что их там – не один, и все суетятся, все орут друг на друга!

Он выставил вперед правую руку с обнажённым кинжалом и, сметая паутину, понёсся вперед. Пойма местной речонки неспешно изгибалась вслед за её руслом. Изгиб здесь был выпуклым, и стена уже закрывала парня от преследователей. Блейку вдруг вспомнилось, как в школе, на уроке математического анализа девчонка-одноклассница на вопрос, какие бывают кривые, ответила: они бывают выпуклыми и... и впуклыми.

«Что за ерунда лезет в голову! – он взглянул налево. – Не проскочить бы, скоро уже сворачивать, а то, если возвращаться придётся – совсем нехорошо будет».

Но выскакать из-под скалы пришлось раньше: взвизнул арбалетный болт, и за метр впереди от него брызгами разлетелась каменная крошка... Мазила! Блейк оглянулся – точно, кто-то всё-таки, и что характерно, это был не командир, кто-то догадался не гнаться за ним вдоль стенки, а отбежать в сторону. Изгиб стен был совсем небольшим, далеко бежать не потребовалось. И этот райт закричал, привлекая внимание остальных.

Блейк выскочил из-под свода и бросился в ближайшие заросли хвойного кустарника.

Оглянулся. Все внизу! Все шестеро – один лежит, пятеро бегают. Побросали копья наверху – ну, конечно же, неудобно же с копьями на веревочной-то лестнице тусоваться! – и погнались за лёгкой добычей. Точно придурки: просто бы последнему сбросить всё вниз!

А тебе, умник, сейчас ответят!

И ответили. Правда, не с той стороны, откуда тот ждал. И погромче. Получайте, сволочи, неожиданность!

Папа-тигрозавр, у которого в крови ещё бурлил адреналин от несостоявшегося скандала с бесследно пропавшим соперником, вернувшись, обнаружил на вверенной ему территории наглых, орущих, бегающих друг за другом двуногих и сообщил им, что сейчас будет наводить порядок. Его дама сердца, которую обманули со зрелищем, как из-за неё рвут друг друга настоящие парни, рёвом выразила желание тоже поучаствовать в уборке.

Мерзкие двуногие заорали тоже и забегали ещё быстрее. Им стало не до Блейка. И это есть хорошо. Он резко сбросил скорость, взглянул на детектор здоровья: зелёный. Детализация: семь процентов долой. Нормально. Полкилометра теперь можно выдержать влёгкую. Переходим на стайерский темп и – к капищу!

Сзади раздался ещё один спаренный рёв. Настоящий парень и любительница настоящих парней выражали восторг от предстоящего развлечения.

Радуйтесь-радуйтесь. Леди Неожиданность и для вас приготовила сюрприз. Конечно, перед вами – банальная полудюжина, ни у кого из которой действительно ничего дальнотбойного кроме арбалетов не было и нет. Но всё-таки – это команда каких-никаких, а воинов. И нападение крупных экзотов для Даяны – стандартная ситуация, которая должна отрабатываться на тренингах в кланах едва ли не в первую очередь. Свои копья райты бросили. Болтов с самонаводкой у них нет. А вот бронебойные – быть должны. Хотя б по парочке на каждого. И будь тигрозавр один – шансов у него не было бы. С другой стороны, если бы при папочке с мамочкой были ещё и детишки – шансов не было бы у райтов. А вот два монстра восьмого уровня против пятёрки неопытных солдат... да ещё и во главе с бестолковым сержантом...

Да чума на ваши оба дома! Следить за битвой и болеть за кого-либо Блейк не собирался. Чистая ничья – когда все убивали всех – была желательна, но маловероятна, так что

ему требовалось убежище. Хотя бы на первое время. Он бежал к капищу. Иногда даже при- тормаживал, чтобы на ходу сдёрнуть горсть целебной реднистой брусники...

Так что неудивительно, что монстры оказались быстрее его. Новый рёв! Опять двой- ной, но теперь в нём, помимо ярости, завопила ещё и боль. Ага, словили залп. Нет, Блейк и тут не согласился с сержантом: очевидно, что тот разделил цели, а Блейк бы весь первый удар нанёс по самке – чтоб попытаться гарантированно вывести её из строя. А потом все пять болтов пустил бы в самца. В упор! Его бы изрешетило. А так райты по-прежнему имеют двух, мчащихся на них, подраненных – но живых, живых! – чудовищ.

И новый рёв и новый... И следом почти сразу же – человеческие вопли... Угу, нача- лось месилово... Неужели эти бестолочи даже одного кончить не сумеют?! Блейк не стал оглядываться – за невысокими, метра в два, свечками местного можжевельника, всё равно ничего не увидишь, он только прибавил хода.

И не напрасно... Новый рёв... Это самка. Победных нот в её голосе не звучало. Звучала боль. Звучала ярость. Звучала тоска... звучала такая тоска... У Блейка похолодело у затылка, и он помчался уже изо всех сил. До террасы с капищем оставалось с сотню метров, когда сзади раздался новый вопль. Чудище известило, что вспомнило про ещё одного двуногого. И Блейк оглянулся – оглянулся помимо воли и желания. И увидел: тигрозавра, выглядывая его, взметнулась вверх, и они с ней, кажется, даже столкнулись взглядами.

Бежать быстрее он не мог, а её топот, казалось, слышал. Хотя какой топот может быть слышен от этой чешуйчатой кошки, не лошади же – кошки! – мчащейся по покрытой тол- стым слоем мха земле?! Разве что, если слушать не ушами, а спинным мозгом. Или тем, что ниже.

Ещё раз Блейк не сумел удержаться и оглянулся, когда зверюга заревела, выйдя на дистанцию прямого взгляда. До склона с сыпухой оставалось ещё метров двадцать. Ему показалось, что до чудовища – столько же. Но тигрозавру он на несколько секунд опере- дил, и сыпуха его спасла. Сапоги с антигравитами держались на ней уверенно, а тигрозавра – не держалась совсем. И всё-таки с самого начала та легко достала бы его, если бы, не пыта- ясь урвать доли секунды, прыгнула бы сперва к подножью, а уж оттуда, с твёрдой почвы – за ним, но тупая самка для опоры под второй прыжок попробовала использовать склон – и просто поехала вниз. Она всё равно успела бы, но вместо того, чтобы тут же спрыгнуть к подножью – ещё побарахталась, поцеплялась... Может быть, Блейку и это не помогло бы, но пара болтов торчали в её чешуе, а сколько их пробили насквозь, сколько застряли внутри, можно было только гадать – так что взлететь на террасу единым прыжком у раненой зверюги не получилось ни с первого раза, ни со второго.

От её рёва у Блейка заломило в ушах, он не стал ждать, когда чудовище найдёт тропу, по которой он сам первый раз вылезти на террасу – бросился к пещере. В устье её оста- новился, оглянулся. Именно в этот момент из-за приметного камня, того самого, который когда-то помог ему выбраться на террасу, выпросталась настырная ящерная кошка. Увидела Блейка и...

И не прыгнула на него.

Хорошо?

Плохо! У всего класса этих «—завров», здесь, в Даяне нехилая регенерация! Зверюга будет ждать его на выходе, жрать трупы и здороветь, а у него – никаких припасов, практи- чески никакого оружия – ничего! Пару горстей брусники – да и только! Ну, уж нет!

Он поднял пару камней. Тигрозавра зарычала, прижалась к земле, сжалась. Тогда и он заорал во весь голос и один за другим метнул в неё камни.

Что толкнуло самку на прыжок: наглость действия или наглость голоса – он не понял. Что его самого вбило в пещеру: вид её раскрытой пасти или рёв из неё – не понял тоже. Он опамятовался, когда уже бежал к крайнему коридору, к ловушке. Узкий проход чуть задержал

чудище, но Блейк надеялся на большую фору. Только это же кошка! Хоть и огромная, хоть и вся порванная, хоть и вся в чешуе, но кошка! – она буквально ввинтилась в каменную расщелину. Заревела от боли, но – ввинтилась и вывинтилась. Опустилась, распласталась на полу. Заревела от злости. Взглянула на скрывающегося за поворотом тёмного прохода двуногого... Поднялась... Нет, на прыжки её уже не хватило – она просто побежала за ним, да он и не убежал далеко, некуда там было бежать, он тоже уже был измучен, он стоял спиной к замуровывающему проход валуну, и сжимал в руках кинжальчик. И она бросилась на него.

Ловушка сработала. Там, где Блейк прошёл, прижимаясь к стеночке и едва ли не на цыпочках – чудовище помчалось напрямик, пол под ней провалился, и тигрозавра полетела вниз, на отточенные колья.

Яд на них был сильным, и ревели она недолго.

Блейк дождался последнего её всхлипа и опустился на пол. Площадки до провала осталось метра на два – хоть ложись... Рефлекторно взглянул на индикатор здоровья – точно: жёлтый, с редкими зелёными крапинками. Можно было бы запросить полную диагностику, но зачем? И так понятно: физически – вымотался, а эмоционально – истощён. Необходимы воздействие стимуляторов и/или отдых. Чая бы выпить вместо химии, но аптечка и фляжка – вот, на поясе, а заварка осталась в рюкзаке. И котелок – там же, и там же – таблетки сухого топлива. Что ж, будем исходить из возможного...

Блейк задал режим: «лечение», «отдых», и снял шлем. На экране аватар, не торопясь, отстегнул жезл, снял, аккуратно прислонил его к валуну, отцепил от пояса ягодный контейнер, раскрыл, бросил пару брусничек в рот, занялся аптечкой...

«А у меня заварка ближе – на кухне. И чайник – там же. Успокоиться не помешает и мне».

После перерегистрации прошло уже полмесяца – трое суток Блейк бегал по столице, закупаясь и отовариваясь, семь – шёл, ещё четыре, по утрам, пока тигрозавры спали... должны были спать! – после ночных охот, расставлял спикеры (кстати, один из старых уцелел, Блейк только заменил на нём батарейки). Ну и сегодня, вот, славно побегал по долине: туда-сюда, сюда-туда.

За эти две недели выяснилось, что нынешний аватар – справный парень. В постоянном пригляде не нуждался. Может, просто повезло: разброс параметров случаен, и шанс пожить с окраин кривой Гаусса был у всех, но вероятней всё-таки влияние его собственной личности, точнее – влияние последних двадцати дней жизни в реальности Гессы.

На форуме об этом писали неоднократно, один клан как-то пытался даже поставить тренировки своих членов в реале на обязаловку, но ничего из затеи той не вышло: резко уменьшился приток новых членов, да и старые как-то вдруг начали исчезать... Отменили. Впрочем, какое ему дело до чьих-то там кланов?

На своей крохотной кухне Блейк потянулся, было, за коробкой с пакетиками чая, но раздумал. Галина свет Осиповна на пакетированную продукцию морщила губки и употреблять её при первой же возможности отказывалась, а «отказ напарника от приготовленной пищи»... Приходилось подстраиваться под её вкусы, и неожиданно выяснилось: оно того стоило.

Он вспомнил, как девушка втолковывала ему: пьют чай не для восполнения водного баланса организма, для этого, вон – куча разных бутылок, или вон – родничок. Чай – это пауза... Пауза отдохновения или завершения, пауза обдумывания или общения – пауза. А раз пауза, то куда спешить?

Действительно, куда ему спешить? Аватару нужен часовой отдых, не менее. В Даяне нельзя, как в играх одиночных реальностей, ускорить время. Потому что возникают *проблемы синхронизации*, видите ли... Непреодолимые проблемы. Так что в банальных обстоя-

тельстввах только так: ставишь локальную задачу и пускаешь на автомат. И зависеть всё уже будет от аватара. Случись что-нибудь неожиданное – не прокачанному аватару не поздоровится.

А бывает и по-другому. Бывает, что ава опытнее, умелее своего хозяина – это когда начинаешь не с нуля. Если есть деньги, или где-нибудь разживёшься баллами – и купишь (даже профессия есть: тьютер – специалист, который быстро доводит ботов до некоторого уровня) или подарят... Или дадут, в качестве вступительного взноса – в кланах это почти стандартная практика. У них же пустые боты – до пятидесяти процентов личного состава. И у клановых тьютеров – особое положение... Впрочем, в любых сообществах у любых качественных специалистов особое положение – не будет такового, сообщество развалится... или провалится в конкурентности какой-либо... Так вот с приобретённым авой не стоит особо спорить, особенно поначалу – лучше присматривать за ним и учиться, учиться.

Мысли Блейка лениво сменяли одна другую, а руки делали положенное: наливали в чайник воду, включали его, доставали посуду... Он вспомнил, как поморщила губки научница на первом их ужине, взглянув на его копеечную чашку, и сразу представилось, как она поморщилась бы, увидев эту.

«Чашка, как чашка», – подумал он тогда.

«Чашка, как чашка», – проворчал он сейчас.

Прогреть заварочный чайничек горячей водой, насухо вытереть его, насыпать заварки... Дождаться сигнала от большого чайника... «Начальница» требовала снимать котелок с костра «с белым ключом» – за мгновение до закипания... «И запомни, геймер: не после, а – до! до!» Здесь, у себя, он просто установил датчик и отрегулировал температурный режим так, чтобы после девяноста градусов градиент нагрева уменьшался, а при девяноста девяти с половиной – уходил в ноль... Делов-то.

Залить кипятком заварку. Укрыть полотенцем... Ну, нет у него салфеток, чтоб аккуратно прикрыть носик, нет!... Купить, что ли?

Пять минут ждать... Да без проблем.

Вот теперь можно наливать, сыпать сахар... Вот чёрт, забыл размешать в заварнике чайную пенку. Вроде бы именно в ней концентрируются эфирные масла. Да ладно. И так хорошо...

«– И не спеши ты пить! Полюбуйся на цвет, вчувствуйся в запах, и уж потом... С чаем всё как с вином, но хорошее, настоящее вино стоит же непомерно, а чай – вот он, у тебя в руках... Впрочем, что в твоей кружке увидеть-то можно?!

«– А кофе?

«– Кофе? кофе сильнее, но он... он проще, – она хмыкнула: – Всё чёрное почему-то сильнее, но проще... Да сравни хоть чёрный чай с зелёным.

Блейк сравнивать отказывался: он пил чёрный, а зелёный его раздражал и тусклым цветом, и приторным вкусом.

Местные сорта чёрного чая, по словам научницы, смещали колорит напитка из багровой зоны в розовую. Блейк взглянул в кружку – чего девица бурчала, всё прекрасно видно! Но никаких розовых оттенков и сейчас не разглядел, чай он и на Гессе чай.

(Однако, после возвращения из «экспедиции», цвета «напитков из бутылочек» ему начали не то, чтобы резать глаза, а утомлять, что ли... своей сугубой ясностью. Хотя... когда восполняешь водный баланс – когда там, чего там разглядывать?)

Час прошёл быстро. В память о девчонке Блейк даже помыл и вытер посуду. Хотя на это ушли с пятьдесят девятой по шестьдесят вторую минуту отдыха. Когда он вернулся в спальню, аватар на экране уже поднялся и делал лёгкую разминку. Всё правильно, зарядку в алгоритм пробуждения ввёл Блейк: он ещё с первым аватаром проверил и выяснил: такая

вот нехитрая процедура повышала уровень готовности в первый час после пробуждения на шесть процентов. На форуме об этом время от времени мелькало, но интереса большого не вызывало: подумаешь, только шесть пунктов, да и те быстро сходят на нет! И пусть их... Птичка по зёрнышку клюёт да сыта бывает.

Итак, назад хода нет, а перед ним его любимый квест – сокровищница. На Земле он был приличным трежером. Не асом, конечно – чего бы это ему с Земли сваливать, будь он асом. Да просто не пробиться в асы без топовой оснастки, а она – бешеных денег стоит. Или бешеного рейта. Всё как всюду: без рейтинга нет уровня, а уровня нет без рейтинга. Но сейчас спецоснастки у него вообще нет, так что в глубокие подвалы не пробраться. А кто ж его знает, сколько их там?! Может – дюжина уровней, а может, прямо за этой стеной – просто камера с одним-двумя артефактами, и всё.

Но в любом случае, обладание даже единичными артефактами значительно повышает рейтинг. Зря он не посмотрел отчёта за прошлое прохождение. Может, в том, что его нынешний аватар такой бодренький, заслуга, не реальности Гессы, а именно разогретого артефакта – жезла? С новыми, глядишь, и на второй уровень удастся вылезти. А если ему зачтут победу над группой противников, да ещё и над тигрозаврами... Нет, но послушайте: хотя бы одного-то монстра кончил именно он! Можно сказать, своими руками! Двумя булыжниками.

Уровень при перерегистрации сохраняется.

Ладно, хватит мечтать, аватар разминку закончил и уже прилаживал за спиною жезл, пора брать управление на себя. Блейк устроился в кресле, натянул шлем, поправил очки, ввёл в нос мягкие шарики аромоскопа, щёлкнул на висках застёжками, натянул перчатки...

Блейк попрыгал, поворочал спиной, передёрнул плечами, повертел головой – нормально: жезл сидел устойчиво и ничему не мешал. Блейк взглянул на индикатор – зелёный, детализировка – сто процентов здоровья. Отлично.

Из провала резко несло экзотом, его кровью – заглядывать туда парень не стал, никакого удовольствия от вида насаженной на колья тигрозавры он бы не почувствовал. Трежер повернулся к огромному, в два человеческих роста валуну, замуровавшему проход.

На первый взгляд – тупик. Вот только кому бы надо было по пути к тупику ловушку выстраивать? И откуда бы каменюге здесь этой взяться? Стены и потолок прохода, ну не то, чтобы отшлифованы, но никаких резких выступов или провалов на них не было. Не говоря уж о нависающих валунах. Мхами, конечно, всё заросло и здесь, так это от давности, да и хорошо: без их флуоресцентной подсветки пришлось бы фонарик включать, а батарейка у Блейка была, как и он сам – нулёвая, всего на шесть часов работы.

На первый взгляд тупик... А на самом деле, скорее всего, калитка первого уровня, как обычно – после ловушки первого уровня. Что-нибудь простенькое... Чтобы отсечь нулёвок.

Интересно, а что предпринял бы ава? Блейк ослабил контроль... У-у-у, – всё по науке. Аватар сделал пару шагов налево, чуть нагнулся и начал с нижнего левого угла валуна.

Вот какой-то странный выступ, дёрнем за него – ничего, нажмём – ничего, пошатаем – ничего. Вон ещё один, но он высоко, прыгать не будем, искать ступеньки пока тоже... А вот за этим, который чуть правее – прыгать не понадобится, повторим процедуру: нажмём, пошатаем – ничего. Ниже...

Да ну его! Чего ради мучиться с первым уровнем? Время только терять! учись, мальчик! Блейк перехватил управление – отошёл от валуна и рассеял взгляд... Вот что это за странная такая выбоина?

Блейк и сам бы не смог объяснить, чем его привлекла именно она. Отличалась от других по цвету? – так двух одинаковых и нету. Станным изломом границ? Темнотой провала? Трежер не заморачивался объяснениями и оправданиями – подобные мелочи давно ушли у него на уровень подсознания. Он опустил взгляд на пол и ожидаемо увидел среди облом-

ков нужный: такого же цвета, подошёл, поднял, улыбнулся, вложил его концом со странным изломом периметра точно в скважину. Нажал.

Раздался скрежет, Блейк сделал шаг назад и правильно сделал. Валун начал медленно оседать, и один, особо вычурный выступ, опускаясь сверху, мог бы зацепить одежду. Ещё и пол раздвинулся, когда пропускал его – провал вряд ли бы затянул ногу, но нервы бы лиш- ний раз напряг.

Валун остановился, он теперь лишь немного возвышался над полом.

А пылищи-то! И, конечно, как же без визуальных эффектов: пыль замерцала сирене- выми переливами, создавая этакий световой занавес. Ждём.

Пыль потихоньку рассеялась, свечение угасло. Ага, вот откуда взялась эта каменюга: проход уходил в древнюю часть храма, куда строители не дошли... или куда их не допу- стили. Более-менее гладкой, ровной здесь была только тропинка на полу... условно говоря – на полу... а уж стены, потолок... Даже «стенами» назвать это нагромождение камней, пере- витое трещинами и провалами, было трудно, а потолка так и совсем не было, где-то – нави- сало какое-то подобие свода, где-то – теснящиеся валуны просто опирались друг на друга, а кое—где постепенно сужающийся провал уходил в тёмноту и терялся во мгле. Впрочем, мхи света давали мало, и эта мгла была близкой.

Поначалу Блейк машинально наметил дальнейший маршрут в обход тропы: вон там, слева, можно взобраться на карнизик, оттуда перепрыгнуть на плоский, некруто поднимаю- щийся над уровнем пола камень, с него можно будет перескочить тропинку: и она как раз сужается, и направо есть подходящий валун, и потолок достаточно высоко – его едва можно было рассмотреть.

А дальше... Нет.

Пару часов назад о первой ловушке в храме его предупредил детектор аномалий – вовремя подал сигнал о немонолитности пола. Здесь, на ближайших двадцати метрах тропы, были трещины, ямы и разломы, а вот внутренних пустот – не было.

«Та-а-ак, – хмыкнул Блейк, – ловушкой первого уровня сделали яму, то есть нечто, которое внизу, на втором будут камни, которые упадут сверху. Но где? И как бы проверить...»

Он поднял глаза... Проверять немонолитность «потолка» было бесполезно. Но... Он опять улыбнулся:

«Если у местного Конструктора такая незамысловатая логика, то и ловушки он разме- стит строго наоборот: были на тропинке, будут – на обходных путях. А значит... Рискнем?»

И рискнул. Блейк двинулся вперёд прямо по тропе, стараясь держаться аккуратно посе- редине. Прошёл мимо карнизика слева, мимо некруто поднимающегося камня. Недалеко от «подходящего валуна» остановился. Опустился, лёг. И там, где тропа, зажатая камнями, сужалась, прополз по-пластунски, прижимаясь, вжимаясь а каменный монолит пола. Про- лез.

Отполз ещё на всякий случай. Поднялся. Отряхнулся. Подумал: «Вот сейчас и прове- рим». Огляделся, нашел булыжник в пару килограмм, поднял. Отошел подальше и швырнул его на валун. И тут же рефлекторно отскочил ещё дальше.

«Однако, проверили», – потёр уши Блейк.

Прохода больше не было, валуна видно не было тоже: всё завалено, и опять – пыль, пыль, и опять – сиреневые переливы.

«Тоже мне... – он поморщился: – ну ладно, у местного Конструктора нет вкуса, так неужели вкуса нет и у их Редактора? Там, у первых враг, эти сполохи ещё можно было оправ- дать какой-нибудь остаточной древней магией, но здесь-то – голимая механика...»

Блейк ещё немного полюбовался завалом, посмотрел выше... Нет, теперь света не хва- тало – потолка видно больше не было.

Дальше Блейк шёл не спеша: раз имеем проход второго уровня – значит, и ловушек здесь – две. И он почти наверняка знал, где разместились вторая. Но по сторонам посматривал: всё-таки вдруг где-то удастся заметить какой-нибудь артефакт.

Тропа закручивалась, виляла, имитируя русло древней высохшей подземной речонки, и вела вниз. Появились сталактиты, а валуны и не пропадали... Тропа обходила их, но лишайникам они, видно, приглянулись, и эти причудливые колонны, и эти сглаженные огромные булыжники сочлись ровным слабым свечением.

Стены сдвигались всё теснее, уклон пола становился круче. Идти приходилось всё осторожнее: кто его знает, насколько крепко держатся на полу каменюги. Потолок опускался всё ниже тоже. Уже и призрачного сияния мхов хватало, чтобы нависающие над головой граниты были видны сплошь, без всяких разрывов.

За очередным поворотом трежер понял: второй уровень кончается, осталось только протиснуться мимо очередного валуна – и вон, прямая дорожка к тупику. Ощупывать или оглядывать стену, запечатавшую проход, Блейк не собирался: что вторая ловушка – прямо перед воротами, он больше не сомневался. Где-то сбоку должен быть обходной путь. Вход в него найти большого труда не составит: жрецы ходили здесь долго и, хоть были они, конечно, аккуратны, но если внимательно посмотреть – что-нибудь да обнаружится – обломанный камень, стертый порожек или сбитый сталактит... Вот только потом придумывать, как отрыть потайную дверь...

«Может, повезёт? Может, есть путь попроще? – подумал Блейк. Он повнимательнее оглядел валун, – Какая подходящая шарообразность да и дорожка перед ним такая ровная. А не он ли...»

Парень упёрся в него, толкнул... Камень поддался, но тут же качнулся назад... Блейк качнул ещё раз, ещё... поймал ритм, и – раз! и – два! и – три!...

Камень сорвался на счет восемь.

Нет, орудием наказания святотатцев камень не был: гремел он здорово, катился неспешно, по бокам от него оставалось много места – любой успел бы отскочить в сторону и пропустить мимо себя.

Но трежер разрядить ловушку таким образом и не надеялся – он ждал другого. И дождался: не успел этот здоровый булыжник коснуться запирающей стены, как потолок над ним рухнул, и поток камней обрушился вниз.

«Так, – ухмыльнулся Блейк. – Ждем колористических эффектов».

Дождя: пыль, пыль, и – сиреневые переливы...

«Ждём... ждём! – и опять дождался, пыль осела и... – Есть!»

В разрушенном потолке проглядывал проход.

«Ну, „проход“ – это громко сказано... „прополз“?»

Простого слова – «лаз» Блейк не нашёл, да не очень-то он его и искал. Он внимательно оглядел эту здоровенную кучу камней.

«Вроде бы достаточно плотная – посыпаться под ногами не должна, но осторожнее, осторожнее».

И он осторожно, каждый раз проверяя устойчивость очередного булыжника, полез вверх. Протиснулся в щель, выглянул, огляделся.

В обе стороны, сколько хватало глаз – пещера. Низкие влажные потолки нависали над неровным полом. Вдоль всей стены пустое двухметровое пространство – строители, для себя под технологическое пространство пробили, а дальше – завалы из валунов, вычурные поля сталактитов, перегораживающие пещеру вдоль и поперёк. Пахло влагой и ещё чем-то – пахло неприятно. Пахло неприятностями.

«Даже разочаровывает – так ожидаемо: после коридора первого и второго уровня – лабиринт. Только бы не ошибиться с уровнем... какого он здесь? первого? третьего? С мон-

стром первого уровня справлюсь без проблем, а вот против кого-то вроде минотавра... Ладно, увидим. Будем спускаться. Сколько здесь? Метра три с половиной? Пол чистый. Нормально».

Трежер ощупал край пролома, нашел подходящий выступ, извернулся, уцепился за него, спустился, отпустил руки, мягко приземлился.

Что под ним может оказаться ловушка – он не боялся. Почти наверняка – она вон там, прямо перед выходом из потайного хода. Впрочем, это с той стороны ход был «потайным», а с этой – его прикрывала нормальная дверь. Нет, туда он не пойдёт – ни в какую «нормальную ловушку» третьего уровня никакой нормальный трежер не полезет. Особенно, если у него нет спецснастки.

Блейк мимоходом взглянул на детектор – зелёный, машинально включил детализацию... упс! – восемьдесят девять процентов. Нездоровое какое здесь место, оказывается! Аптечку тратить не хотелось – лучше просто передохнуть.

Он вывел наверх меню, задал: отдых, пятнадцать минут, тревожность третьего уровня; и снял шлем. Заодно и в туалет можно сбегать. Оставлять аватара не хотелось, но лучше уж у входа в лабиринт, чем в его недрах. Конечно, обитатель лабиринта может и сюда выглянуть, но у монстров первого-второго уровня выходить наружу – не в обычае. Да и более страшные делают это редко и неохотно.

Блейк последил ещё, как аватар внимательно осматривает ближайшие выходы, прислушивается, как удовлетворённо кивает себе головой... И начинает снимать рюкзак... Снимает рюкзак, снимает контейнер, раскрывает его, пересчитывает ягодки.

«Нет, всё-таки толковый парень мне попался. Ну, давай и дальше так же!» – подумал он и встал с кресла.

А когда вернулся, аватар удивил его ещё больше: вместо того, чтобы спокойно сидеть, привалившись к рюкзаку, тот внимательно осматривал жезл.

«Ну-ка, ну-ка...»

Блейк даже не стал надевать шлем, он ткнул на меню пункт «Комментарии». Раздался глуховатый, раздумчивый, чуть даже занудливый голос аватара. Блейку нравился. Да и большинство других параметров он оставил в этом парне, как они предлагались по умолчанию.

– В принципе так и должно быть... – бормотал аватар. – Ведь что мы имеем? – проход в святилище некоего храма. А что такое данный жезл? – атрибут божества его же. Могут они взаимодействовать? Запросто. Он даже может быть ключом.

«Нет, с „ключом“ это уж слишком, а в остальном...»

– И чего поначалу испугалась самка? Не его ли?

«Ага, в прошлый раз другая такая – „испугалась“... И косточек не осталось. Но данный-то аватар этого не знает... Так пусть узнает! Тем более, что время ещё есть».

Блейк устроился в кресле, замелькали окошки менюшек. Голосовой ввод проще, но детские привычки въелись намертво: дома голос контролировался системами сигнализации – родители могли подслушать, могли посмеяться, могли запретить, а личное виртуальное пространство он защищать научился сызмальства.

«Информация» – «добавить» – «источник?» – «личная папка» – «Даяна» – «Прохождения» – «Журнал №1».

«ОК»?

Стоп... Тогда уж зачем ограничиваться только прохождением? Пусть парень получит полную информацию. Конечно, почти всё будет дублироваться тем, что в него залито при инициализации, но кое-что нарыто и мною лично... Раз уж он такой толковый – пусть пользуется. И так, заново...

«Информация» – «добавить» – «источник?» – «личная папка» – «Даяна»

«ОК»?

Yes!

На экране аватар отложил жезл, сел, прислонился спиной к рюкзаку и замер. Ненадолго... Хотя и дольше, чем ожидалось. Да нормально: информация получена – информацию надо переварить.

– Тигрозавра испугалась не жезла: за поколения и поколения местная живность уже уяснила, что *пещера* смертельно опасна.

«Конечно-конечно. „Уяснила“. Местному конструктору нафиг нужно было, чтобы звери разряжали ловушки – вот он им и „прояснил“».

– Но всё это не отменяет исходного факта: расцветка жезла изменилась.

«Чего?!»

Блейк больше не медлил – он потянулся к шлему.

«Анализ жезла!» – потребовал он.

– Узор увеличился. Если при инициации он тянулся на шестнадцать сантиметров от рукоятки, теперь – на девятнадцать. И красная составляющая цвета стала насыщенной. Если раньше цвет был где-то около C06060, то теперь – явно уже рядом с D53080.

– Переведи.

– Был розовато-лиловый, стал... тёмновато-тициановым, – улыбнулся голос в наушниках.

«О, у парня и чувство юмора какое-то есть...»

(В стандартной палитре «темноватых» цветов не значилось).

– Вывод?

– Можно бы предположить, что увеличение доли красного сигнализирует об усилении опасности, но вероятней другая гипотеза...

«Да, прямо противоположная».

– ... что в камере святилища он будет чисто красным, или, если в шестнадцатеричном коде – FF0000.

«Именно так. В шестнадцатеричном коде, оставшемся с изначала времён программирования, на каждый из основных цветов – красный, зеленый, синий – отведено по два знака: от 00 до FF, то есть от нуля до... шестнадцать в квадрате минус единица... двухсот пятидесяти пяти, что ли? 000000 – чисто белый, 00FF00 – чисто зелёный, 0000FF – чисто синий. А FF0000, соответственно – чисто красный».

– ...Но и в том и другом случае имеем ключ. Требуется волевое решение. Рекомендую второй вариант.

– А есть идеи, как проверить?

– Только по факту... но... За второй вариант – процентов восемьдесят. Хотя двадцать ещё остаются на разные сомнения.

– Обойдёмся без всяких «хотя», – улыбнулся Блейк. – Вон, возле выхода ловушка. Почти наверняка. Проверим.

– На основании чего сделано предположение?

– На основании интуиции.

– Ненадёжно.

– Ладно, – опять улыбнулся Блейк, – на основании внесознательной обработки предыдущего опыта.

– А опыта было много?

– «Пустоши и развалины» я покинул на финише восьмого уровня, «Ущелья фараонов» – тоже после восьмого, в «Чертогах тьмы» – дошёл до седьмого. А в «Шахматном лабиринте» прошёл даже десятый.

– «Шахматка» она... не больно серьёзна. Слишком много поставлено на анализ, мало случайного. На топовые – одиннадцатый-двенадцатый не решился?

- Что там делать без масс-детектора?!
- Нечего, – согласился аватар.

Первый раз в «Шахматке» Блейк остановился у самого входа на десятый уровень, неплохо отоварился, но опять сунулся в «Чертоги...» и всё спустил. Второй раз – пошел по экспертной трассе, опять добрался до десятого, рискнул, прошел и её, и всё заработанное вложил во вступительный взнос на Даяну. Хватило. Едва-едва, но хватило.

– Здесь, кажется, похоже именно на «Шахматку», только...

– Только?

– Только проще... Хуже. Топорнее.

– Ясно. Проверяем?

– Разделять зрение можешь?

– Нет. Чуть-чуть опыта не хватает. Чуть-чуть.

– Тогда я веду. Если увлекусь, на каждой десятой секунде даешь укол в мизинец. Я перевожу взгляд на жезл. Ты озвучиваешь анализ.

– Принято.

– Пошли.

Как выяснилось, до двери выхода было ровно тридцать шагов. Пять последних Блейк делать не стал. Ярко-фиолетовый цвет жезла ласкал взгляд, название цвета яркой экзотикой ласкало ухо («гелиотроповый»), но его шестнадцатеричная расшифровка D747F0), точнее два последних знака, уж больно намекали на близкую, очень близкую катастрофу.

– Значит, синие тона предупреждают о ловушке: за двадцать пять шагов палитра синего изменилась от «80» до «F0»... – пробормотал аватар. – А зелёные?

– Зелёные? зелёные – о монстрах. Почти наверняка.

– И пару минут назад было «30», сейчас уже «47»... То есть что-то к нам приближается?

– Да.

– Но оно ещё совсем далеко...

– Или оно – совсем слабое.

Оказалось, слабое. Пятнистый маго-волк, одиночка. Напал на Блейка сразу у входа.

– Мой, – дал сигнал аватар. – Я его сделаю. Сто процентов.

Блейк отпустил поводок, аватар обнажил кинжал и красиво, на встречном броске вогнал дымчатую сталь в разинутую пасть. Как только остриё достигло мозга магического монстрика, тот вспыхнул холодным пламенем и осыпался серым пеплом.

– Я ж говорил: совсем чуть-чуть.

– Ты о чём?

– Могу теперь разделять взгляд.

– Удачно. Значит, я не отвлекаюсь. За жезлом следишь ты. Вперёд!

Лабиринт они прошли. Уровень красного жезла был за компас, уровни зеленого и синего за светофоры. Карту лабиринта аватар чертил по ходу продвижения, а Блейк решал её: что делать, к примеру, когда идти надо на условный север (именно в этом направлении градиент изменения красного цвета был наиболее сильным), но там – ловушка «E2», и при этом с первого западного прохода надвигается монстр уровня «A2», с третьего восточного – уровня «8C», а на втором – ловушка уровня «50». Тут логики может и не хватить – времени может не хватить на пересчет вариантов. Тут нужна «внесознательная обработка предыдущего опыта». Интуиция то есть.

Вот так, чисто на ней, Блейк вместо того, чтобы принять бой перед ловушкой класса «F0» с догонявшей его пупырчатой жабой (класса «9A») ... Он, может, и одолел бы... Она метра на два-три выбрасывает ядовитый язык, и надо было бы успеть этот язык отсечь.

А потом жезлом – а больше нечем, кинжал – короток! – лезвием наверх жезла достать мозг через глазную впадину. Аватар давал на победу тридцать пять процентов.

Но Блейк тормозить не стал, а с разгона влетел на стенку и, пробежав по ней несколько метров, прыгнул дальше. Ловушка осталась позади (зелёная составляющая окраски жезла снизилась до «E7»).

– Ух ты, – удивился аватар, – оказывается, я уже и по стенам бегать могу!..

Блейк тогда промолчал, он подождал пока успокоится дыхание, заодно посмотрел, как жаба потолклась у того места, с которого они прыгнули, и поползла назад. В ловушку, сволочь, не полезла, не разрядила... Да и понятно, не чувствуй их монстры – давно бы лабиринт чистым стал.

На исходе четвёртого часа пришлось принять тяжёлый бой против кобальтовых крыс. «Кобальтовые» – потому что почти синие (кстати уж, в шестнадцатеричном коде – «0050AB»). Крысы – потому что действительно крысы, только размером с хорошую кошку. И было их – стандартная стая, двенадцать штук. А «пришлось» – потому что аватару требовалась еда. Менее опасных, немагических тварей не встречалось, магические после смерти плоти не оставляли, а заставлять парня голодать дальше уже было чревато. Воду они уже повстречали – родничок выбивался из одной расщелины и тут же уходил в другую, но фляжку наполнить получилось. А вот еда... Брусничка подлечивала, но... но требовалось что-то существенней. Так что – пришлось.

По счастью крысы – не слишком хорошие бегуны, получилось затащить их в длинный коридор, растянуть стаю, и восемь штук убить поодиночке. Последние четыре зажали его у ловушки – ловчей ямы, вот туда Блейк их, одну за другой и покидал. Потом залечил укусы, потом сходил к началу коридора, собрал добычу, вернулся.

– Я сырое мясо не смогу, – предупредил аватар.

– Думаю, не понадобится. Конструктор должен был предусмотреть в лабиринте какое-нибудь топливо. И думаю – это мхи. Больше потому что ничего нет вообще.

Так и вышло. Хорошо утоптаный, мох горел ровным жарким пламенем. Блейк нашел невысоко в стене лабиринта достаточно широкую выемку и под ней развёл небольшой костерок.

– Вот тебе печка.

Крысу освеживал аватар. Быстро и аккуратно. Блейк только усмехнулся, вспомнив, как он мучился с этим в реале.

– Жезл?

Аватар понял его правильно:

– «DE18FE».

«Было «D7» стало «DE»... Шестнадцатеричное «E» – это, в десятичной системе, четырнадцать. То есть за четыре часа прошли семь единиц... На границе уровня скорее всего будет «DF»... Уже рядом. Совсем рядом. Последние в коде «FE» – понятны: ловушка вон она – пять шагов. А «18», которые посередине – очень обнадёживают, монстры далеко».

Блейк огладил жезл

– Давай дальше сам. Мне тоже перекусить надо. И отдохай. Два часа на всё.

– Принято.

Как и ожидалось, на уровень красного у жезла в «DF» они вышли у стены, перекрывающей коридор. Вроде бы, тупик, каких уже было несколько. Но правый параллельный проход так далеко на условный север не заходил. А параллельный левый почти сразу круто заворачивал на условный восток – Блейк и проверять, куда он ведет, не стал, сразу вернулся, подошел, огладил стену.

– Ну, что делать будем? Начнём с нижнего левого угла? – улыбнулся он.

– Нет. Начнём с общего осмотра.

Ну-ну, однако, парень-то учится!

Аватар отошёл от стены и расфокусировал взгляд. Но нет, здесь так просто не пройдёт. Какой идиот будет ставить затвор первого уровня на третьем пороге?

– Кажется, нашёл, – поразил Блейка аватар, подошёл к стене и ткнул пальцем в неглубокую полукруглую выемку в метре с небольшим от пола: – Вот.

– Обоснуй!

Аватар молча перевернул жезл. Тот кончался точно таким же небольшим полукруглым выступом.

– Ни хрена ж себе! – не выдержал трежер. – Ты это и искал!

– Да. Всё-таки жезл – ключ.

Спорить было глупо.

– Как открывать будем?

– Нажимать неудобно – врежемся в острие лезвия. Но используя лезвие в качестве рычага, удобно качнуть влево-вправо. Вверх-вниз опять же неудобно: порезаться можно. По моему критерий ясен.

– Нет. Да, – ухмыльнулся Блейк. – Да, но с точностью до наоборот. Здесь ещё одна ступень защиты может быть. И будет она – на наиболее «удобных» жестах. Так что давай-ка начнём с того, что совсем неудобно.

Блейк вставил жезл во впадину и попробовал вдавить. Безрезультатно. Тогда он обхватил рукоятку обеими руками и нажал сильнее.

«Только б руки не соскользнули – насадишься на лезвие, как бабочка на...»

Додумать он не успел – в стене что-то мягко щёлкнуло, жезл послушно вошёл на ладонь вглубь и опять остановился...

«Что ж, дальше наименее удобное – вверх».

Потребовалось достаточно серьёзное усилие, чтобы раздался знакомый щелчок. А дальше плита неожиданно легко пошла вслед за рычагом. Блейк даже едва не выпустил его из рук.

– Давай-ка ты, – ослабил контроль он.

– Ага, – согласился аватар, – ты чего-то нервничаешь.

«Давай-давай, зануда, это как раз для тебя: минимум импровизаций – максимум сосредоточенности и рассудительности».

Аватар сделал всё, как полагалось: приподнял скалу, ослабил усилие – убедился, что плита держится на том же уровне, отпустил жезл, попробовал руками сдвинуть её вверх, потом вниз – плита не шелохнулась. Он даже не поинтересовался, что за свет такой льётся из-под плиты – не-е-е, не человек, автомат всё-таки: он продолжил работу с жезлом – опять взялся за него обеими руками, попробовал освободить – безрезультатно. Чуть поднял – плита послушно поднялась тоже. Тогда он опустил её до пола, дождался щелчка, потянул жезл на себя и после второго щелчка освободил экзотический ключ.

– Нужно решение. Войти можно, скорее всего, лишь оставив жезл в плите. А это – весь наш инструментарий. Оставляем – и идём дальше вообще без ничего? Или экспериментируем дальше – со всё более увеличивающимся риском нарваться на защиту от экспериментаторов?

– Твоя рекомендация? Что говорит подсчет вероятностей?

– Лучше идти. А интуиция?

– Тоже, – вздохнул Блейк. – Действуй.

На этот раз аватар приподнял плиту лишь чуть-чуть выше колен.

«Правильно, толстых доспехов на мне нет, туда проползу без труда, а обратно, надо будет – да хоть выкачусь. Зато, чтобы закрыть, времени много не потребуется... А если это – гильотина, выскочить в любом случае не успею».

Аватара мысли о гильотине или о многотонном прессе не взволновали – он ужом проскользнул под плитой.

Она не шелохнулась. Аватар встал. Огляделся. Присвистнул...

А трежер не удивился. У такого Конструктора так и должно было быть: после сырой полутёмной пещеры – залитые светом храмовые строения.

– А это что такое?

«Это... – Блейк не ответил. – Это... этого не может быть!»

Блейк со всех ног понесся к этому овальному полупрозрачному кокону, выделяющемуся на фоне средневековой мишуры, как шестигранная чугунная гайка среди костей и камней первобытного раскопа.

«Этого не может быть! Или у этого „конструктора“...»

– Так что это? – опять поинтересовался аватар.

«Заткнись! – Блейк вырубил звуковой канал. – И спокойно!!..»

Он заставил себя метров за десять перейти на шаг. Он уже видел светящиеся панели экранов. Ну!...

Он положил ладонь на рукоятку замка. Потянул.

Сердце колотилось так, что заболела грудная клетка. Дверь послушно отъехала в сторону.

Да так ведь реально сдохнуть можно! Может, успокоительное? Какое там успокоительное – конструктор отлучился, может, только на полчаса...

«„Что это?“ – это ты всё равно не поймёшь – это КВП, „капсула визуального программирования“. И за то, что он сейчас сделает – вообще-то должны вышвырнуть с Даяны. А потом сообщить на Землю, и вообще навсегда выпереть из геймерного раздела Сети. „Черное программирование“ это называется». И делается оно так:

– — Первое! Копировать состояние! Название копии – «исходное».

– — Выбрать объект. Выделяем любой объект в капсуле, а потом – уровень выше, ещё выше. Ещё. Вот – имеем капсулу.

– — Копировать всё.

– — А теперь – ещё выше, выше! Вот он – лабиринт. Ещё выше! Сетка проходов. Ещё! ... а вот и нетушки... Конечно, какой конструктор – пацан зелёный он, а не Конструктор! – какой пацан такая и капсула. Она у него охватывает только систему Храма. Значит, думаем, куда. А вот сюда, недалеко от входа... Вот в этом тупичке.

– — Вставить как... да пусть как «kvr0»!

– — За-мас-ки-ро-вы-ва-ем...

– — И мы люди не гордые, шика оставить безнадзорную капсулы себе не позволяем...

Ладонь – сканировать!

– — Допуск по живому скану! Есть.

– — Теперь мы сами... Журнал инвайдеров... Вот... Вот он я. О, четвертый уровень! Дальше, дальше, в самый конец! А этому тебя, глупый мальчик, или тебя дура-девочка, вряд ли учили. Вам вдалбливали, что журнал этот – в режиме строго «только для чтения». А то, что вот тут, если провалиться на три уровня ниже, среди кошмара опций есть одна, незаметненькая – тебе не рассказали... Вот её-то мы и включим. И поработаем... Главное – находим позу, когда он вставил жезл... Запомнить её как... как «поза 0»! Ну и ещё пара мелочей... и теперь таймер – включить возобновление по таймеру.

– — Сколько я здесь? Сколько времени прошло с момента активизации врат? Ах, да: «Комментарии на экран»! Сколько? «Около восемнадцати минут». Точнее! «семнадцать

минут сорок восемь секунд... сорок девять...» Сколько отсюда до двери небыстрым бегом? «Сто семьдесят четыре секунды». Точность? «Плюс-минус секунда». Жестче сможешь? «Плюс-минус 0,5 секунды». Отлично!

- — Значит последнее. Копировать объект. И выделяем себя. Запомнить образ!
- — Вставить образ в «kvr0».
- Есть!

И всё. Теперь внимание! давай посекундный отсчет от двухсот десяти!
На экране вспыхнуло 210! 209! 208...

- — Проставить время на журнале, сбросить опцию в «по умолчанию», журнал – закрыть.
- — Последнее: состояние – вставить «исходное»!

И оглядеться...

Нет, я был аккуратен, я ничего не трогал, ничего не сдвигал, ничего не пачкал. Аккуратно закрыть дверь. И – на выход.

Когда оставалось двадцать секунд Блейк уже опустил плиту и вынул жезл. По счету «пять» опять вставил его. Скомандовал: принять «позу 0» А когда вспыхнуло «ноль» на таймере, резко дёрнул жезл вправо... Хотел ещё и влево, но не успел: две арбалетные стрелы с двух сторон проббили горло.

- Выгоню, нафиг!
- А что скажешь уважаемому мистеру Коллинзу?
- Что бросить капсулу незаблокированной – это уж совсем ума лишиться! А если б какой инвайдер...
- А его любимый племяш скажет, что до возможных инвайдеров – три уровня лабиринта, долина с тигрозабрами и сто километров горных троп.
- Сейчас я посмотрю, сколько там до «возможных инвайдеров»...
- ...Ни-че-го-ж-се-бе...
- Вот именно. На последней ловушке парень спалился. Всего полчаса назад. В ста пятидесяти метрах от капсулы. Нет, точно выгоню. Даже у уважаемого мистера Коллинза есть не менее уважаемые его не уважающие. Тут он за родственничка вступиться не посмеет.
- А кто будет доделывать моё капище? Ведь это же теперь срочно. Парень-то сразу после перерегистрации опять сюда ползет!
- Найду кого-нибудь.
- Ты уже недавно искал – шесть недель искал! Да и пока новенький в контекст войдёт... Думаешь у этого артсмена документация в порядке? Ты думаешь есть хоть какая-нибудь документация?! Прошу, не трогай его пока – пусть доделает, а? Ну ведь талантливый парень!
- Талантливый?! Бездарных на Гессе не держат! Но *Гоблин* и есть гоблин! Это он на форумах талантлив, а здесь работать, понимаешь – вкалывать – надо! Сидеть вот в этой камере шесть, – как минимум! – шесть часов каждый день и прописывать лабиринт, разрисовывая каждую его ветку. А он... Он опять... Знаешь на что теперь больше времени тратит?!
- Проблема ИИ – искусственный интеллект...
- Вот-вот, а добьётся он, такой талантливый, чего-нибудь с этим «искусственным», и ты первая «порекомендуешь»... Как там у вас? *«Данная тема может нести угрозу человечеству, как биологическому виду. Настоятельно рекомендуем изучить внутреннее законодательство, а именно пункты 3.01 – 3.99 „Закона о человечестве“.* Особенный интерес

для Вас будут представлять пункты 3.61 – 3.79. В случае принятия правильного решения Ваш уровень социабельности будет повышен».

– Хорошо ж ты запомнил номера...

– Программисты их наизусть знают: есть у нас вид спорта: сорвать 3.61. Мне вот так социабельность повышали трижды.

– Знаю. «Вид спорта», говоришь? Тяжело пришлось?

– Полтора года жизни, если в совокупности, полтора года работы! Не хочу об этом. Зато вот – ведущий программист проекта. На Гессе!

– Оно того стоило?

– Слушай...

– Всё, больше не буду.

– И правильно. Лучше скажи: чего ты за этого-то вступаешься?!

– Ещё раз: мне капище нужно. А уважаемый мистер Гоблин... Ну, запротоколируй это вопиющее нарушение правил текущего программирования, ну, взгрей... Но сначала найди ему сменщика, сначала пусть сменщик поймёт, что здесь к чему. Сначала!

– Черт с тобой, уговорила, – мужчина только зубами не заскрипел. – Ладно, тебя я сюда провёл, осматривать это безобразие у меня сил нет, я пошёл. Список замечаний оставишь этому придурку. До встречи!

– Спасибо. До встречи!

Но женщина в форме КОМКОНа, оставшись в одиночестве, не пошла разглядывать «своё капище». Она опять вывела на экран «журнал инвайдеров», выбрала ветвь «Блейк»:

«19—23 – капище, третий уровень, выход к выходным вратам.

19—23 – осмотр врат.

19—25 – отдых.

19—47 – начало работы с жезлом.

19—49 – активирована ловушка ключа.

19—49 – смерть».

– 19—47, визуализация! – потребовала женщина

На экране Блейк осмотрел стену, улыбнулся, снял жезл, погладил его полукруглый торец, вставил и навалился на него, пытаясь сдвинуть влево. И упал с двумя арбалетными болтами в горле.

– 19—47, журнал – по секундам! – последовал новый запрос.

Женщина внимательно просмотрела документ, покачала головой.

– 19—47, журнал – по миллисекундам!

Теперь страница журнала на экране не помещалась. Но того, что уместилось, ей хватило.

– Вот, – удовлетворенно пробормотала женщина. И выделила:

«19—47—50,367 – работа с ключом

19—47—50,368 – работа с ключом

19—47—50,656 – работа с ключом

19—47—50,657 – работа с ключом»

– Кажется, я знаю, где ты пропал эти почти три десятых секунды, – улыбнулась она, – точнее, как ты «отдыхал» предыдущие двадцать две минуты, – и убрала журнал с экрана.

7. Месилово

Когда Виолетта Несторовна услышала, что танцкласс у Татьяны ведёт Вера Эшли Инютина, она даже не поверила:

– Верочка Эшли?! У вас? В КОМКОНе?

– Бабушка, ты её знаешь?!

– По сцене, внученька, по сцене... Она танцевала в Большом театре... Помнишь, я рассказывала, как твой дед проводил меня туда?

– Мне папа говорил, что это апокрифы, студентам пробиться туда невозможно.

– Невозможно, – улыбнулась бабушка. – Однако, со мною, ради меня он пробивался.

– И что Вера Эшли?

– В солистки выйти ей не пришлось.

– И всё-таки ты её помнишь? до сих пор?

– Танцевала она, конечно, хорошо – ну, в Большом же выступала! – но те, которые были солистками, которые солистками стали – танцевали ещё лучше. Вот только Верочка... Видишь ли, когда она прыгала... – Виолетта Несторовна улыбнулась далёкому воспоминанию, как улыбаются... Таня поискала определение и нашла: как улыбаются воспоминанию о далёком счастье. – Специально под неё делали хореографию. Она в воздухе – жила, она с воздухом баловалась, и воздух баловался, воздух смеялся с нею! И они вдвоём словно смеялись над нами – над сухопутными. А нам обидно не было. Нам только, больше, чем обычно, мечталось летать... С ними – с нею и со всеми, влюбленными в неё восемью ветрами всех восьми сторон света.

Представить, что эта невысокая, темноволосая, худящая дама полвека тому назад была любовницей ветров было просто: такие изысканные движения, такие точёные позы... такая аура абсолютной свободы!

Даже, когда она, вот как сейчас, просто принимала ежедневный... да чаще – для группы бывает и три раза на дню... ритуал выбора. В группе на сегодня – тридцать один человек. Танцуют парами. Оставшийся не у дел получает штрафное очко. По итогам семестра последний по баллам покинет Академию. Очко – это немного, но их не стоит накапливать...

– Итак, Яценко, твой выбор.

– Надежда Азалина!

Кажется, Азалина, как всегда, отказавшаяся выбирать сама (а сегодня так и отказавшая уже двоим её выбравшим), – не сомневалась в выборе Стаса. Впрочем, и для остальных таковой не был неожиданным, неожиданным был её ответ:

– Нет.

– У нас не состоялся выбор? – удивилась наставница. – Как интересно... Что ж, штрафные очки получают трое. И повторим процедуру. Теперь в обратном порядке. Яценко, начинайте.

– Надежда Азалина!

– Нет!

– Хольт?

– Надежда Азалина.

– Нет!

– Мда...

– Анастасия Ушакова?

– Хольт.

– Да!

- У нас опять остаются трое... Итак, Азалина?
- Я отказываюсь от выбора.
- Объяснись!
- Меня попросили дать ему шанс. Я – даю.
- Но ты же отказываешь! – почти закричал Стас.
- А соглашаться – я не соглашалась! – почти закричала Надя.
- Да как же это?! – задохнулся Стас.
- А вот так, мальчик, – хмыкнула бывшая любовница дюжины ветров. – Третий тур.

Невыбранным – штраф в двадцать баллов. Надежда?

- Я отказываюсь от выбора.
- Ященко?
- Азалина!
- Азалина?

Надежда сжала зубки. Все смотрели на неё, она смотрела в пол, и никто не заметил, как Татьяна, что-то шепнула Стасу.

- Вера Эшли? – позвал он.
- Да?

– Пожалуйста, дайте Наде пару минут. А пока, пожалуйста, дайте характеристику танцу. Вашу характеристику. Пока она... Пусть она... Пожалуйста, – в третий раз повторил он.

Вера Эшли недоуменно посмотрела на мальчишку, потом... А потом улыбнулась:

– Согласно плана занятий, у нас сегодня танго, – она тряхнула ладонью, словно отмахнулась от канцелярщины. Вдохнула, улыбнулась – будто вспомнила юность, вспомнила про любовь и любовников, и продолжила: – Танго – для девушки это искусство движением, танцем сказать «да», твердя – каждым новым па, каждым очередным жестом! – твердя: «нет», «нет», «нет»... – она окинула взглядом строй, в нём раздались первые смешки, – не считите за намёк. Итак, девушка... Азалина то есть, твой *очередной* ответ?

Теперь хихикали все.

Кроме Стаса.

Надежда VI оторвала взгляд от пола, набрала в рот воздуха, все уже почти услышали *очередное* «нет», но она только рассмеялась, махнула рукой и пошла к Стасу.

– Кажется, оно означает «да», – улыбнулась наставница.

В перерыве перед следующим занятием невыбранная, просидевшая все танцы у стенки, Валерия Ингрэм решительно подошла к группе Рыжей Розы.

- Ты, – она ткнула пальцем в сторону Надежды.
- Я, – процедила Азалина.

Мария с Вероничкой обернулись, Серж сделал шаг вправо, Пит – влево, и перед Лерой оказалось полукольцо.

- Ты должна мне.
- Я?! И что же?

Как-то незаметно за спиной Леры вырос Хольт, рядом образовалась Настька...

В своем кружке Стас оглянулся и на полуслове оборвал разговор. Татьяна вдохнула и чуть развела руками.

«Ну, началось...», – поморщился Пётр, переглянувшись с Дэном, но Зинаида положила ему руку на запястье. Он смолчал.

- Так что же это я тебе должна? – поводила языком по верхней губе Наденька.
- Двадцать баллов.

– Нет.

– Слушай, Азалина! – пожалуй, из парней только красавец Давид рисковал намекать ей на её происхождение, и он уже стоял вплотную – плечом к плечу, с Валерией. – Это ж из-за твоего вытрахона Лерка влетела!

– Нет, – повторила Надежда, опять поласкала верхнюю губу, а за мгновение до следующего его выкрика, закончила фразу: – девятнадцать.

– Да, – облегченно выдохнула Валерия. – Один балл, он чисто мой. Принимается.

– Нет, – вмешался подошедший Стас, – не Надежда – я. И я компенсирую.

Наденька опять проявила язычок:

– Тогда уж и мне – два балла.

– Нет, – сумел выдавить из себя Стас.

– А-за-ли-на-а... – почти пропела из-за его спины Зинаида.

Нет, это был не шелест вынимаемой из ножен катаны: в её голосе не было никаких эмоций, только тщательно артикулированный звук – пожалуй, так катану ласкает шёлк! Никто ни к чему не мог придраться. Даже Азалина. Даже Стас.

Они и промолчали.

– Ну, не скажу, что она – самая умная из вас, она... Она – самая предусмотрительная. Помнишь, как она у вас оказалась? Вас же попервоначально было четверо. А потом...

Вода лилась на голые плечи, на голые тела... Просторная душевая была пуста, и только эти двое всё копошились в мокрых волосах друг друга...

– Потом она помогла Питу на тесте по этикету. И следом, на заплыве – увязалась за ним, однако, темпа не выдержала и сошла бы с дистанции – то есть, вылетела бы вообще! – но он её поддержал. Скоро мы группой догнали их, устроили ей передышку, она выплыла. И, как-то по факту, осталась с нами. А потом на ленте сорвалась Вероника. Парни бы её бросили. Одна бы я их не остановила. Но Надя без тени сомнения, без малейших колебаний начала со мной работать. На них она даже не взглянула. Они пару шагов прочь всё же сделали, но вернулись. И волосы мои использовать – тоже придумала она.

– Не страшно было?

– Надежда в школе воздушной гимнастикой баловалась, а в цирке с волосами – привычный трюк. Она всё сделала правильно. Она... она была уверена. Она была спокойна и уверена. И я ей поверила.

– К нам она ещё перед этикетом подкатывала. Но уж больно наши мальчишки на неё облизываться начали... Я бы, может, и подумала, поприкидывала варианты: всё-таки иметь в группе кого-то из Семьи... Но Зин ощерилась, и мне пришлось поддержать подружку-самурайку. И теперь вспомни: сколько тогда групп образовалось на потоке? А сколько уцелело? – мы и вы. И к кому она подкатила? К нам и вам. У вас же была гендерно сбалансированная четвёрка – втёрлась!

– Она с самого начала дала понять мальчишкам, что для них она... не кавалеры. И это она начала звать их «братьями».

– Ага, значит, урок впрок пошёл. И как быстро... Однако, вот, если бы намеренно вы сорвались со стенки – мальчишки бы тебя бросили, но она для них всё равно осталась бы «сестрой». И она тогда бы – сегодня уже! – оказалась с нами... И тоже – «как-то по факту».

– Ты считаешь её потенциальной предательницей?

– Азалину VI – предательницей?! Нет, конечно. Ты слышала хоть что-то подобное хоть про кого-то из шести поколений Семьи? Да что ты! – *«если тебе кажется, что с тобой поступили не по закону – пишешь обращение в профсоюз, если тебе кажутся несправедливыми законы – обращаешься в КОМКОН, а если случилась катастрофа, и не веришь никому – пробивайся к Семье!»*. И это знают все. Их можно не любить, над ними можно

посмеиваться, но не верить им нельзя. – Таня помолчала, ещё раз продумала и подтвердила: – Нет. В вашей последней ситуации виновата была ты. Только ты. Ты – не справилась. Ты, лидер, едва не разрушила группу. А она... Сегодня она всё равно могла бы уйти – не ушла. Осталась.

– Тогда что? Ей просто нельзя открывать спину?!

– Я бы спину ей подставить не рискнула... Но я – противник, почти враг. А вот ты... да и вся ваша Роза... Как это ты только что говорила? – «я поверила ей». Вот и верь. Больше советуйся с ней – доверяй ей. Но добивайся от неё не намёков – предложений. И вслух! Пусть она отвечает за них... И если ошибётся – тоже.

– Знаешь, а ведь она меня предупреждала... – Мария рассеянно погладила зубками нижнюю губу. – Косвенно – именно, намёком... Но я психовала и не вняла. Она редко ошибается...

– Потому что редко предлагает. Знаю я таких...

– Сама такая? – усмехнулась рыжая. – Ладно, хватит о нас. Как вы с Леркой-то будете рассчитываться?

– Ерунда. Завтра... завтра мы с ней рассчитаемся. Почти.

– Помочь?

– Тогда будет не «почти», будет – с лихвой

– Тебе жалко?

– Для Леры? Нет.

– Ну, и что делать?

– А присоединяйтесь!

Мария раздвинула рыжие волосы, раздвинула светлые, подтянула лицо блондинки почти вплотную к себе, всмотрелась в смеющиеся глаза. Татьяна, молча, позволяла ворочать собой.

– Промолчишь и ничего не скажешь, – резюмировала Машка. – Ну, как можно быть такой хитрованкой?!

– *Уже завтра? – хмыкнула майор.*

– *И что же это у нас завтра? – задумался капитан. И тут же понял. Майор поняла тоже.*

– *Вот же стерва, – пробормотала она.*

– *Бедная Валерия... – пробормотал он.*

Девушки называли это ежеквартальное действо «гонками с выбыванием», парни – «месиловом». Стандартная дистанция в три километра, но к штрафным очкам за потраченные секунды добавлялись/отнимались очки за нанесённые/пропущенные/выдержанные удары, за выигранные/проигранные единоборства, и штрафовалась, очень жёстко штрафовалась любая помощь на дистанции. А больше не штрафовалось почти ничего. Ну, месилово оно есть месилово. Недаром больше в этот день занятий не было: почти все курсанты заканчивали его в биованнах. Разница только в том, что одни до них добирались сами, а других транспортировали на носилках.

На первых «гонках» Розы пришли к финишу в лидерах и в полных составах, но по результатам подсчета очков обе оказались в конце списка. Даже хуже: за концом списка.

Перед вторыми – и те, и другие засели за компьютеры, ввели в них правила и гоняли, гоняли варианты... Выигрышной стратегии для группы не нашли ни те, ни другие. На старте, от греха подальше, и те и другие просто разошлись по фронту старта, насколько можно, и старались не обращать на друзей внимания. Результат всё равно оказался неутешительным:

из пяти девчонок двух Роз до финиша добралась только Мария, да и та схлопотала тяжёлый штраф за «не удар» Пита. А Пит, соответственно, – за полученную помощь: его, уже почти на финише, завалили, причём, прямо перед ней. Она имела все возможности добить, но рука не поднялась. Точнее нога. Не опустилась. Мария через него перепрыгнула.

Для Белой Розы подсчет очков оказался ещё более суровым. У них до финиша добрался лишь Стас.

По результату и те, и другие устроили мозговой штурм и пришли к аналогичным выводам: «месилово» – один из тестов, предназначенных подравнять шансы одиночек против групп. Выигрышной стратегии для них в нём нет. В конце концов, одних было пятеро, других – столько же, а против – все остальные. Впятером против двадцати пяти одиночек держаться можно уверенно, а вот в одиночку...

Лерка красавицей не была. На дорогую пластику в семье денег и близко не хватало, а дешёвая – её кожу не спасала. Да и голова у неё была великовата, и черты лица – резкими. Раньше всё это хоть как-то скрадывалось пышной прической, воронными отсветами чёрных волос, но ей на вступительных тестах очень прозрачно намекнули, что либо/либо. Либо она – с лысым черепом, либо – домой. Волосы у неё росли быстро, и она решила, что пару месяцев перетерпит. Но в середине семестра майор вызвала Лерку к себе и так пропела: «Вале-ерия», что стало ясно: без гадости не обойдётся. И не обошлось. В «дроттуар» она вернулась после отбоя и опять лысой. А там обе звезды «роз», выделяваясь друг перед другом, опять вычёсывали свои гривы! От истерики она тогда удержалась только чудом.

В разно-гендерном выборе ей везло реже других. К счастью, тот был сравнительно редким, а в равно-гендерном: в единоборствах разных, и, тем более, в командном – ею не брезговали. Выбирали и пораньше прочих. Сильный игрок нужен всем.

В танцах же и прочем подобном... До вчерашнего «урока» её часто выручал Стасик Яценко...

Сегодня на старте «гонки с выбыванием» он встал неподалёку. Остальные из его группы пристроились рядом. Опять решили попробовать начать вместе? Не поможет. Лера как-то очень плотно посидела с компьютером – им не поможет ничего. Шанса притормозить обеих «роз» из остальных не упустит никто. Она в том числе. Помогать друг другу нельзя, а десяти одиночкам не справиться с толпой, особенно, когда цель у толпы – эти одиночки. Как там, на вступительных вещала эта папенькина-маменькина дочка? «Всё, что не запрещено – разрешено. Всё, что разрешено – в рамках правил». Вот и получишь – строго по рамкам!

А где ж аристократка-то наша? О, и вся Рыжая Роза – тут же. Что ж, привет! – это есть хорошо. У вашей Надежды всё сегодня будет безнадежно. Потому что своим аристократизмом ваша девица достала уже не только Леру. И раз на старте она рядом – то прямо со старта всё для неё и начнётся.

Леру не насторожило, что Белая Роза расположилась слева от неё, а Рыжая – справа. Кто их знает, может, они решили разобраться друг с другом, набрать очки друг на друге, пока не вмешались остальные. Остальные её не интересовали. Она прикидывала, где пересечется её личная траектория с траекторией «Наденьки».

– На старт!

Да все и так уже стояли на линии.

– Внимание! – что-то в голосе куратора заставило Леру отвлечься от пересчета вариантов, она оглянулась, она встретилась с ним взглядом, она увидела, как он сжал кулак: «Держись!» – прочитала по его губам. И улыбнулась ему: ей-то что – она выстоит.

– Пошли... – махнул рукой Дмитрий Олегович, отвернулся и неспешно направился к глайдеру.

Три километра мастера пробегают за восемь минут, Лера на обычной трассе укладывалась в девять с половиной. По условиям «месилова» штрафные очки начинали капать после двенадцатой. После двадцатой счетчик вставал. Дальше просто сорок минут ждали всех, кто дойдёт. Лера оба прошлых раза в зачётную дюжину укладывалась. И сейчас намеревалась уложиться тоже. Связываться с ней желающих было немного, а желающим – из тех, кого она бы не желала – так её ещё и догнать надо было. Вот такие для нежелательных желающих были жёсткие граничные условия!

А Надька саданула со старта. Почуяла, коза, к чему дело идёт. Валерия пошла на перехват. Она её достанет. Она одна из немногих, кто может достать на дистанции эту длинноногую. Она её догонит и подсечёт ноги. И особо уж задерживаться не будет. Только раз заедет ногой по точёному личику и побежит дальше. Остальное доделает остальная толпа.

И тут ноги подсекли ей. Стас – один из немногих, кто мог её достать на дистанции. И он особо не задержался – заехал ей ногой по рёбрам, крикнул: «В оплату!», и помчался дальше. Остальное доделала толпа. Даже две. Две небольших толпёнки из двух разномастных «роз». Лерка даже успела вскочить, успела даже от души заехать в морду элитной блондинке – вот же сопля, тоже в драку полезла! – но что можно противопоставить медведю Петру?! Секунд десять она таки продержалась... А потом минут несколько валялась без сознания... А потом минут несколько уговаривала себя встать. Уговаривала, уговаривала... Нет, не уговорила бы. Но тут мимо проплелась чуть раньше очухавшаяся Белая Розочка. С очень синим фингалом под глазом. И ведь не просто проплелась, гадючка, а проходя мимо, ещё и заехала ногой по рёбрам. По тому же самому месту. Вместе они со Стасом отрабатывали этот удар, что ли?!

Вот тогда-то Лера и поднялась. Танька оглянулась – перешла на рысь. Лере пришлось тоже. Догнать никак не получалось. Точнее получалось – но других. Которые брели, которые сидели, которые валялись. Сил на активные действия, дабы заработать хоть какие-то плюсы, уже почти не было: очень хотелось догнать долговолосую и уж с ней... Та тоже не разменивалась, наверное, ей тоже очень хотелось... Удрать ей хотелось. Так они вдвоем до финиша и дорысили.

На финише первым её встретил Стас:

– Дошла! Ты всё-таки дошла!

Предатель не заметил, что неосторожно переступил через финишную черту и оказался в боевой зоне. Вот всё, что у Лерки осталось, всё, что Лерка сберегла, она в удар и вложила.

Ночь в «дроттуаре» Надя провела одна. Остальных девчонок из медкорпуса – кого из биокамеры, кого из-под капельницы – не выпустили. А она...

На «гонках», увлёкши за собой Леру и воспользовавшись свалкой вокруг неё, она сразу набрала приличную фору, да и потом... Помогать Лерке дураков не нашлось, все помнили про штрафы и понимали: та не простит, но наглядевшись на избиение, два десятка одиночек потом остервенело погнались за разрозненными «лепестками» обеих роз, Петра, к примеру, «отмесили» вчетвером. А Надежда, не обращая ни на кого внимания, бежала себе и бежала. Следом за ней шёл Стас. Наверное, мог бы и догнать, но... но догнали его. И притормозили. Он еле вырвался.

Финишировала Надежда первой. Без боевых очков, но и без штрафов. Место в середине списка это гарантировало. То есть плюс десяток, а то и дюжину позиций по сравнению с прошлым забегом. Неплохо.

А казарма ночь простояла вообще пустой.

Утреннюю разминку, по «неслепому жребию» выпало проводить Сержу. Мария перехватила кривую усмешку Татьяны, ничего не поняла: в голове стимуляторы играли в дого-

нялки с витаминами, и в прятки – с регенерантами. Она посмотрела на свою «самую предусмотрительную» и встретила её жёсткий взгляд. Одними губами спросила:

– Что?

Надежда ответила внутренним жестом группы: «Тревога!!»

– Пит! – негромко позвала Мария некстати отошедшего парня.

– А? – отозвался он, подошел, потёр голову. – Ну как с перепоя. Не пойму, чего и хочется-то: то ли в койку ещё минут на шестьсот завалится, то ли морду кому начистить...

– Больше не отходи.

– А что? Что будет? Что ещё может быть? После вчерашнего-то?

– Что угодно, – тихо ответила Надя.

– Так, – Мария ей поверила. – В случае чего первым делом прорываемся к Сержу.

– Я его предупрежу, – двинулась вперед Вероничка, но не успела.

– Группа, к старту! – скомандовал он.

От повторного месилова отряд спасла Надежда Азалина VI.

Когда после не очень смешной шутки Сержа над Леркой, он пропустил удар сзади от Хольта, остальные не успели добить его – Рыжая Роза раскрылась и закрылась, а впятером против двадцати стоять можно. Особенно, когда в тылу у двадцатки распустилась ещё одна, готовая выбросить колючую плеть Роза – Белая.

И вот тут-то Наденька обратилась к оскалившейся, к наконец-то, почувствовавшей за своей спиной двадцать друзей, Лерке:

– А знаешь, почему они – с тобой? Они не поняли, что это мы с тобой так расплатились. Честно расплатились. Они думают, что мы тебя пытались сломать. Они озверели, потому что уверены: мы едва не сломали тебя. Едва-едва, – она надменно улыбнулась, улыбнулась так, что все шесть поколений Семьи иззавидовались бы. – Ты тоже *так* думаешь? – и замолчала.

А Лерка молчала недолго. Она обернулась к остальным:

– Так это, что ли, вы меня... Вы меня – пожалели?! Да?!

И в ответ на их молчание, подошла к выставившей все колючки наружу Рыжей Розе, растолкала их, и встала плечом к плечу между ненавистной Азалиной и скотиной Сержем.

– И что теперь? – аристократка улыбнулась толпе.

Пауза накопиться не успела. Почти тут же вперед выступил Давид:

– Ну, ты, Азалина, даёшь! Нет, учиться ещё и учиться... Учиться и учиться... Всё! Расслабились. Серж, Хольт – между собой вечером разберетесь! А у нас разминка кончается! Серж, хочешь в штраф влететь? – командуй!

– Горгиладзе, – разулыбалась Наденька, – я разрешаю тебе поцеловать себя.

– Куда? – разулыбался Давид.

– А ты куда хочешь? – заинтересовалась Наденька.

– Мне это тоже интересно, – заинтересовался пробившийся к ним Стас. Вот только он не улыбался.

А Давид улыбку гасить не собирался. Он встал перед Надеждой на одно колено:

– Дозвольте кончики пальцев.

– Дозволяем, – опередил Надежду Стас.

И она посмотрела на него. Смотрела долго, секунд десять. И улыбнулась.

Позже Стас понял, он долго вспоминал и понял: ему она улыбнулась впервые. Нет, она часто улыбалась и смеялась тоже – бывало. Доставалось и ему, и над ним, но так же, как вот только что Лерке: от всех тех шести поколений. А лично – только от неё, только ему – в первый раз. Ему – в первый.

– Дозволяем, – подтвердила она.

Как же им всем досталось от кураторов... И Белой Розе – за риск развала отряда, и Рыжей – за то, что позволили использовать себя втёмную, и остальным, за то, что опять повелись на провокацию Роз, и персонально Давиду: тебе-то не стыдно, что тобой девчонки вертят?! А ты, Валерия?! Ты что не поняла: как только дошла до финиша, сразу все «пропущенные» удары стали «выдержанными»? Да, там, на финише подсчитать результат ты была не в состоянии, но сегодня-то, что мешало тебе утром хоть приблизительно прикинуть результат? Понять, что по сравнению с прошлым пробегом ты набрала дополнительно чуть более двадцати баллов?

– Я прикидывала.

– И не соотнесла это с суммой долга?!

– Я... – но Лерку ошарашило другое: – Но, значит, они там, в месилове – *помогли* мне?

– Они вернули долг. А в гонках, избить до потери сознания – явно не в помощь.

– Вернули?! Но я же... если бы... я... я же едва-едва...

– Да. Не пожалели они тебя. Но ты же терпеть не можешь, когда тебя жалеют! Так?

– ...да.

– О, кажется, Валерия задумалась... Полезное действие! Вот и подумай: так ли плоха – жалость? Только ли она – унижительна? И это не риторические вопросы. С тебя – реферат: «Что такое жалость». Ещё на пять баллов. И в минус, если не сможешь – тоже! Срок – неделя.

– А для остальных, – подхватила Вера Игоревна, – тест сейчас. Всю Галактику обошло видео целующихся родителей нашей исключительной блондинки. Лично я его видела в таком варианте:

– — прогуливающаяся вдоль линии приборя своего острова Екатерина Одоевцева;

– — знаменитая сцена у фонтана из «Тёмного меда»;

– — эпизод из интервью Одоевцевой, где она со вздохом сожаления объясняет: «... я никогда не позволяла Валерке целовать мне руки. Никогда»;

– — и наконец, те четырнадцать секунд в отеле «Под Землёй».

Как вы знаете, в том или ином варианте видео собралось более миллиарда просмотров. Выставивший его в Сеть обогатился. Сами понимаете, что весомый куш получили и, так сказать, «актёры» – их авторские права неоспоримы. И вопрос ещё, на чём Стехов заработал больше: своим двухлетним трудом над «Диким медом» или за четырнадцать секунд в дорогом ресторане, просто целуя руки своей жене. И вся Галактика теперь гадает о том, кто провернул эту небольшую аферу: сам папарацци? мастер-шоу Стехова? гениальный режиссер Стехов? Зелёный Канал? КОМКОН?

Группа поняла, что раздача слонов закончилась и зашевелилась, зашущукала...

– Ушакова!

– Я!

– Это может быть какой-нибудь случайный папарацци?

Всегда забавно было следить, как Анастасия обнаруживает в себе способности к анализу:

– Нет, – удивилась она.

– Почему?

– Так это ж «Подземелье»! Какие ж «случайные» – при тамоших-то ценах!

– Стехова!

– Я.

– Это могут быть твои родители – вместе или порознь?

– Нет.

– Сама поняла?

– Бабушка помогла... – нехотя призналась Таня.

– Продолжим. Почему не отец?

– Бабушка подсказала: это не его стиль – не его ритм, не его скорости: придумать он мог, но осуществить – нет. За сутки не успел бы.

– Почему не мать?

– Она же ведущая шоу, а не актриса.

– Поясни.

– Актриса должна заставить зрителей поверить, что о них она – ни сном, ни духом, а ведущая – наоборот. Мама не может не видеть камеру. Она не сумела бы сыграть. И на видео хорошо заметно, как мама на четырнадцатой секунде почувяла камеру, а на шестнадцатой – уже нашла оператора.

– Горгиладзе!

– Я.

– Это может быть их Канал?

– Выходит, нет...

– Почему?

– Ну, там же боссы тоже наверняка знают об этой её особенности... Так что сговариваться с ней они не стали бы и пробовать, а сыграть её в тёмную... Это ж какой бы ей повод для скандала!

– А ей скандал нужен?

– Не помешал бы.

– Поясни зачем.

– Так переподписать контракт – пока родной муж числится гением!

– Азалина!

– Я!

– Отвечать только на вопрос: это может быть работой КОМКОНа?

– Нет.

– Почему?

– Слишком топорно, – спокойно ответила Надежда.

«Тоже догадалась. И давно», – поняла Татьяна.

– Обоснуй!

– Например, оператора не перехватили только чудом. Я бы и то придумала что-либо поинтересней.

– А теперь вопрос не к тебе. И не к тебе, Стехова. Давид, и ты помолчи. Итак, тогда что же это такое было? Подсказка: кто от всего этого выиграл ещё?

Молчание было недолгим:

– Ни хрена ж себе!... – озарило Анастасию: – Это же классическая вирусная реклама!

– Чья, Настя?

– «Подземелья»! Они того папарацци из комплекса и выпустили!

– Плюс три балла, – улыбнулся Настьке наставник.

– Минус балл, – ядовито улыбнулась наставница. – А за следующего «хрена» получишь два. Потом пять.

...А когда подсчитали все плюсы-минусы, выяснилось, что помимо Анастасии, помимо Валерии, больше, чем Валерия с Анастасией вместе взятые, от всей этой бучи получила юная Азалина VI.

– Учиться и учиться, учиться и учиться, – пробормотал на озвученный результат Давид. И все вокруг почему-то начали хохотать.

– Ты, в самом деле понимала, что ещё чуть-чуть, и отряд... Двадцать против десяти... В оголтелой драке... Как в последней... И победителей не осталось бы – отряд бы расформировали.

Пустая душевая, шелестящий звук льющейся воды и две голые девчонки под одной струей воды.

– Самой страшно стало.

– Тогда зачем?

– Показалось, другого выхода нет. Не видела я другого выхода.

Мария промолчала. Не понимала она Татьяну.

Ни она, ни мальчишки, ни Вероничка – не видели они тупика. А как они после «анализа текущей ситуации» ругались! Как костерили и втравившую их Татьяну, и не остановившего её бугая Петра, и так быстро свалившего Стаса, и слишком рано свалившегося Дэна, а уж эта самурайка!... Пит рефлексивно потёр челюсть... Да что, Пит – ругались все.

Молчала только Надежда. И Мария оборвала парней:

– Подождите. Надь, а ты что молчишь? Считаешь, они поступили правильно?

– Не знаю, – тихо ответила она. – Я бы так не рискнула... Не решилась... Но...

– Но?..

– Но лучше уж так, лучше – раньше, лучше – жёстче, чем опоздать, чем безвозвратно опоздать.

– В чём?

– Слушайте, давайте потом, а?! Лучше скажите: что же мне теперь со Стасом делать?

– А что, он тебе совсем не нравится? – не поняла Вероничка, – Так откажи ему следующий раз! Прилюдно. Резко. А в случае чего – мордой об стенку. Мы прикроем.

– Отказать – не вопрос, – хмыкнула аристократка. – Это я умею. Вопрос: а что потом мне делать с собой? Тоже – прилюдно и резко? Об стенку мордой? И как потом? Потом прикроете?

– Стоп! Ты что? – вдруг всё поняла Маша: – Влюбилась?!

– Нет. Ещё. Кажется, – в три предложения произнесла три слова Надежда.

– «Ещё»?! – сверкнул белками Пит.

– «Кажется»?! – оторопел Серж.

– Кажется, ещё нет, – явно вслушиваясь в себя, повторила девушка. И подвела итог: – Вот вляпалась!..

А потом улыбнулась. Вероничка с Машенькой переглянулись. Они обе, одновременно, вспомнили улыбку Веры Эшли, ту самую – перед тем, как бывшая балерина выдала свое определение для танго.

«Как же воспоминание о счастье похоже на его предчувствие!» – подумали девушки.

Надежда посмотрела на одну подругу, на другую... И девчонки, не сговариваясь, в шесть рук обнялись.

Пацаны переглянулись тоже. У обоих в голове тоже вертелась одна и та же классическая фраза: «нас на бабу променял?» Хотя где здесь-то эта самая «баба»?!

Посвящать Танюшку в сердечные дела Мария не собиралась, она собиралась вытрясти из неё объяснения.

– Говори! – потребовала она.

– Да всё очень просто. В отряде – не слепые. Пока наши группы были врагами, это были две враждующие пятерки против двадцати. И мы, и вы постоянно искали союзников. И кто угодно, опираясь на двух-трёх приятелей, а в случае необходимости, – и на противоположную группу, мог ощущать себя той самой мудрой обезьяной наблюдающей с удобной ветки на рвущих друг друга тигров. А теперь... А тут ещё и Стас...

– Подожди, раньше Лерку выбирал на танцах – он сам?

– Я его на то не подвигала – если ты об этом. Сам. Да и не только он. Последней она оставалась регулярно, а кто – нет?! Я, вон, тоже... не раз и не два...

- Ты – в боевых выборах.
- А мы сюда не танцевать пришли! А у неё – и Стас, и Давид, и Хольт! Редко да метко.
- Так что – Стас?
- То, что, если мы отъединимся, замкнёмся друг на друга – остальные нас сожрут! Как фагоциты – инородное тело. А Стас... Нашёл, в кого влюбляться. И – когда...
- А когда – на третьем курсе, что ли? Чтобы следить, как по неслепому жребию с ней группа сексуальную практику проходит?!
- Бр-р-р... Ладно, до третьего – ещё дожить надо. А сейчас – сегодня утром Лера встала в ваш круг. Плечом к плечу.
- Ага, а Хольт с Сержем сейчас – дерутся.
- Ага, и ты спокойно говоришь об этом. И – здесь. А не там, рядом с ним, ожидая, что вся толпа бросится на вас.
- На нас... А вы?
- По неслепому жребию стать дежурной и вести разминку могла и я, и Пётр, и... Семестр только начался – ведущим у нас уже был один только Серж. Шансы практически равные. Да и не в дежурном дело. Сорваться могли как на вас, так и на нас, на любом участке, в любое время суток.
- И на что ты рассчитывала?
- А прикинь-ка сама, – улыбнулась Танюшка. – Ну, вспомни начала анализа! Уже ж полгода втолковывают! Что мы сделали, избив Леру?
- Мы?.. Ты хочешь сказать... – Мария изумилась: – Ни хрена ж себе! Мы на площади растущего рассеянного напряжения создали точку прорыва!
- Хорошо, что тебя не слышит наставница... если не слышит... – улыбнулась Танюша. – И что это дало?
- Что поводом к взрыву должна была стать – она.
- С подавляющей вероятностью. И стала. И почему я выбрала именно её?
- Лерка, она справедливая...
- И первым за неё вступился бы кто?
- Кто и вступился. Искренний Хольт...
- Или ещё один очень справедливый, но к тому же – один из «самых мудрых» – Давид.
- Но они не успели ничего понять и ни в чём разобраться!
- Да, – вздохнула юная интриганка. – Я так надеялась на Давида... Но и на этот крайний случай, у вас была не потрёпанная, половину дня, а потом целую ночь продумавшая думы Азалина, а у нас – уже всё подсчитавшая я.
- «А не надрать ли тебе, умной, задницу?» – подумала Мария. Но даже не стала грозиться. Она помнила, с чего начался разговор: «самой страшно стало». И ещё она помнила то чувство, когда они стояли против всех – ощущение полной уверенности, что если... Вторая роза – раскроется и сплетётся с ними, как плеть с плетью, как прядь с прядью – рыжая с белой.
- ...а тому, что наутро она не досчиталась двух баллов Машка не удивилась. Совсем.

9. Ясный родник

Что потом творилось на форуме...

– ...Да какая там случайность?! Мы несёмся за ними – перед ними тупик. Парень даже не тормозит, орёт: «О, богиня!» – и нет тупика, а есть дверь. Раскрытая дверь! И они в неё! Но мы же за ними в тридцать... и трёх дюжин метров не будет! Выскакиваем тоже. Парень явно сдох, вот-вот, и он наш! Оборачивается... Точнее, Жилина его за шкуру поворачивает лицом к нам, и он: «О, богиня!»... И полог мягкой защиты – хрясть! И мы – отдельно, они – отдельно! И уж тут Жилина потешилась... Только задницу нам свою не показала. Остальное всё перебрала.

...Не-е, не показала – Блейк бы её не понял.

...А вы думали!... А иначе с чего бы ей за него вступаться?!...

– ...Да какой вам звуковой пароль?! Ещё понятно было бы, если бы его выкрикивала Галка: она всё-таки научница, может, допуск к этому – ведь есть же они, оказывается! – ТК имела, но орал-то каждый раз парень! Все свидетели подчеркивают, что Жилина едва ли не силком заставляла Блейка молить свою богиню!.. И если б им были известны пароли – чего бы тогда они перед последним порогом полчаса просидели, его вскрывая? И даже если пароль у этой двери другой был, и они б его утаить хотели – мягкий полог звуки не пропускает, она б парня своего прикрыла, чтоб по губам не прочитали, и адью!

...Ну-у-у... в порядке бреда: а вдруг у него только три желания на избавление в запасе было? И он одно заначил.

...Чего смеюсь? – ведь, если он с Жилиной связался, ему оно понадобится... Вот видите: и вам смешно.

– ...А я совсем не испугалась, когда эти двое оглашённых прорывались через наши комнаты...

...Нет, мама сказала, что с влюблёнными она не дерётся...

– ...Да какая ещё богиня?! Ну, вы-то разумные люди! Даже в Даяне есть волшебные артефакты, но – никаких богинь!

...Да Орли это, Орли! – она первой обнаружила ключ и у меня на глазах тот долбаный порог открыла. Вы счёт от этой деятельницы получили? Нет? Ну, получите – увидите: она не она будет, если «вскрытие порога отводящего петли» в него не вставит. И меня как свидетеля, а то и как заказчика предъявит... И никуда не денусь – подтвержу.

...А что полога?! Если бы это было в Даяне, я только б увидел цвет у предупреждающей надписи в камере при входе... Вы б и сами, чисто на рефлексах, все по каске надели бы и в ближайшие щели попрыгали. В любой момент, в любой момент могло всё выплеснуться! И может – время авторизации вышло, может – он своим ором замкнул какой последний датчик, а может, просто шестисекундная задержка после вскрытия бокового прохода истекла.

...Варлей? В рамках своей квалификации. Пара Жилина-Блейк – не его уровень. И то... ведь едва-едва... Но о проходе – догадался, заранее вызвать Орли – не побоялся. Собой владеет: побоище с неявными шансами в ресторации устраивать не стал... Да что там! Какие там «неявные» – тревога заставила бы наших отступить, что в условиях драки превратилось бы... Посмешище получилось бы. В коридоре я предлагал ему взорвать дверь – не поддавался, отказался, не колеблясь. И, благодаря ему, именно ему, мы теперь знаем о суще-

ствовании незарегистрированных проходов... В общем, предлагаю: вызвать его, устроить разнос, жутко штрафнуть и... двинуть вверх по лестнице. Можно – через ступеньку.

...Блейк? Парень мне понравился. Зря вы с ним так. Потенциал у него... Хороший у него потенциал. Вот по-хорошему с ним и надо. И если теперь не в клан, то уж и не в клановые враги, во всяком случае.

...А что Жилина? Как будто кто здесь Жилину не знает... Бочка с динамитом над тихим очажком... И никогда не угадаешь, что это нынче: убежище потерявшимся в ночи или замануха для вражеских партизан...

...И вы не задаете главного вопроса: если в Пристанище существует сеть технических коридоров, сеть ТК, то почему бы ей не быть в остальных холдах?! И конкретно – в нашем? Блейк увидел очевидное здесь, а я так уже почти на все сто уверен про пару мест – там. А куда они ведут вы знаете? А кто ими пользуется? А для какой цели? Так что я отсюда отбываю.

– ...народ, а кто-нить знает, куда Галка подевалась? А Блейк? В Пристанище их нет ни в одной из реальностей – ни на Гессе, ни в Даяне... Хучь взглянуть бы на него...

– Жилина его в очередную свою «экспедицию» утащила. Вот налюбуется, тогда и тебе достанется.

– Да я не в том смысле...

– А я – в том.

– Ну, давай-давай, Галка появится, архив форума прочешет, и придут они к тебе в гости, как плохо сплетничать – рассказывать.

– Запруть.

– От трезера? Он руки возденет, пророкочет: «О, богиня!», и прямо в твой вент-канал лаз пророет, Жилина туда пыльцу смеаргола вдует – неделю сморкаться-чесаться-слезиться будешь. И учти – это ещё мягкий вариант. Если Галка сумеет уговорить его на канал канализации...

– Типун тебе...

– Народ, смех-смехом, а вот я позавчера проигрался – в долг, под слово. Отдавать надо было к 20—00 вчерашнего. С утра пораньше вышел в саванну и – к заводам Вельми. Двадцать бы крякш – я свободен. Согласитесь: за день – вполне реально же!

– Один к заводам? Не побоялся?

– Да бродил я по саване уже и раньше. Берегись открытой крови, и ничего особенного. И оружие у меня... Я свой арбалет срисовал с арбалета Глосы – шесть зарядов, время перезарядки кассеты – секунды.

– Богатенький Буратино... Здесь-то, на Гессе, в копеечку, наверное, такой вышел... Не дешевле, чем в Даяне, должно быть.

– Есть места в саванне, чтоб навариться можно.

– Травка, небось, интересная какая-нибудь? Этот как его? – слисс многолепестковый? Что ж им-то не расплатился?

– Его они в первую очередь с меня слупили. Всё выгребли, даже отдельные лепестки, без стеблей... Следующего урожая теперь не одну неделю ждать...

– Ну, так что в заводах-то?

– Да то, что к 18—00 – у меня только двенадцать крякш. А на обратный путь – час. 18—45 – четырнадцать. 18—50 – пятнадцать... Такое отчаяние нашло... Чтоб когда ещё сел за стол с этими клановыми шулерами! Не выдерживаю, падаю на колени, ору: «О, Богиня!» И от моего крика из недалёкой канавы вырывается выводок. Я вслед – всей очередью, навскидку... Но это ж вам не пук дробы из ружьишка, это ж болты! А я не целясь... Падают в аккурат пять штук... Нет, я, конечно, в некоторой степени материалист... Но если б знал,

что у неё где храм есть – пошел бы свечку поставил, жертву принёс или как там богинь благодарить положено...

Гела не похожа на Солнце. Солнце на небе – диск, Гела на небе – шар. Солнце – на небе гладкое, Гела – лохматая. Солнце – ослепляюще-бело-жёлтое, Гела – ослепляюще-бело-зелёная. Солнце – с пятак, Гела – с клубок: такая, как на Земле Луна в тропиках, когда она, огромная, восходит над горизонтом. Солнце – родное, Гела... Гела – она чужая. И ещё вот это: Солнце – оно, а Гела – она. Да-да, у Солнца нет пола, а Гела – женщина, красавица... Чужая красавица!

Другая красавица – чужая? Галина Осиповна Жилина, закрыв глаза, подставила лицо Геле.

– Спит?

– В Даяне бы не слепила: у меня «диафрагма».

Мелкий *скилл* – мало у кого он стоит: вечно нужно что-то более существенное. Блейку система его тоже предлагала – он предпочёл сэкономить, чтоб, поднакопив, потом повысить стремительность. Но думать про виртуальное не хотелось.

– Ты так легко одета... И голова не покрыта. Местного излучения не боишься?

– Шляпкой от неё не прикроешься, – улынулась над Блейком Галина Осиповна.

– А мутагенность?

– В двадцать раз выше солнечной.

– И не страшно?

– Её почему-то особенно боятся геймеры, боящиеся женщин, – хмыкнула Галя.

– А ты – нет?

– Нет, женщин я не боюсь, – опять засмеялась девчонка. – Слушай, а ты, правда, программист? Вам теорию вероятности читали? Неужели не объясняли, чем практически отличается вероятность в одну десятиллионную от – в двадцать десятиллионных?

– Если – практически, то ничем, – признал Блейк. Он вспомнил, как на семинаре по теории игр им предложили выработать наивыигрышную стратегию поведения в лотереях. «Не участвовать!» – не прошло: вероятность выигрыша – ноль, а стоимость участия – низкая. Правильный ответ – покупать только один билет: вероятность становится отличной от нуля, а брать больше – смысла уже нет: количество миллионных долей значения не имеет, из-за *практической* их неразличимости...

– На Земле, у древних шахт, с этой точки зрения, жить и то опаснее, но живут же и с генетическими картами проблем не имеют.

– Ты о тамошнем радиационном фоне?

– Ага, – безмятежно ответила Галя. – И... Ты об «эффекте Хиросимы» не слышал?

– Не-ет.

– Не мудрено. Термин неофициален. После атомных бомбардировок Японии, она в том поколении получила вспышку раковых заболеваний, а в следующем – стала одной из ведущих стран мира.

– А если случайность?

– Может. Но через полвека была авария атомной электростанции в Чернобыле. Большую часть радиоактивной грязи ветрами перенесло в Беларусь. И на этот раз она получила вспышку раковых заболеваний в текущем поколении, а в следующем... В следующем, как помнишь, едва не перегнала Японию.

– Так почему об этом не говорят?!

– Два – это не статистика, это совпадение. А экспериментировать со вспышками раковых заболеваний в своём поколении желающих не находится, – с расслабленной ленцой ответила Галина Осиповна.

Ей было хорошо. Ясный день, разнеживающее тепло слепящих лучей Гелы, лёгкий ветерок, обвевающий лицо и лезущий под невесомую ткань к телу; чувство силы, чувство свободы, проистекающее от ощущения власти над животным, влекущим её вперед, от ощущения слитности с ним, от ощущения... резонанса? Да, резонанса! Всё-таки байк подобного чувства не даёт, хоть он и быстрее, и мощнее, и послушней... Может, дело именно в этом термине – в его некорректности: байк не *послушнее* – он *лучше управляем*... Нет факта преодоления чужой воли, совпадения двух волей, нет их усиления за счёт друг друга... Именно так: нет резонанса.

Галя не выдержала, склонилась к крупу коня и прошептала тому прямо в уши: «Хороший ты мой!», погладила шею и коленями послала вперёд. Конь всхрапнул и помчался. Она откинулась, почти бросила поводья и захохотала.

«И чего я совсем не понимаю женщин?! – уже в который раз подумал Блейк. – Вот только же полчаса назад она втолковывала ему об опасности быстрой скачки по саванне: мало ли в какую нору может попасть лошадиное копыто, и тут же сама...»

Пускать своего коня в галоп он бы не стал – и не только из-за здешних землероек... Это научники так сжились с этим пережитком средневековья, что у себя даже трассу для ежегодных дерби устроили – говорят, вся Гесса у мониторов собирается! – но у него и месячного стажа в выездке ещё не накопилось... – однако... а что делать?!

– Н-но! – послал он своего коня следом.

«Факт подчинения чужой воли, факт совпадения двух волей, факт резонанса!» – Галя позволила Блейку нагнать себя. Обернулась к нему:

– Вон, сразу за тем холмиком – озеро. Там остановимся? А пока, дай передохнуть своему животному – бегом, слабо?

Несильный порыв ветра окатил запахом растревоженных ими трав, тонкая блузка облепила её тело, проявила груди, выявила – едва ли не высветила их! Галя понежилась в вожделении Блейка, засмеялась...

Он слетел с коня, двинулся к ней.

– Нет-нет-нет! – не останавливаясь, смеялась и смеялась она. – Пусть твоё животное отдохнёт – хватайся за стремя! – и затанцевала с конем вокруг него.

Он поймал её за ногу... Она остановила танец, остановила смех и отдельно произнесла:

– За стремя.

Улыбнулась:

– И до озера. Только до озера – удержишься?

«Слишком много двусмысленностей!»

– Это ж с километр? Продержусь.

Он опустил руку на стремя, взялся поудобней...

– Вот и посмотрим – тронулись!

Сама она, со стремяем ведущего в руке, могла бы удержаться, даже если бы тот перешёл на галоп, но у Блейка опыта было – кот заплакал, к тому же, нехоженная саванна – это не ровная утоптанная тропа! Так что скорость она задавала только чуть повыше нормальной стайерской скорости Блейка.

– Ты не беги, не пытайся догнать лошадь, не трать силы – ты отдайся бегу!

Конечно, помогло и его настроение, помогла и его вера в неё, его к ней доверие – он перестал бояться угодить под копыта, бояться попасть ногой в яму, или, что не хватит сил. Он перестал бояться! Он отдался чувству, бегу. Он отдался ей.

Приближался полдень, приближалось время, когда она подаст ему руку и скажет: «Веди!»

Гела в Даяне ниже, чем на Гессе, крупнее её, лохматее и зеленее, вот только её лучи не греют – тактильных ощущений в виртуальностях нет. Но излучение у неё здесь ещё более злое: час без головного убора под безоблачным небом, и новичок теряет до десяти процентов здоровья, за следующий – пятнадцать от остатка, потом – более двадцати... Аптечек не напасёшься.

Блейк новичком больше не был: даже второй уровень наследует весь комплекс умений-достижений любого из предшествующих аватар, четвёртый – тем более. А специфический зеленоватый загар сошёл с его лица ещё во время предыдущего похода к Тихой долине. Теперь колер кожи был более приличным – под цвет мягкой бронзы. Но рисковать трежер не собирался, да и какой геймер добровольно отринет доступную амуницию? Особенно поначалу. Это там, на далёких верхних уровнях, тяжёлые доспехи серьезно ограничивают подвижность, и надо тщательно выстраивать баланс между весом и силой, выносливостью и скоростью, а пока... Любая лишняя железка шла во благо.

Из Пристанища утром он вышел тихо.

После всех приключений с Галиной Осиповной в лабиринтах Пристанища, вернувшись в келью и посидев над картами холда, он лишь хмыкнул на свою и всеобщую слепоту. Сеть технических проходов, переходов, входов-выходов, короче сеть ТК, ни на Гессе, ни в Даяне, почти не маскировалась. Впрочем, какое дело геймерам Гессы до реальности, а вольным Даяны – до рабских дорожек, до рабских врат?

Вот через такие сразу после рассвета, вместе с пищевым транспортом, в подводе, прикрывшись рогожей, Блейк из холда и выбрался. Лошади шли одна за другой, поводья каждой были привязаны к предыдущей повозке, никто никуда не спешил, и сопровождали караван только двое рабов: один – на самой первой, второй – на последней подводе. И досмотра никакого не было: всем стражникам на этом посту поганые телеги давным-давно обрыдли, а диверсантов или каких-то врагов у столичного холда никогда и не было.

Выскользнуть на повороте из обоза тоже особого труда не составило: первый раб сидел на облучке и, насвистывая в глиняную дудочку, невидящим взглядом смотрел вперед, а второй пузом вверх валялся, уставившись в небо. Конечно, они, и увидев его, ничего делать не стали бы. Но аккуратность никому ещё не вредила.

Блейк шёл в Долину – пока ту не присмотрела следующая семейка тигрозавров, пока кланы не заинтересовались, что это ещё за «богиня», которая в реале способна открывать запертые пороги?! Угораздило ж его поспешить со статьями в библиотеку! Теперь любой желающий может узнать: где же это был Блейк, где это он понахватался разных непоняток? Про клановых аналитиков и говорить не приходится. А уж конкретно райты... У них – и дорожка протоптана.

Ничего, время пока ещё было. Путь туда занимает неделю. Да так это – для него и теперь. А первый раз он шёл одиннадцать дней – и ему прифартило. Всё-таки трежер есть трежер! Случайно наткнувшись на пещеру, Блейк не утерпел и полез внутрь. А, оказалось, что это русло старой подземной речонки, которая, вытекая из пересохшего с тех веков ледникового озера, когда-то насквозь пробила первую гряду гор. Он трое суток провешивал по ней тропу. Провешивал по всем правилам: чтобы ему идти было легко, а преследовать его – тяжело. Ещё сутки, в общей сложности, заняли остановки на аналогичное обустройство остального пути... Хотя, если честно, он пользовался любой отсрочкой, лишь бы потянуть время и не лезть в Тихую долину. Ибо тигрозавры в ней – были. А вот всё, что касалось Алого Жезла, тогда казалось шансом, близким к нулю.

Других же шансов в Даяне не было видно и вовсе. Кланы – не для него, а помимо них...

Вне их среднее время существования нулевой одиночки – четыре дня, а потом – перерегистрация. И нулевой капитал с каждым разом – на десять процентов ниже. И в конце концов – два выхода: либо по своей воле всё-таки выбираешь себе клан и... – в младшие помощ-

ники старшего дворника, либо помимо всяких воль тоже в клан, но – не выбирая, и – в рабы. Откуда только одна дорога – к миссионерам: «Верните меня домой!» Хотя, конечно, можно и остаться... Стандартные наборы еды отнять невозможно, химические наркотики – совсем дешёвы, соответствующие местные травы давно известны – их можно поискать самому бесплатно уж совсем. Земные службы правопорядка на Гессу допуска не имеют, а Совет Кланов стоит за неограниченную, даже санитарным кодексом неограниченную, свободу личности.

Но теперь... Да, опять нулёвый капитал – но четвертого уровня! – пятьсот семьдесят шесть процентов (четыре, помноженные на двенадцать дюжин) от соответствующего капитала уровня первого. Да, бесплатные, то есть нулёвые, доспехи, но четвертого уровня тоже. И личные характеристики – соответственно. Так что, нонече не то, что давече!

Он шёл к Ясному роднику – к своей первой реперной точке.

Ясный родник – это тихонький источник целебной воды. Несколько невысоких плоских скал окружают уютную поляну, с краю которой, прижимаясь к одной из скал – почти идеально круглый, на пару шагов в диаметре бассейн, и пульсирующий в нём в неравномерном ритме водяной бугорок, и срывающийся по камням, уходящий вниз, быстро теряющийся в расщелинах ручей... Один глоток воды из него утоляет любую жажду. И возмещает двадцать четыре единицы здоровья. И в течение ближайшего часа на три процента увеличивается сила. И на шесть – реакция. Жаль, срок консервации небольшой, с полудюжину часов всего. А с другой стороны, будь по-другому, стоял бы тогда возле него пост какого-то из кланов, и курсировали бы бесконечные караваны с флягами – туда-сюда, туда-сюда. И вечный гомон, и наглые рожи охраны, и выбоины на колее пробитой для телег дороги... А так – почти незаметная звериная тропка, и ровная тенистая поляна, и лишь одно, всеми редкими путниками используемое кострище, и – Ясный родник.

С километр не доходя до него, Блейк чуть свернул к огромной секвойе, снял рюкзак... С разгона вбежал на пару метров по стволу, подпрыгнул, уцепился за сук, подтянулся, подъемом-переворотом бросил свое тело ещё выше, схватился, подтянулся... Всё-таки четвёртый уровень – это уже приятно! Прошлый раз карабкаться пришлось подольше. (В самый первый раз Блейк, когда шёл к роднику, какими-то особыми мерами безопасности пренебрегал).

Тогда он и приглядел развилку на толстенной, в тело человека, ветви. Родник с неё просматривался весьма отчетливо, но и теперь ничего подозрительного Блейк не заметил – стоянка была незанята. Немноголюдные потому что тут места.

Огляделся. По синему с прозеленью небу неспешно ползли редкие толстенные зеленоватые облака, обещая, что погода хоть несколько дней будет хорошей. За первой невысокой грядой гор, в мутно-салатном тумане пряталась вторая, потом угадывались белые пики третьей...

Тихая долина укрывалась среди хребтов второй. Через неделю он будет там.

А через полчаса – уже пил целебную воду. Место под костёр каким-то первым путником было выбрано с умом – недалеко от скалы, но не вплотную к ней: и пламя от ветра прикрывает, и есть опора, есть защита для спины путешественника.

Обильные жёлтые полоски на зелёном поле индикатора здоровья настаивали на отдыхе. Детализировка? Восемьдесят шесть процентов – нормально. Что ж, значит, привал, нормальный привал. Ему, реальному, тоже надо подкрепиться. Блейк вызвал контекстное меню, выбрал режимы: обед, отдых, и снял шлем. Понаблюдать ещё немного, как аватар на экране снял рюкзак, достал топорик, как пошел к недалёкому поваленному дереву. Улыбнулся: в прошлый раз он рубил сушняк там же, и, кажется, даже те же самые сучья. Действительно, чего зря народ по зарослям гонять?!

Развернулся и отправился на кухню: случайный «стандартный обед», дополненный собственноручно приготовленным чаем... Чуть-чуть вздремнуть после... Чем он хуже своего аватара?

Подремать Блейку не дали. Сигнал тревоги раздался, когда он ещё только сыпал заварку. Помянув Гейса, бросился в кабинет, к экрану.

Аватар сидел у костра спиной к скале. На коленях его лежал взведённый арбалет. Шесть болтов лежали слева, а справа – ножны с мечом. Руки были заняты: аватар пил чай. А к костру неторопливо приближался конный отряд. Впереди – командир, рядом – заместитель, а следом – двенадцать воинов. У всех на правом плече – тёмно-красный погон. Райты.

Блейк прыгнул в кресло, давно доведёнными до автоматизма движениями вошел в Даяну: шлем – защёлкнул, аромоскопы ввёл, перчатки натянул. Вмешиваться в действия аватара не стал – а что тут можно ещё поделаться?! Бежать? – от конных? Орать: «не подходите»?! Махать мечом? Грозиться арбалетом? Он продолжал по глоточку отпивать из чашки. Вкуса, конечно, не ощущаешь, а цвет у напитка был... вполне. И запах – пахло действительно чаем. Мда-а... чаем из пакетика.

Не доходя метров пятнадцать, командир поднял руку – отряд встал. Он откинул её в сторону – отряд раздвинулся в линию, он указал ею на Блейка – и один за другим, через равные промежутки, воины начали срывать с плеч арбалеты, единым движением рычага взводить, и направлять их на Блейка. Один за другим. Один за другим.

Командир спустился с лошади. Сделал пару шагов вперёд.

Пусть шагает. Блейк продолжил пить чай.

– Блейк! Давай хоть на этот раз всё сделаем правильно!

Блейку показалось, узнал он его. Не по голосу – по интонации.

– Варлей?

– Угадал, трежер.

«Даже в случае перерегистрации я потеряю только шесть часов и ноль опыта – нету потому как ещё на этом уровне никакого. Потеряю ещё часов десять, дождусь ночи и опять уйду. По обходной какой-нибудь тропе. Всё перекрыть у них не хватит сил, так что следующую засаду они устроят на перевале первой гряды – и пусть ждут. О пещерной тропе не знает никто. Я всё равно обгону всех».

– ... Но теперь тебе не уйти, – голос райта был напряжён.

«Он – боится!»

– ... Или ты опять... как там на форуме писали? – «возденешь руки, пророкочешь: „О, богиня“, и в скале образуется проход? Так арбалетчиков всё равно не опередишь. Или сумеешь?! Ну, давай!

«Почему обязательно – „проход“?! И никакого прохода тут нет. Да ну и что? Здесь-то не Гесса – это Даяна, магическое средневековье, где я уже дважды контактировал с мощнейшим артефактом забытой всеми богини. Я уже дважды будил его... А её? – сейчас надежды на что-либо у Блейка никакой не было. – Но вдруг зачтётся на следующую реинкарнацию?!»

– Уговорил, – произнёс он, поставил на близлежащий выступ скалы чашку с последним глотком чая, отставил арбалет, встал.

– О, Богиня! – прокричал он, обеими руками указывая на райтов.

Он почти ждал, что у кого-то из стрелков не выдержат нервы, и тот спустит затвор. А с двадцати метров легче попасть, чем промахнуться. Но «выстрел» последовал с другой стороны:

– Эх, Блейк!.. Что ж ты так неточно! Видно, придётся тебе просить Её ещё раз.

Обернулись все. Арбалетчики тоже.

На толстом стволе поваленного дерева, с которого аватар недавно рубил сушняк, сидела, баюкая на сгибе локтя чудовищный – на шесть зарядов, арбалет, молодая женщина. Была она в зеленоватых, испещрённых неправильными крупными пятнами штанах; в зеленоватой – в крупных пятнах, куртке; и даже косынка, плотно закрывающая её волосы, была

тоже – зеленоватая, и вся в крупных неправильных пятнах. Пятен не было только на крупных зеленоватых очках.

– Я б, конечно, могла пулнуть в любую из их лошадей, начался бы всеобщий бардак, и у тебя, вроде бы, появились шансы, но... – она резко крутанулась на месте и едва ли не от бедра выстрелила в другую сторону. Болт врезался в недалекую плоскую скалу, чуть ниже линии её перегиба, вошёл в камень и, на мгновение вспыхнув, задымил розовым. – Но что делать тогда вот с этими... – дым, очевидно, был едким, замаскировавшиеся за скалой райты не выдержали, вскочили, закашлялись и замахали руками, пытаясь его разогнать. – И во-он теми, – тут она просто махнула рукой, указывая куда-то. Блейк оборачиваться не стал.

– Глоса! – имя проводницы Варлей произнёс, словно выматерился.

– Ага, – улыбнулась та, поднялась со ствола дерева и, закинув арбалет на плечо, двинулась к ним.

– Водительница, зачем ты здесь?!

– Да посмотреть зашла, – опять улыбнулась женщина, – столько криков на форуме: какой-то трежер, какая-то богиня... Ну, интересно же!

– То есть вмешиваться, спасти его ты не собираешься?!

– А не знаю. А вдруг так будет интереснее, чем время с тобой переводить попусту, – она отвернулась от Варлея, окинула взглядом Блейка.

Блейк не стал отводить глаза. Знаменитая водительница особыми статями не отличалась – чуть широковатые плечи, небольшие груди... Да и весь костюм у неё скорее скрывал, чем подчеркивал женское в фигуре. Но... Это было даже не выправка, не осанка, не поза – не внешнее. Это было то, что *за...* То, что не давало отвести взгляд.

– Парень, а ты умеешь драться спина к спине? – улыбнулась ему она.

– Нет. Я – одиночка. И я не люблю драться. Никогда. Ни с кем.

– А придётся, – жёстко сказала женщина. – Всех: и этих, и тех, – она пренебрежительно махнула рукой, – я беру на себя. Но не этого, – она чуть поклонилась Варлею, смягчая свою грубость. – Его ты назвал по имени, значит, знаешь. Значит, на узких тропках – уже встречались. Он – твой. Одолеешь – идёшь дальше.

– Согласен, – Варлей вскинул руку и медленно опустил её. Всадники начали разряжать арбалеты, закидывать их за спину, сходить с коней. – Водительница, ты не трогаешь моих людей. Они не трогают Блейка.

– Варлей? – чуть удивилась Глоса. Она опять взглянула на браслет идентификатора. – У него же четвёртый уровень, а у тебя... – она перевела зрачок браслета на предводителя райтов. – О, как ты вырос в моих глазах! У тебя нынче тоже четвёртый?

– Да. Один я на нём уже заработал и сейчас заработаю ещё.

– Блейк? И ты дашь тихо зарезать себя?

– Нет. Это нерационально. Так у меня будут лишние шесть часов.

– У него клановое оружие, а у тебя – нулёвое.

– Да, но оно тоже четвёртого уровня.

– А его клановые опции?

– Пригодятся. Потом. Мне.

– Хм...

Она обернулась, воины посмеивались, раздвигаясь, обозначали круг, гомонили, один предложил ставку, никто не согласился.

– Ты? – уточнила она.

– Я! – рявкнул предложивший.

– Принимаю! – Глоса достала кошель, и бросила на камни золотой. Он зазвенел, закрутился, упал.

- У меня нет столько, водительница... – пожал плечами воин.
- Я – в доле! – сыпанул серебра сосед.
- И я!
- И я!

Общими усилиями ставку уравнили.

- Может, приступим, наконец? – начал заводиться Варлей.

– Блейк, а ты не хочешь обратиться к своей богине?

– Зачем тревожить Её по пустякам, – отмахнулся трежер и обнажил меч.

И Варлей понял, что проиграл. Его, да и всех остальных, подвела память о реале, память о хлипком пареньке с Гессы. «Он же дошёл до одиннадцатого уровня Шахматки, – запоздало сообразил райт. – Чистым, по экспертной трассе!» Боёв в Шахматке – гораздо меньше, чем в других лабиринтах, но... Десятый ярус!.. Сам-то Варлей когда-то добрался только до четвертого, да и то... Отец ко дню рождения купил ему тогда меч-сэконду...

То же самое поняли и остальные.

– Командир, сдавайся, – буркнул его заместитель.

– Так-то, мальчики, – хмыкнула женщина и, не дожидаясь ответа Варлея, начала укладывать серебро в свой кошель.

– Ну? – Блейк шагнул к Варлею.

– Сдаюсь, – заставил себя произнести тот.

– Оружие, доспехи, лошадь!

Варлей вздохнул. Встал, выпрямился.

– Подожди. У меня по тебе есть теперь ещё одно задание. И хоть его-то, но я выполню.

Блейк рефлекторно оглянулся вокруг себя. Воины подобрались. Женщина с интересом склонилась на бок голове.

– Преклони колено перед кланом Райт, – потребовал командир ловчей партии.

– О, – улыбнулась и расслабилась Глоса, – давай, Блейк. Не выкобенивайся!

Блейк ничего не понял, но, поверив водительнице, опустил на колено.

– Ты спасся от третьего нашего отряда. Ты – достоин. Клан Райт признает тебя *водителем*.

Варлей несильно плашмя ударил мечом Блейку по плечу. Прожгло насквозь. Теперь, Блейк знал, на плече его будет небольшой темно-красный рубец. У Глосы, как всем известно, таких было – десять. Разных цветов.

... – И последнее... – Варлей за бесконечными уточнениями их договора: по какой цене продавать, лошадь, доспехи... а шлем? А поножи, а левую перчатку? В какой банк вкладывать выручку? А почему не в другой? – он дождался, чтоб его команда отъехала, отослал даже своего заместителя – Бочу, наверняка, – оглянулся на Глосу, до той было метров тридцать, она не глядела на них, она пристраивала на костре свой котелок – и только после этого сообщил: – Это лично от меня: если бы я тебя остановил, то ещё одна задача у меня всё равно появилась бы – опередить мбада, они тоже выслали отряд к твоей Долине. Вчера вечером. Понял? Они выехали из своего холда вчера вечером. По мнению моих командиров, времени мне хватило бы, – и протянул руку. – Не держи на меня зла. Я всего лишь делал работу, исполнял приказ.

Блейк сделал над собой усилие, протянул свою.

– Я в друзья не набиваюсь, – чуть задержал её Варлей, – но... – и повторил: – Но не держи на меня зла.

После чего резко повернулся и пошел к своей... впрочем, уже не к своей... лошади. Блейк повернулся тоже – к недалёкому костру, к отставленной чашке, к недопитому чаю.

Механически взглянул на индикатор – обильные желтые полосы на зеленом фоне. Деталировка? Восемьдесят четыре процентов – отдохнул, называется.

У костра возилась с чаем Глоса. Вот ещё морока... Но он её ни о чём не просил, и, значит, ничего ей не должен! Хотела развлечься? – удовольствие получила. Блейк не удержался и, пока она ковырялась у себя в рюкзаке, навёл на неё глазок идентификатора, и только пожал плечами, только вздохнул – двенадцатый уровень. Или выше. А сколько их там... Информация не его ступени.

Подошёл, сел на своё место, поднял кружку, невольно взглянул на другую, которая стояла на складном столике, посмотрел на столик, на креслице рядом... И опять только покачал головой, только пожал плечами. Ручная работа. И не только мастеров – магов тоже. Мебель при всей своей ажурности, наверняка мало того, что ничего не весит, так ещё по прочности ничем не уступает добротному верстаку или неподъёмной дубовой скамье, а чашка... Что яды определяет, так это – самый минимум. А то и любой напиток в аналог тутошной воды переводит...

– Ты напрасно не оставил себе лошадь.

– Она мне не нужна.

– Вот теперь и аналитики райтов будут знать, что тебе на пути в Тихую долину лошадь не нужна.

«Упс!..»

Посмеиваясь, водительница опустила в свое кресло, вытянула ноги, подняла чашку. Очки больше не закрывали чуть ли не половину её лица. Что ж, хорошее личико – без этих, разных там ресниц в километр, глаз с блюдце, губок бантиком... или, наоборот, губищ коровьих.

– Я иду с тобой, – сообщила она Блейку.

– Нет, – рефлекторно отказал ей парень.

– Спорим?

И у неё в руке заблестел всё тот же золотой.

– У меня столько тоже нет, – пришлось улыбнуться Блейку. – И нет тех, кто поддержал бы мою ставку.

– Не вопрос, – золотой исчез из её ладони. – А на желание? Ты же уверен в себе?

Свидетели, чтобы заключить пари, в Даяне нужны не были. Конечно, отказаться потом можно. Один раз. Потому что, хоть никто ничего не докажет да и доказывать не будет, но *репутация* – наследуемый при реинкарнациях и отслеживаемый любым идентификатором параметр – при этом уходила в область отрицательных величин, и жить становилось оччень тяжело. Самое простое следствие: любой товар тебе такому продавали с наценкой «за риск», которая – от пятидесяти процентов.

– Уверен. Но мне от тебя ничего не нужно.

– Ничего? Тебе, почти нулевому, от десятикратной водительницы?! Послушай, разве ж это рационально? Неужели тебе не хочется хотя бы вот такого – вот этого! – кинжала, – она выдернула лёгкий клинок из ножен, медленно очертила лезвием круг в воздухе. Неяркие искорки, соскользнувшие с острия, на несколько мгновений отследили линию его движения, и не спеша угасли.

«„Искристый булат“ – на сто процентов губителен для любой нежити Даяны, а по нечисти... резко (от тридцати до семидесяти процентов) снижает наносимый ими магический урон», – вспомнил оружейный классификатор Блейк.

– Он лёгкий – тебе в тягость не будет.

– Извини, водительница. На золотой с тобой – я бы поспорил. Этот кинжал, после выигранной дуэли, я бы с тебя снял. А на неясное пари – не соглашусь. У меня – тяжёлый личный опыт на игры с умными женщинами. В Долину я пойду один.

– Блейк, не говори женщинам, что они умные, утверждай, что они красивы. И, – улыбнулась Глоса, – глядишь, твой личный опыт будет более приятен. Ты сейчас двинешься в путь. Я пойду следом.

– Попытайся, – не стал спорить Блейк.

«Вот и отдохнул!» – он встал и начал собираться.

Глоса с места не двинулась, она всё сидела в своем диковинном креслице, всё прихлёбывала чай из своей диковинной чашечки.

– Что ж, раз меня назвали умной, начну думать. С чего бы зеленый тушканчик, ладно – однократный водитель – так уверен, что может уйти от водительницы десятикратной?! О, кстати, есть дополнительная информация: на форуме кричали, что наш-то зелёный водитель, оказывается, совсем не зелёный трежер!

Блейк поморщился, но продолжил сборы. Да, про пещеру она наверняка догадалась, но показывать её так и так придётся, и вот там водительница, будь она сколь угодно кратная, за ним не пройдёт – даже двигаясь прямо за его спиной, даже если будет идти след в след.

– ... Конечно, он нашёл или из подручных материалов сам соорудил какой-нибудь хитрый лабиринт, где собирается «сбросить хвост». И то, что «хвост» только что спас его – значения не имеет: его же, хвоста, не просили?

«Какая ж вечно морока с этим бабьём!» – Блейк закинул за плечи рюкзак, повернулся и потопал по едва заметной козьей тропке, вдоль отвесной скалы, вверх, к устью пересохшей реки, к своей пещере.

– ... Он думает, что я за ним бегать буду! Он не понимает, что всё будет гораздо проще... – крикнула она ему вслед, отпустила метров на тридцать... ладно, на три дюжины, а потом в шесть секунд догнала, обежав его прямо по стене той самой скалы. – ... а будет всё гораздо проще, я протяну тебе руку и скажу... – она протянула ему руку и сказала: – Веди.

– Галина Осиповна... – только и вымолвил он.

Через час они ещё сидели у костра – Глоса вернула его: «Отдыхай... Не успел же с этими вояками. Да и мне передохнуть не помешает... Я тоже замаялась с ними в прятки играть. Защиту – обеспечу».

И обеспечила: в два пальца свистнула, минуты не прошло – и из-за скал появился её знаменитый спутник, гепард Спот. Неспешно подошёл к хозяйке, потёрся об её ноги. Глоса обняла его, приласкала... Показала на Блейка, внятно выговорила: «Друг!» и чуть подтолкнула зверя. Гепард подошёл, Блейк вытянул руки. Спот обнюхал их, подставился... Парню пришлось погладить. Гепард... кошка бы замурлыкала. В урчании гепарда «мурлыкания» было столько же, сколько щелета в далёком громе.

– Охранять! – последовал приказ.

Гепард принялся и неспешно потрусил вниз, по следам всадников.

– ... Он найдёт местечко повыше, заберётся и приглядит за нами. А мы... От Приста-ница досюда пёхом – шесть часов... У тебя нынче четвёртый уровень – значит, здоровья ты потерял процентов на десять-пятнадцать... Час отдыха. Я покемарю тоже...

Она повозилась со своим креслом – спинка у того удлинилась – уселась, откинулась, вытянула ноги, опустила очки и напрочь затемнила их.

– Чего пялишься – сказано же: спи... – расслабленно пробормотала она.

«Что ж, спать – так спать».

Контекстное меню, «отдых», выйти из Даяны, заварить-таки чаю, подремать...

Разминку после пробуждения Блейк провёл под ироничным приглядом Глосы. А за чаем «на посошок» она сообщила:

– Ты нужен мне.

- Тебе? Я? Зелёный тушканчик – десятикратной?!
- Не здесь. На Гессе.
- А там-то зачем?!
- Помнишь про грызлов?
- И что с ними?

Когда они в Пристанище оторвались от райтов, то ещё с часик поблуждали по закрытым переходам, эскалаторам, лифтам. Пару раз пришлось увёртываться от встречных. Однажды вовремя свернуть не получилось. Девушка в кителе внутренней службы с интересом окинула их взглядом, остановилась, но с вопросами приставать сразу не решилась... Или не успела. Блейк с Галиной не задерживаясь обогнули её и целеустремленно двинулись дальше. На повороте Блейк не выдержал – оглянулся. Девушка всё ещё глядела им вслед. Галина Осиповна не обернулась. Но сразу же за углом предложила:

- Слушай, давай сваливать. Побродили и хватит. А то чувствую, сейчас ещё одни загонщики появятся. Ты к выходу какому-нибудь тропку пробить сможешь?
- Зачем пробивать – и так выйдем.

То, что для неё было бесцельным блужданием, у трежеров называлось тестировкой лабиринта. И лабиринт этот оказался квартальным и классическим, то есть сработанным по единому для всех частей шаблону: многоэтажная (Блейк отметил четыре, а там – кто его знает, сколько их!) прямоугольная сетка, наброшенная на радиальную структуру холда. На входах – калитки первого уровня, далее отводящая петля, для знающих – проход второго уровня во внутренние коммуникации, внутри которых пороги третьего уровня – в служебные помещения. Он с ними связываться не стал: и неинтересно – что он потерял... или что он мог найти, скажем, в бройлерной? И опасно... Лезть без спецоснастки... Конечно, даже застукав, ничего бы с ним страшного не сделали. Даже если попытались штрафануть, наверняка бы вмешался Совет Кланов с вопросами: а чего такого он нарушил? а какую такую подписку сорвал? Но попадаться – плохая примета для трежера: теряешь прозрачность.

Просьба Гали подоспела вовремя: делать внутри было больше нечего. И он в пять минут вывел её к выходной камере.

...Где над знакомым уже пультиком вертелась знакомого формата мягко-зелёная надпись: «Выход открыт», а на стене светлело такое же точно дисплейное окно, как и там, где они входили. Наверное, дабы члены служб обеспечения могли выглядывать наружу и не пугать аборигенов своим неожиданным появлением. Двое таких, как раз проходили мимо. И один из них, поглаживая чёрные щегольские усики соглашался с другим: «Да, это уже не гризли, это, и вправду, грызлы какие-то кошмарные получились!»

- Так что с грызлами? – повторил свой вопрос Блейк.
- Я подозреваю генетические эксперименты.
- Ничего себе!

Фокусами с генами начали баловаться в конце XX века. От пшеницы и картошки, от мышей и овец быстро перешли к геному человека. Появились восторженные публикации, что «геном расшифрован», что теперь кое-где можно будет «чуть-чуть подправить»... Но тогда не решились —побереглись. Потом фукамизация сняла актуальность проблемы, а потом... Что-то опять в мире пришло к пределу... В результате физических опытов потеряли целую планету, в искусстве – в живописи, в литературе, в кино – вспыхнула тема апокалипсиса, родилась легенда – людены... И... «Только чуть-чуть». Блейку на семинарах по программированию, предостерегая от переделок чужих недокументированных программ, неоднократно приводили примеры таких вмешательств. Лучше напишите свою! Вот, казалось твердо-установленным, что некий ген отвечает за карий цвет глаз, оказалось – ещё

и за детскую сопротивляемость кори... Попытались исправить, попытались в следующем поколении просто вернуть, как было, оказалось, теряет доминантность сцепленный с ним ген, поддерживающий печень... А вспышки психических болезней из-за ещё одного... да нет, не отнюдь одного «чуть-чуть»... А попытка выделиться в отдельный вид *homo stylus*, там где «чуть-чутьочкой» не ограничились... Дело кончилось генетической войной – бойней, и введением генетических карт. С тех пор генетики только наблюдают, только дают прогноз и не вмешиваются. Ни во что. «Кодекс Азалиных». А наказание за оное – отнюдь не лишение лицензии...

– Мне не поверили.

«Ещё бы... Поверили бы – через два дня (сутки на сигнал туда, час на сборы и и сутки – обратно!) здесь была бы дивизия КОМКОНа. Далее – всеобщее сканирование. Далее – вопли на пол-Галактики. Далее – очень вероятно: разрыв Договора, и проект Даяна накрывается медным тазом. И вопли поднимает вторая половина... Да лично я тоже подниму тогда свой небольшой личный вопль! Только-только заработал первый статус, и – назад, на Землю, в ничто?!».

– Мне разрешили проверить лично.

– Удачи!

– Ты мне поможешь?

– Нет.

– Мне сказали: поможешь.

– Ошиблись.

– Первое. Наши не хотят скандала.

«Тоже понятно: тихо-мирно занимаются наукой на курортной планете и нафиг им нужны какие-то дивизии».

– ... Они надеются, что либо я не то услышала, либо не так тех поняла, либо речь идёт о всего лишь новой выведенной породе, выведенной классическими методами, без всякой инженерии. То есть надо просто провести генный анализ того самого «грызла». Практически – добыть хотя бы его шерстинку. Если я ошиблась, подозрения снимаются без всякой огласки, и твоя Даяна остаётся с тобой. В противном случае... Ты же понимаешь: подозрение высказано, теперь так или иначе оно будет проверяться. А когда проверкой займётся КОМ-КОН... КОМКОНу Даяна – поперек горла. Массовый уход людей из реальности равнозначен для них массовому самоубийству. Здесь, на Гессе, практически нулевая рождаемость... Но Гесса быстро заселяется эмигрантами. Не по экспоненте, как боялись, и даже не квадратичной параболе, но круче, чем по прямой... КОМКОН пойдёт на скандал, не раздумывая, лишь бы перегнуть её в обратную сторону.

– Не уговорила.

– Второе. Я понимаю, что тебе надо в твою Долину. Про мбада я расслышала. Но от их холда до Долины пятнадцать дней на конях. Тебе по всем расчетам – одиннадцать. А если мерить не по предполагаемым пешим переходам, а по фактически в прошлый раз затраченному времени, то – дней семь-восемь. На Гессе, чтобы добраться до имения уважаемого господина Телегина – нам с тобой понадобится девять суток...

– Я не пойду.

– ...девять суток, если мы симитируем ещё один флорастический рейд и выедем на конях. Мы будем двигаться до полудня. С нами, по-прежнему, будет моя платформа. На ней только разблокируют её двигатель.

– Я не пойду.

– ... И установят два терминала с выходом на Даяну. После обеда я помогаю тебе – здесь.

– Но...

– И снимаются штрафы за несредневековость, и коэффициент к начисленным баллам устанавливается равным трем.

Галина Осиповна сделала паузу, но Блейк промолчал тоже.

– Что ж, тогда последнее. Меня попросили сказать тебе, что... цитирую: «если ты согласишься, тебе помогут с тремя десятками секунды».

– Какие ещё... – начал Блейк. И замолчал.

– Меня попросили простить тебя, если ты выматеришься... Ты удержался. Спасибо. Хотя я бы и простила. На этот раз. Но это ещё не всё, меня и к той фразе попросили добавить слова: «на этот раз – только на этот раз»...

На этот раз Блейк молчал недолго:

– Пять.

– Вообще-то, мне разрешили поднимать коэффициент участия до шести.

– Шесть!

– Принято!

Глоса вскочила, протянула руку и во весь голос заорала, почти завизжала:

– Веди!

«Что ж это я никак предсказать её не могу, – ошарашенно подумал Блейк, – даже в этой малости?!»

Впрочем, тот выкрик оказался всего лишь фигурой речи. Подняв Блейка, она свистнула. Наверное, как-то не так, как час назад, потому что на этот раз со скал спланировал другой её знаменитый спутник – червонный скорпихор Рамзес. Он приземлился в шаге от них, вытянул голову к Блейку и закричал – резко, экзотично, какой-то переливчатой трелью.

– Хорошая лошадка... – на всякий случай пробормотал Блейк.

– Друг! – опять указала на него водительница.

«Если и этот полезет ласкаться!..» – с некоторым ужасом подумал Блейк, но Рамзес только спрятал жало, выступавшее на конце выгнутого в сторону парня чешуйчатого хвоста – яда в котором хватило бы на всю давешнюю тигрозаврову семейку...

– Рамзес двоих долго не потянет. Будем ехать по очереди. Сначала я на нём, ты бежишь за стременем, а через полчаса меняемся. У тебя же уже четвёртый уровень – удержишься?

– Как? В воздухе?!

– Он не полетит – поскачет. Рамзес умеет. Да и меньше при этом устаёт.

– Он слишком большой – не пройдёт пещеру.

– Под перевалом, да? Перелетит поверху. И без нас. А на той стороне меня найдёт.

Но до тех пор мы, благодаря ему, сэкономим ещё часов двенадцать.

– А твой Спот?

– Крик Рамзеса он услышал. Пойдёт следом, прикроет тылы.

– Хотел же тихо, не спеша... – покачал головой Блейк.

– Сплошная морока с этим бабьём, да?

– Трогай!

Глоса не стала тянуть время, выясняя, кто здесь командир, она причмокнула, скорпихор вытянул согнутую в колене лапу, водительница, пользуясь ею, как подножкой, вскочила на своего зверя. Блейк ухватился за протянутое стремя.

– Н-но!

Рамзес был хорошо выучен: он явно показал начало прыжка, и Блейк прыгнул вместе с ним... После первого прыжка экзот, сделав небольшую паузу, прыгнул снова, а потом – опять через мгновенную паузу – новый прыжок. Передвижение походило на детский аттракцион «Гигантские шаги»... Остановки потихоньку сокращались, Блейк потихоньку прино-

равливался. Но, не будь у него четвертого уровня, был бы ему... аттракцион. А так, войдя в ритм с этим необычным скаковым животным, трежер скоро передал управление аватару.

Однако сэкономить время не получилось. Они ещё и в первый раз поменяться с Глосой не успели, как из недалёкой рощи донесся истерический вопль:

– О, Богиня!!

Блейк был одиночкой. В обычных условиях, заслышав в Даяне подобный, полный ужаса, зов о помощи, он прикинул бы степень своей вооружённости, градус предполагаемой угрозы и либо с ещё большей осторожностью пошёл бы дальше, либо не спеша свернул с тропы, дабы посмотреть: не достанется ли и ему с трупов толика трофеев.

Теперь, к своему удивлению, понял, что пришла очередь совсем других вариантов. Объяснять что-либо Глосе времени не было – Блейк, не раздумывая, бросил стремя и повернул к роще. До той было около ста пятидесяти метров – на две дюжины секунд.

«Не успею!» – понял трежер, но только увеличил темп.

– Блейк, руку!.. – раздалось чуть сзади.

Он оглянулся – успел обеими руками вцепиться в протянутую ладонь откинувшейся на стременах, перегнувшейся к нему водительницы, и Глоса одним движением забросила его на Рамзеса, позади себя.

– Держись! Готовь арбалет! Мой! – прокричала она ему и скомандовала: – Чако!..

Скорпихор понял то, чего не понял парень – он резко, высоко подпрыгнул и мощными взмахами раскрывшихся крыльев начал подниматься над рощицей.

«Хотел бы я знать, – ворчливо подумал парень, – как можно одновременно держаться и при этом заряжать арбалет?!»

Но ноги сами нашли прикрытые шерстью удобные впадины в теле зверя, Блейк напряг колени, освободил руки – убедился: держится! И тут же чудовищный арбалет Глосы заскользил по её спине – парень еле успел подхватить его. Ох, тяжеленный-то какой!

– Мне – на плечо! – скомандовала водительница.

Да, это правильно. Блейк с натугой приподнял экзотичное оружие и опустил ствол на девушку. Тот чуть скользнул и удобно устроился специальной выемкой на её плече, тут же что-то щёлкнуло, и арбалет зафиксировался. Парень попробовал шевельнуть его – градусов в шестьдесят ход был свободным.

«На моих уровнях его так и используют – парами», – понял трежер.

– Смотри: вон они!

Их было четверо: трое мальчишек и девчонка. Они на небольшой полянке прижались друг к другу спинами, окруженные стаей сизых шакалов. Пара убитых хищников валялась на земле, один катался по поляне, пытаясь выкусить арбалетный болт из под своего ребра, но ещё с дюжину кружило вокруг людей, а ещё столько же, не спеша, выбирались из-за раскидистых кустов.

– О, Богиня! – опять закричала девчонка и толкнула локтями мальчишек: – Ну же!...

И те неуверенно, неловко, вразброд закричали тоже:

– Богиня! Богиня!

Шакалов их крики не впечатлили. Они сужали круг.

– Блейк, давай! Яви им чудо!

Блейк перевёл один рычажок на крайнюю цифру «шесть», другой – на деление, у которого ярлычок стрелки часто мерцал (трассировка), утопил синюю (звериную) кнопку – другие, под незнакомыми значками, не тронул – разбираться не было времени. Навёл прицел на готовящуюся к прыжку на людей стаю. Шесть звериных силуэтов налились красноватым туманом.

«Да!» – согласился с выбором целей Блейк и нажал на спусковой рычаг.

Шесть негромких хлопков шести спущенных тетив почти слились в один.

Это было красиво: шесть светящихся, сорвавшихся с неба стрел, шесть забившихся в судорогах, визжащих бестий на земле, резко отпрянувшие от окружённых людей остальные хищники, замершая в нерешительности у границы поляны вторая стая...

– Богиня!! – завизжала девица и, как топор, вскинув вверх меч, ринулась вперёд. Мальчишкам ничего не оставалось, как последовать её примеру. Двое прикрыли её по бокам, третий чуть отстал, дабы хоть как-то контролировать тылы.

«А чего раньше ждали?! Четверо против полутора десятков некрупных хищников... Если стоять на месте, то дождались бы атаки со всех направлений и по одному точно погибли бы, а так – мечом и манёвром... Только первым поставить бы кого-нибудь покрупнее... Какие-никакие доспехи на них же есть, от неконцентрированного укуса любые спасают точно, да и от захватывающего – пару секунд продержаться помогли бы, и поддерживая, оберегая друг друга...»

Девчонка сверху вниз, с разгону раскроила, едва не снесла напрочь голову шакалу, вставшему на её пути, другой, бросившийся на неё слева – нанизался на лезвие её соратника, а справа парень длинным взмахом отсек переднюю лапу у ещё одного. Раненый зверь отскочил в сторону и, визжа, на трёх ногах заколбасил к лесу. За ним, с таким же жалобным поскуливанием, хоть их никто не тронул, бросились ещё четверо.

«... и, если гибнет более половины стаи, остатки, по неписаному стандарту, бегут».

– Богиня! – опять заорала девчонка и, как копьё, метнула свой меч вдогонку.

«...и осталась безоружной, вот дура... и ведь всё равно ж не попадёт... и... однако!...»

– Богиня! – раздался восторженный слитный вопль сразу из четырёх глоток: меч, действительно, как копьё, пролетел дюжину метров и пришил к земле сизаря! Остальные – только прибавили визгу, прибавили ходу. Вторая стая давно уже благоразумно притормозила, а заслышав новые верещания, тихо растворилась меж деревьев.

– Ого... – Глоса впечатлилась тоже. – Спускаемся?

– Но...

– Ты собираешься бросить мои заказные болты?!

Против этого возразить было нечего. Блейк промолчал.

– Рамзес, тьах!

И Рамзес сложил крылья... Почти совсем.

Блейк, вцепившись коленями в бока экзота, а руками в арбалет, еле удержался на его спине. В ушах засвистел ветер, земля ринулась на них...

«Он же привык – только с Глосой, а вот сейчас с моим добавочным весом, ка-а-ак!...»

Но скорпихор всё рассчитал точно: вовремя раскинул крылья, и приземлились они мягко.

– Освободи арбалет – внизу ложа есть синий рычажок. На себя! – скомандовала водительница.

«Сам знаю», – мысленно проворчал трежер. Случилось ему однажды вдвоём побродить по уровням, тогда и научился обращаться с парным оружием... А заодно, приобрел тяжёлый опыт общения с умными женщинами. Больше на Земле он так не рисковал.

Он отщёлкнул фиксатор, приподнял оружие, Глоса тут же соскользнула со своего Рамзеса.

«Всё-таки какой же он тяжёлый!» – удерживая арбалет обеими руками, Блейк поднял ствол вверх, стало легче. Освободил руку, перекинул ногу через спину скорпихора и, чуть опираясь, спустился следом. Представил, как выглядит: эдакий герой виртуальных былин! – покачал головой. Попросил:

– Да забери ты его!

– Кидай, – улыбнулась девчонка.

«О, Богиня!» – взмолился парень и кинул.

Наверное, какая-то богиня и в самом деле приглядывала за этой поляной: арбалет не завертелся, полетел, как надо и куда надо и, самое главное – добросить до Глосы у Блейка получилось.

Ну, то, что десятикратная водительница легко подхватила его, одним движением закинула себе за плечи и зафиксировала – за чудо считать, наверное, не надо. Хоть смотрелось тоже... качественно.

– Могёшь, – улыбнулась она. – Идём знакомиться!

Идти не понадобилось: все четверо, сплочённым отрядом, с обнажёнными мечами шли к ним. Меч был даже у девчонки: Блейк ещё в воздухе видел, как за ним сразу отправился тот, что в схватке закрывал тылы.

Подошли.

Девчонка неуверенно, почти жалобно спросила:

– Блейк?

«Да уж, прославился...»

– Ну?

Она сглотнула, перевернула меч остриём вниз и с силой вогнала его в землю. Опустилась на одно колено. И то ли продекларировала, то ли взмолилась:

– Рыцарь Богини, прими мою верность!

Тут же то же самое сотворили остальные:

– Рыцарь Богини, прими мою верность!

– Рыцарь Богини, прими мою верность!

– Рыцарь Богини, прими мою верность!

10. Забота о выживании вида

Когда, закончив обсуждение итогов первого года обучения, начальник Академии, поморщившись, предложил им перейти из релаксационной комнаты в рабочий кабинет, кураторы переглянулись и за его спиной улыгнулись друг другу. Вера Игоревна оглянулась на аквариум и не удержалась – щёлкнула ещё раз по его стеклу перед носом у пузатого вуалехвоста, но тот опять только поблмыал толстыми губами... Хорошо ему, наверное, рыбу этому в тёплом красивом домике... За прозрачным стеклом.

– Садитесь, – кивнул им на стулья вдоль длинного стола босс. Сел и сам – в своё начальственное кресло у знамени Конфедерации. Кураторы послушно расселись – недалеко от него, напротив друг друга.

– Господа! – начальнику была неприятна эта официальная процедура, но на то он и официальное лицо. – Вера Игоревна я вынужден напомнить, что девятнадцатого июля Вам исполняется двадцать семь лет, а у Вас до сих пор нет ни одного ребенка. Дмитрий Олегович, Вам двадцать девять лет исполняется на месяц позже, но пользуясь случаем, я и Вам напоминаю «Пункт Первый»: «Забота о выживании вида – главный приоритет официальных властей». То есть, согласно уставу Государственного Учреждения, через полгода Вы, Вера Игоревна, и через семь месяцев Вы, Дмитрий Олегович, получите последнее предупреждение о том, что ещё через полгода прозвучит констатация: работа мешает вашей личной жизни, и вы оба будете уволены. Ибо никакая государственная структура не может мешать счастью своих сотрудников, – начальник, как от кислого, скривил губы, выговорив неуклюжую формальную конструкцию.

(Все знали: не только «государственная». Государство не может диктовать «персональную политику» частным фирмам, но может обложить ту «налогом на несчастных». Неподъёмным налогом. На любую «фирму». Даже, если в неё будет входить только один человек: сама женщина после двадцати восьми лет, у которой нет ни одного ребенка, или она же, но после тридцати семи лет – без двух детей. Или то же с мужчиной – двумя годами старше.

С голоду умереть не дадут многочисленные пособия. Но все они требуют бесконечных подтверждений, а обеспечивают только уровень выживания, не предусматривая никаких излишеств, никакого баловства, никаких следов роскоши... И те же налоги могут обрушиться на мужчину, сводившего бездетную женщину в дорогой ресторан, и даже на родителей, приютивших в своем ухоженном особнячке родного бестолкового бездетного сына...

Не получается найти любимого/любимую самим? – есть целая индустрия «служб знакомств». Заполняешь анкету со своими данными, пишешь анкету с требованиями к будущему избраннику (или будущей избраннице) – от цвета глаз до... знания бухучёта, общаешься с агентом – тебе улыбаются, с тобой разговаривают, из тебя душу вытрясут психоаналитики! – и тебе найдут. Они будут очень стараться! И не только потому, что ты им заплатишь, очень хорошо заплатишь, но и потому, что государство приплатит тоже: за каждую пару, продержавшуюся более «среднего срока» – им скидка по налогам... А лучшим из лучших, успешным самым, самым эффективным – на сегодня эффективным! – ещё и пропуск на официальные информационные каналы... Рекламка...

А нет у тебя денег... или уступив очередной волне моды, можно «отдаться на волю рока» – есть «Партнёр», программа официальных властей... Заполняешь другую, очень короткую, анкету, анкету, в которой пунктов с «требованиями» нет вообще, из ограничений – только возраст, запускается генератор случайных чисел, сверяются генетические карты... *Акт об официальном пары* выдаётся тут же – до фотографий, до любых сведений

об избраннике (-ице) – только имя, фамилия. Подписываешь – и вперёд, без права на отказ. Нет, отказаться, конечно, можно – пишешь заявление на развод, получаешь клеймо «асоциальбельности» в личную карточку и живи дальше, как хочешь!

И попытка даётся лишь одна, одна на каждого ребёнка. Так что, досталась тебе законченная стерва, достался тебе прыщавый толстун – нервы в кулак, свет в спальне – в глухую блокировку, и забудь про слово «нет». Кто откажет – тот инициатор разрыва. Тяжело морально? – психологи буду работать с вами почти бесплатно, тяжело с деньгами – получите налоговые скидки «молодой семьи», а как только факт беременности будет установлен – так ещё и доплаты, существенные правительственные доплаты: «беременность женщины – это счастье женщины». Чтобы избежать клейма «асоциальбельности» любой официальной паре надо продержаться год. Как минимум – год. И держатся...

Однако ж, как ни странно, чаще везёт. Статистика утверждает, что «партнёрские» пары сохраняют официальный статус в среднем ненамного меньше пар «выбранных», очень ненамного – а уж про пары «вольных» и говорить не приходится.

Исключение же только одно: медицинские показатели. Но даже тут... «При прочих равных условиях преимущества при продвижении по госслужбе отдаётся гражданину, имеющего более одного ребёнка, как априори доказавшего свою элементарную социальность». На практике всё ещё жёстче: майор Половцева Вера Игоревна, к примеру, до рождения второго – ни при каких условиях не станет полковником. А капитан Сергеев – именно по этой причине – до сих пор капитан. Только капитан. «Гендерная дискриминация», – улыбался он).

– Вам всё ясно? – словно у него заболели зубы, процедил генерал.

– Да.

– Да.

– Комментарии? Вопросы?

– Вот.

Вера Игоревна раскрыла свою папку, вынула лист с напечатанным текстом и передала его начальнику.

– И что это?! – он не удосужился даже скользнуть по ней глазом.

– Наше заявление.

– И чего вы там заявляете?

– Мы просим Вашу санкцию на образование официальной пары, – улыбнулся Дмитрий Олегович, протянул через стол руку грозному майору, и она вложила в неё свою ладошку.

Первый раз Танюшка в Академии сорвалась в середине третьего семестра.

За три дня до этого на силовом тесте она опять заняла последнее место.

За два дня до этого «битву троек» она опять провела, подпирая стенку.

За день до этого её выперли из тренажёрного зала: у них, видите ли, указание наставника по общему физическому состоянию!

(Когда она влетела к тому в кабинет, он на её вопли высветил все свои тридцать два зуба и сказал, что, сколько её ни удобряй, кукуруза у Воркуты не растёт. «Да причём тут кукуруза?!» – психанула Таня. Патрик же Турсунмурадович запустил свою лапищу в её распущенное волосьё, подбросил его, посмотрел на ниспадание воздушного золота, вздохнул:

– «Действительно, причём здесь американские злаки?! – и выгнал: – Вали отсюда, не вводи во искушение старого бедного негра.

У несчастного афро-азиата сквозь спортивную безрукавку выпирали бугры мышц; в карих глазищах и ночью, наверное – и сквозь самую тёмную полночь! – мерцали бесовские огни; припорошенная сединой борода тщательностью формы вызывала желание подёргать, дабы убедиться, настоящая ли она. (Татьяну от реализации навязчивой идеи с проверкой удер-

живала только полная уверенность, что в ответ этот выкормыш трех континентов тоже даст волю своим «шаловливым ручонкам»). А уж когда он улыбался... Такими зубами можно попеременно рвать крокодилов и рекламировать ослепительной их белизной стиральные порошки!

– «Искушение»... – не удержалась Танька, – у Вас, что ль, мало женщин было... есть и будет?

– Без счёта, – послушно согласился Турсунмурадович. И с тоской добавил: – Но сколько ж ещё не подсчитанными останутся?! Вали отседова, кому говорят! А на тренажерах лишнюю минуту застукаю, тыщу баллов спалю!

Что осталось бедной Тане? Показать язык. Перехватив в воздухе, метнуть назад запущенный в неё один дарт. Изогнувшись, пропустить над бедром второй. Подпрыгнув, уйти от третьего с четвёртым. И, следующим прыжком, сорвавшись в кувырок, вылететь из кабинета. Да! – ногой захлопнуть дверь! Вовремя: тут же в неё ударили ещё и пятый с шестым.

«И ведь всеми же опять в задницу метил... извращенец старый!»)

– Не стыдно?

– А куда ж ещё-то? – искренне удивился мистер. – Попа – самое безопасное место. Зачем девочке лишняя регенерационная сессия? А так: увернется – молодец, нет – ребяткам её забава: перевязку делать... да и мне... попаду – ох, приятно...

Вера не удержалась и дёрнула его за бороду, он тоже не стал удерживаться – хлопнул по попе её, нарвался на блок, нарвался на объятие, на поцелуй... Да что то за поцелуй – одно название! Только и славы, что громко. Чмокнула, стерва, и всё – ужом выскользнула... Вот же гадючка!

«Вот же... извращенец старый», – покусала губы майор. – Ну, как он это вытворяет?! Ведь опять не удержалась...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.